



ГРЕЗЯЩАЯ
ИМПЕРИЯ

Annotation

Десять лет назад принц Берилл был отравлен. Он выжил и теперь вместе с младшим братом пытается выяснить, почему слабеет магия. Но в крови еще пульсирует яд, а жрецы снова заговорили о древних пророчествах. Ответы найдутся в руинах древнего города Ша'харара, откуда ветер приносит давно забытые грёзы.

Бродяжка сидел в пыли рядом с рынком и громко говорил всем, кто хотел — или был вынужден — его слушать.

— Грядет, грядет! Он уже здесь! Смотрит на вас глазами из мрака.

На его худом теле болталось то, что вполне могло быть мешком из-под зерна. На талии веревка. Отросшие темные волосы грязными космами падали на лицо.

— Он уже здесь! Здесь!

Шедшие мимо люди бросали на бродяжку косые взгляды, но не останавливались. Да он и не особо жаждал этого, будто разговаривая с пылью, стенами домов и трепетавшими на ветру полотнами рыночных лавок.

Мимо прошла женщина с плетеной корзиной, в длинной юбке и цветастой шали. Такие привозили из Эллемира и утверждали, будто ткачихи грезили, пока их создавали, именно поэтому цвета настолько яркие. Мысль о новых красках, конечно же, казалась менее привлекательной.

С этой шагал ребенок, который смотрел на бродягу, раскрыв рот. Обычно джаданы следили за порядком и гоняли бездомных, им полагалось сидеть ближе к храмам, а не к рынку. Сегодня, видимо, случайно пропустили.

Одернув ребенка, горожанка буквально потащила его вперед.

— Он уже здесь! Рожден, чтобы уничтожить империю.

Предсказания не являлись такой уж редкостью. Но ими занимался особый жреческий орден, а уж от бродяги воспринимались скорее как признак безумия.

Жаль беднягу, но пойдём-ка дальше на рынок, слава богам, что у нас-то всё в порядке.

Бродяга подскочил, потрясая костлявым кулаком:

— Он рожден, чтобы уничтожить империю!

Жрецы появились неожиданно, буквально выступили из пыли. Остановились точно перед бродяжкой: длинные одежды белых и песчаных цветов, бритые головы у двух мужчин и собранные волосы у женщины. Цепочки жемчужин, окутывающие, будто паучы сети. На тыльных сторонах ладоней каждого — оранжевые знаки жрецов.

Бродяга посмотрел на мужчину со шрамом на щеке и тихо, но уверенно сказал:

— Он всё разрушит. Утопит в крови.

Жрец кивнул и сделал приглашающий жест:

— Идем в храм, сын мой. Там тебе дадут кров и выслушают. Ты расскажешь всё, что видишь.

Бродяга неуверенно переминался с ноги на ногу, будто не зная, стоит ли верить жрецу. Или уходить с улицы, с которой он сроднился.

Бродяга внезапно наклонился и зашептал:

— Он рожден, чтобы уничтожить всё!

— Знаю, — спокойно кивнул жрец.

Это как будто убедило бродягу. Он кивнул и вместе с одним из жрецов отправился к храму, оставив того со шрамом и женщину.

Она хмурилась, голос её звучал негромко:

— Ты уверен? Мы не получали Истинных пророчеств десять лет. А он ведь даже не жрец!

— Ты его слышала. Он видит то же самое, что наши лучшие эльхары десять лет назад. Мы не избежали катастрофы, мы ошиблись. Наш долг узнать больше у этого несчастного. И устранить угрозу.

— Снова запятнаешь руки королевской кровью?

— Что угодно ради благополучия империи.

1. Берилл

Берилл поднялся, тяжело дыша. Рубашка пропиталась потом и прилипла к спине, на теле наверняка осталось порядочно синяков. Сжимавшая меч рука явно ослабла. На тренировках он предпочитал доходить до крайней степени изнеможения, только тогда можно считать «достаточно».

Сегодня их прервали.

В дверях тренировочного зала застыл слуга, не смея поднять глаза:

— Ваше высочество принц Берилл, Придворный алхимик срочно просит зайти.

Берилл хмурился, Агат рядом хмыкнул. Он тоже пытался перевести дыхание, опустив меч:

— Похоже, братец, на сегодня тренировки окончены.

Агат никогда не отличался усердием и наверняка только рад поскорее закончить с ненавистными ему мечами и вернуться к магии. В последнее время он вообще тренировался как-то вяло. Берилл сердито глянул на него, но ничего не сказал. Убрал оружие на стойку и направился к дверям.

— Даже не переоденешься? — Агат вскинул брови. — Я, конечно, понимаю, все отчаялись соблазнить эту красотку, но можно хоть немного постараться!

— Это ты мечтаешь всех соблазнить, — беззлобно отозвался Берилл. — А я просто выяснять, что ей надо.

— Почему смеет вызывать наследного принца?

Агат всё-таки слишком хорошо его знал. Потому что Берилла действительно раздражало, что алхимик посмела звать его, будто домашнего питомца.

Хотя Берилл догадывался о причине. Именно поэтому и пошёл.

Единственное, что он себе позволил, по дороге всё-таки приказать слугам подать воды и наскоро умыться. В остальном ему хотелось, чтобы алхимик увидела его именно таким, потным после тренировки, встрёпанным. Чтобы она понимала, что прервала его.

Замок империи Шеленар, которую чаще называли Орихалковой, был таким же огромным и разнообразным, как её земли. Берилл родился и вырос в этих стенах, но даже у него ушло много времени, прежде чем он прошел через причудливые каменные галереи, мимо гобеленов и мозаик, испещренных позолоченными росчерками.

Всех членов королевской семьи называли в честь драгоценных камней. Имена их душ, данные при рождении, не разглашались. Берилл считал, что мало походит на минерал, в честь которого получил имя: крепкий, как отец, но слишком изящный, пошедший в ту заморскую наложницу, которая стала его матерью. Отчасти поэтому Берилл считал, что ему нужны дополнительные тренировки. Он не хотел быть слабым.

Таких во дворце сжирали с потрохами.

Агату проще, он младший принц, его мало кто берет в расчет... может, только Берилл и знает, что брат отнюдь не настолько легкомысленен, как хочет казаться. У него цепкий ум, но отличная маскировка, чтобы не показывать истинные силы.

Он тоже помнит Алмаза. Хотя в то время еще не дорос до официальных церемоний, и его не было на пиру, где наследного принца убили. Когда Берилл внезапно для самого себя занял место мертвого старшего брата и понял, что дворец — это пруд с хищными рыбами, каждая из которых чует кровь и хочет цепануть от тебя кусочек.

В комнатах Придворного алхимика царили тепло и горьковатый аромат трав, под которым будто скрывался металлический привкус. Берилл напрягся, догадываясь, что это, но внешне оставался спокойным.

— Ты прервала мою тренировку, Ашнара.

Она сидела за столом с разложенными склянками и записями. Её платье состояло из нескольких видов ткани иссиня-черного цвета, одна струилась до пят, другая поверх казалась легкой и слегка мерцала. Светлые волосы алхимик собрала и небрежно закрепила нефритовыми заколками, но несколько прядей упорно выбивались.

Ашнара Далай обернулась, оглядела Берилла и поморщилась:

— Будь добр, помойся и переоденься. Ты принц, а не мужлан с конюшни.

— Тренировался.

— Мне всё равно надо закончить.

— Ты сама вызвала срочно.

— Не думала, что правда сразу явишься. Видимо, не терпится попробовать.

Она махнула рукой в сторону огороженного шелковой ширмой пространства, за которым скрывалась каменная купальня со всегда подогретой водой из горячих источников под дворцом.

В покоях Придворного алхимика только лучшее.

Вздыхнув, Берилл приказал слугам принести его одежду, скинул пропитанную потом и с наслаждением опустился в купальню. Он слышал, как Ашнара постукивала склянками, и мог представить её сосредоточенное лицо.

Она была красива и молода, как и все алхимики. Это было иллюзией — как у всех алхимиков. На самом деле, они жили долго, очень долго, накапливая мудрость, знания и порой делаясь ими с монархами или магами.

Ашнара приехала во дворец после гибели Алмаза. Отца не столько опечалила смерть старшего сына, сколько разозлила. Кто-то посмел убить его в стенах дворца! Поэтому он захотел лучшего алхимика. Ашнара согласилась.

Невысокая, хрупкая, сейчас она едва ли доставала Бериллу до плеча. С лицом сердечком и большими темными глазами в обрамлении густых ресниц. Кто-то говорил, что на самом деле она вовсе не человек, а легендарный дракон — или наполовину дракон, именно поэтому, а не из-за алхимии она не изменилась с того дня, как Берилл впервые ее увидел.

Каждый из юных аристократов пытался ее соблазнить, но ни у кого не выходило. Ашнара оставалась неприступной и недосягаемой.

Берилл вымылся ароматным мылом и розовой водой, надел свободные белые одежды с золотым шитьем, подобающие принцу, тонкие черные перчатки. Последние считались традицией, отличавшей аристократов от простых жителей империи, которые не могли позволить себе непрактичную роскошь, но Берилл прекрасно знал, что дело в другом. В прошлом слишком многих травили через прикосновения к пропитанным ядом вещам.

Берилл подошел к Ашнаре, сидевшей на стуле и рассматривающей его. Она с удовлетворением кивнула:

— Теперь ты больше похож на будущего императора.

— Если доживу.

— Из-за этого и позвала.

Алхимик взяла склянку и подняла, сжимая её длинными тонкими пальцами. Поставила перед собой.

— Новое зелье, — Берилл попытался скрыть волнение.

Именно за этим она звала. Именно поэтому Берилл спешил к ней. Каждое новое зелье наконец-то могло стать удачным.

— На этот раз должно получиться, — сказала Ашнара. — Я учла все факторы.

Она поднялась, и в этот момент действительно казалась прекрасной без всякой алхимии или магии. Уголки губ приподнимались в улыбке, глаза сияли, и Берилл легко мог поверить, что в девушке действительно течет драконья кровь.

Не сдерживаясь, Берилл наклонился и поцеловал. Ее губы открылись ему навстречу, она потянулась, прильнула.

Сколько раз он прижимал ее к себе в этих покоях, подхватывал и усаживал на стол, ненароком разбивая одну-другую склянку. Она отдавалась ему со всей страстностью и покорностью, которую сложно было заподозрить во властном алхимике.

Только неизменно просила держать их связь в секрете.

Берилл тоже не жаждал кому-то рассказывать. Даже Агату. Как принц, Берилл всегда оставался в опасности и прекрасно это осознавал, но не хотел рисковать кем-то еще. Никто не должен знать, что у него есть близкие.

К тому же алхимики не имеют права вступать в связь с теми, кому служат. Ашнара рассказала, что у них очень строгие правила на этот счет. Узнав, ее в лучшем случае отзовут из дворца. Что может быть в худшем, она не говорила.

Сейчас Ашнара отпрянула, даже сделала шаг назад и указала на зелье:

— Сначала попробуй. Хочу знать, подействует ли.

Берилл с трудом сдержался, чтобы снова не притянуть ее к себе. Вздохнул и подхватил флакон с зельем. Полночно-синее, со сполохами, будто звезды.

— Я знаю этот цвет, — голос Берилла дрогнул. — Чью кровь ты использовала?

Ашнара отвела глаза, но все-таки вздохнула:

— Агата.

— Он...

— Всё знает. Думал, сможешь скрыть от младшего брата, что умираешь? Он догадался. Пришел ко мне. Я не стала врать, потому что его кровь могла помочь с зельем. Он согласился.

— И ничего не сказал мне?

— Вы оба выросли во дворце. Научились скрывать и недоговаривать. Я хотела испробовать зелье, а если всё получится, то рассказать.

Теперь Берилл понял, что за «недомогание» было у Агата пару дней назад, почему сегодня он тренировался так вяло. Для того чтобы сделать небольшую склянку подобного зелья, требуется взять очень много живой крови.

— Составы на крови работали лучше всего, — нетерпеливо пояснила Ашнара. — Агат твой брат, его кровь должна довести формулу до совершенства. Пробуй.

Не сомневаясь больше, Берилл открыл пробку и залпом выпил содержимое флакона. Зелье чуть горчило на языке, а потом оседало противным металлическим привкусом. Берилл зажмурился и запретил себе думать, от чего это. Иначе рисковал исторгнуть зелье обратно, а тогда всё будет зря.

Не только Алмаза отравили в тот день. Берилл был на том пиру, тоже ел поданные рисовые шарики с медом — сладость скрыла вкус яда.

Да, конечно, отец отыскал потом тех, кто это сделал. Вздорный аристократ, который

поссорился с Алмазом и ненавидел его. Никаких заговоров против трона, император и не ел сладости, все это знали, а вот принцы их обожали.

Алмаз умер на том же пиру, в долгой агонии, захлебываясь кровью и раздирая руками камзол на груди. Берилл принял меньше яда, болел несколько дней. После чего объявили, что младший принц выздоровел и стал наследным.

Это было не совсем так. Яд остался в теле Берилла, притаился, иногда давая о себе знать мигренями. Хуже всего, что годы спустя он мог снова вспыхнуть, оставив Берилла слепым, парализованным — или попросту убив его.

Именно Ашнара распознала это, когда Берилл вырос, а она случайно стала свидетелем его мигрени. Именно она начала искать зелье.

Берилл глубоко вздохнул и посмотрел на Ашнару:

— Как мы узнаем, подействовало или нет?

Она склонила голову, наблюдая, будто перед ней любопытнейший эксперимент.

— Если подействует, ты ничего не почувствуешь, но яд растворится, уйдет навсегда. Если не подействует... ну, тебя вырвет.

Берилл вздохнул и уселся на стул. Что ж, придется подождать. Он уже ощущал, что зелье ухнуло вниз, разлилось теплом, но больше не вставало поперек горла.

Берилл постукивал пальцами по столешнице, ожидая Агата.

В небольшой комнате, утопавшей в коврах, уже накрыли на стол, и молчаливые слуги растворились за дверью. Принцы не любили, когда рядом кто-то оставался.

Их ужины стали давней традицией и на самом деле охранялись и воинами у покоев, и теми, кто пробовал все блюда перед подачей.

Берилл старался сохранять спокойствие, рассматривая накрытые прозрачными крышками тарелки, но всё равно постукивал по столешнице пальцами. Сегодня особенно хотелось поделиться тем, что зелье сработало.

Берилл глянул на окно, где за легкими занавесками уже густились сумерки. Они ужинали с закатом, хотя Агат нередко опаздывал. Но сегодня это было странно. Он ведь наверняка догадывался, зачем позвала Придворный алхимик и что за зелье попробовал Берилл.

Дверь распахнулась, но оказалось, это всего лишь слуга.

— Ваше высочество, принц Агат просил передать, что не сможет присоединиться к вам.

Такое случалось, и обычно означало, что у Агата внезапное свидание или он увлекся какой-то магической книгой.

Только он всегда предупреждал заранее.

— Принц Агат у себя?

Слуга кивнул, и Берилл резко встал. Сегодня оставался единственный вариант, почему Агат мог остаться в своих покоях.

Отшатнувшись, слуга пропустил принца, едва успев отскочить с дороги. Есть Бериллу всё равно не хотелось, но он коротко распорядился, чтобы ужин на двоих подали в комнаты Агата через час. Им хватит времени.

Покои принцев располагались в разных частях дворца, ведь их положение оставалось разным. Берилл как наследный принц занимал целое крыло, Агат всего лишь комнаты в той

части дворца, где жили остальные принцы.

Матерью Алмаза была прекрасная царевна из Фехала, ставшая женой императора. Любимая, почитаемая и скоропостижно скончавшаяся. Никаких отравлений, всего лишь местная болезнь.

Император любил наложниц, и одна из них дала жизнь Бериллу не так уж много времени спустя. Второй сын, как и первый, оказался крепким и сильным. Алмазу досталось внимание отца, но Берилл искренне не считал это благом. Сам Алмаз тоже ничуть не походил на жестокого императора, который думал, что лучший язык — это язык силы.

С третьим сыном не выходило. Мать Берилла умерла при родах, а другие наложницы никак не могли зачать нового принца. Берилл сильно подозревал, и Ашнара подтвердила его опасения, что дело в отце. Он как раз перенес в одном из походов болезнь.

Один мальчик всё-таки родился. Ему даже успели дать имя — Лазурит. Но он не прожил и нескольких месяцев.

Император был в ярости, винил во всем наложниц.

Единственная, кто от него всё-таки понесла и родила здорового ребёнка — это наложница, прибывшая из Дашнадана. Всё бы ничего, если б только эти земли не считали проклятыми и забытыми богами.

Но принц оставался принцем, его отцом был император, и мальчик получил имя Агат.

Как подозревал Берилл, мать Агата умерла вовсе не из-за несчастного случая, а из-за козней советников. Она тогда снова забеременела, и были те, кто не хотел допустить рождения очередного принца. Они верили, что проклятая дашнаданка знает заговоры и травы, чтобы получались именно мальчики.

Берилл приблизился к комнатам Агата и решительно толкнул резные створки. Наследный принц стучал только в одни двери дворца — императорские.

В спальне царил полумрак, разгоняемый лампой на прикроватном столике. Агат сидел раздетый по пояс на кровати, перед ним лежала чистая ткань, рядом пузатая бутылка с настоем ромашки и ладанной смолы. В комнате стоял густой, бальзамически-цветочный запах. Агат смачивал чистые тряпицы и неловко пытался дотянуться до спины.

— Надо было дверь запереть, — хмуро сказал Агат, глядя на брата.

— Он опять?

— Ничего страшного.

Берилл решительно уселся и перехватил смоченную тряпку. Агат вздохнул, картинно закатил глаза, но повернулся спиной. Поверх старых тонких шрамов уродливо бугрились свежие рубцы.

— Я его...

— Что? — насмешливо спросил Агат. — Убьешь? Не торопись, тебе рановато садиться на трон.

Бериллу приходилось участвовать в стычках на границе: отец считал, что подросткового сына стоит брать с собой, особенно когда он стал наследником. Кровь не пугала Берилла, ему самому приходилось убивать. Агат позже ездил с ними, и Берилл хорошо помнил, как сам зашивал неглубокую, но неприятную рану на плече брата, а тот шутил и смеялся.

Шрамы на спине Агата всегда вызывали у Берилла ярость. Они не были получены в честном бою, не принадлежали ни битвам, ни тренировкам.

Берилла отец ударил пару раз в жизни. Насколько он знал, Алмаза никогда не трогал. Агату доставалось по полной. Как утверждал император, это помогало против дурной крови

матери дашнаданки, сдерживало проклятые силы. Как подозревал Берилл, отец попросту оправдывал себя.

Агата император всегда недолюбливал. Хуже стало, когда тот увлекся не воинским искусством, как пристало принцу, а магией.

Не важно, как упорно Агат тренировался с оружием. Не важно, что он всего лишь немного уступал Бериллу. Он интересовался магией, и одно это вызывало гнев императора.

Когда-то давно Агат попытался ответить. Огрызнулся.

Он потом неделю едва мог встать с постели. Но ужасало Агата не это, а вывихнутый палец. Пусть он больше изучал магию, нежели занимался ею, но чароплетам важны руки. После этого он предпочитал молчать — отец выплескивал ярость, но больше не трогал пальцы.

— Что ему опять не так? — Берилл даже не пытался скрыть злость.

— Да как всегда, — уклончиво ответил Агат.

— Ты... грезил?

— Нет. Отец пришел ругаться, ему доложили, что я несколько дней не тренировался.

Потому что отдал много крови Придворному алхимику. Берилл не успел этого сказать, Агат уже извернулся, чтобы хитро посмотреть:

— Я догадывался о тебе и Ашнаре. Она подтвердила. Почему ты ничего не рассказывал?

Берилл снова не успел ответить, потому что Агат тут же как-то потух и опустил глаза, пробормотав:

— Хотя правильно, с чего бы.

Детьми и подростками они были близки, все трое. Когда Алмаз умер, а Берилл достиг совершеннолетия, он надолго уезжал с отцом в его безумные жестокие походы. После этого старался держать дистанцию: он многое понял, в том числе и то, что не только отец может причинить брату боль. Он просто боялся.

Берилл никак не мог убедить Агата, который почему-то стал считать, что это он не достоин доверия. Может, слишком крепко и часто отец пытался вбить в него мысль о недостойности и дурной крови.

— Как прошло? — нарочито бодро спросил Агат. — Вряд ли она позвала обжиматься. Она... сделала зелье?

— Да. Вроде бы вышло.

— Правда? — на этот раз Агат действительно обрадовался, а не изображал воодушевление. — Это же здорово!

— Мог бы и сказать...

— Ну, какой тогда сюрприз.

Неожиданно Берилл понял, что его по-прежнему мутит. Вряд ли причиной были раны, он видел и пострашнее, в том числе у брата. Голова не кружилась, но стала легкой, будто ничего не весила.

Берилл едва успел перегнуться через кровать, когда его вырвало. Несколько раз, пока не вышло всё, что было внутри, а спазмы не сменились сухим кашлем. Голова вдруг стала, наоборот, тяжелой, и Берилл ощутил, как её стискивает очередная мигрень.

Агат осторожно его поддерживал и успокаивающе гладил по спине.

— Похоже, не сработало, яд по-прежнему внутри. Ничего, придумаем что-нибудь еще. Ты распорядился об ужине? Надо поесть.

2. Берилл

Первое, что ощутил Берилл, когда проснулся — это боль.

Шея затекла от неудобного положения и ныла. Открыв глаза, Берилл уселся, моргнул, пытаясь сообразить, почему он не в своих покоях и тем более не на кровати.

— Ты уснул, — сообщил Агат. — Решил не будить.

Он выглядел на удивление бодрым и аккуратным, успел одеться, хотя без камзола, только в рубашке. Занавески он всегда предпочитал плотные, но по пробивавшемуся свету Берилл понял, что уже утро.

Они поужинали в комнатах Агата, а после Берилла срубил мигрень, и он уснул прямо на кушетке.

— Мог и разбудить, — проворчал Берилл. — Сам-то выспался на кровати.

— Если тебя разбудить во время мигрени, будет только хуже.

Вообще-то он прав, так что Берилл перестал ворчать, но еще немного размял шею. По крайней мере, сегодня голова не болела.

Агат остановился перед ним, уперев руки в бока, и оглядел брата с ног до головы. Указал в сторону:

— Умойся и приведи себя в порядок.

— Раскомандовался, — проворчал Берилл. — Кто здесь старший?

Протестовать, правда, не стал и направился к тазу с кувшином. Покои Агата хоть и были меньше, чем у наследного принца, но всё равно роскошные. С несколькими комнатами, в том числе этой спальней. Богато украшенные барельефами, мозаиками и коврами. Последнее особенно приятно для босых ног.

Таз принесли орихалковый, с вплетенными чарами, которые сохраняли воду теплой. На вид он казался медным с богатым узором из камней по окружности. Берилл тщательно умылся и побрился перед зеркалом в тяжелой раме. Обычно у него для этого имелись слуги, но Агат их терпеть не мог и всегда выгонял. Как подозревал Берилл, Агат опасался, что начнет грезить или слуги попросту увидят то, чего не следует.

Болтая костяной бритвой в воде, Берилл мрачно подумал, что его стремление не показывать, что они с братом близки, трещит по швам. Оно привело только к тому, что в это верит Агат. А вот во дворце наверняка даже слугам известно, что он пошел к брату после его стычки с отцом, еще и уснул тут. Слуги, которые принесли воду, точно его видели.

Проклятье!

Ашнара тоже как-то заметила, что это довольно глупо. Берилл не стал — попросту не мог — рассказать ей, что до сих пор слишком хорошо помнит смерть Алмаза. Накануне они втроем смеялись, и Алмаз обещал подучить братьев стрелять из лука. Они планировали устроить охоту. Обсуждали через неделю пир принцев.

А потом Алмаз корчился на полу, посиневший, кашляющий кровью, не в силах сделать новый вдох.

Берилл знал, что быть принцем опасно. Но еще опаснее тем, кто рядом с ним. И разумные доводы, что Агат тоже принц, не очень-то срабатывали. Берилл боялся. Даже Алмаз, с детства воспитывавшийся как наследный принц, не смог противостоять интригам. Что мог сам Берилл?

— Потом в купальни зайдешь и хоть весь день плескайся, — Агат протянул брату один

из своих мундиров. — Одевайся. Иначе выглядишь как солдат, который в борделе ночь провел.

— У себя переоденусь.

— Нет времени.

— Для чего?

— Отец зовет.

Берилл сжал губы и скинул помятый камзол. Агат сам успел одеться в строгий темный мундир, застегнутый на все пуговицы. Отец любил такое.

— Что ему нужно?

Агат пожал плечами:

— Давай выясним побыстрее.

У него наверняка до сих пор болела спина.

Великий император Шеленара разбирал документы в одной из восточных комнат дворца. Чуть менее официально, чем кабинет — министров и советников так бы принимать не стал, а для встречи с сыновьями годится.

У дверей стояли воины личной гвардии императорской семьи: неподвижные фигуры в темной коже с орихалковыми наручами, зачарованными отражать атаки. В рукоятях мечей и кинжалов тоже поблескивали кусочки зачарованного металла.

Берилл вспомнил собственный меч, где по всему лезвию вились золотистые разводы орихалка. Бесценное оружие с очень мощными грёзами. Он обладал им по праву принца и наследника.

Комната казалась небольшой из-за многочисленной деревянной мебели и стола, полностью устланного бумагами. А вот на полу, в отличие от жилых помещений, не лежали ковры с мягким ворсом нанских овец, зато расходились узоры красочной мозаики.

Берилл с Агатом остановились одновременно и приложили кулаки к сердцу в традиционном военном приветствии, слегка склонили головы как полагалось перед владыкой. Они единственные во всем Шеленаре могли не кланяться. И уж точно не преклонять колена.

Императора звали Рубин, хотя к нему не обращались иначе, чем титулами. Даже Берилл понятия не имел об имени души отца. Вообще-то обычно родственники знали подобные вещи, они открывались близким друзьям. Император никогда не считал это нужным.

Суровый мужчина, почти полностью седой, а вот аккуратная борода оставалась темной. Император по возрасту и по статусу уже мог себе позволить не бриться гладко. Его лицо казалось грубоватым, но не лишенным изящества. Будто взяли кусок камня, но попытались обработать тонко.

Алмаз больше всех из троих сыновей походил на отца. Но только внешне, а легким характером и постоянной улыбкой точно пошел в мать. Берилл же унаследовал глаза императора: изящный абрис с чуть опущенными уголками. Говорили, что вместе с тяжелыми бровями взгляд казался хищным, будто у дикой птицы, высматривающей добычу.

Берилла ужасно злило сходство. Он не хотел хоть в чем-то напоминать этого человека.

Император был одет в такую же военную форму, как на сыновьях, только грудь мундира украшали длинные полосы орихалка, напоминавшего то ли медь, то ли золото.

— Долго, — недовольно сказал император. Он произносил слова коротко, отрывисто. Привык приказывать.

Он не удостоил Агата даже взглядом и посмотрел на Берилла, но тот не дрогнул. Он не боялся отца, просто хотел проводить в его обществе как можно меньше времени. Узнать, что ему нужно, и наконец-то уйти.

Помимо императора в комнате находилось еще двое. Яшма, его жена, скорее всего помогала с бумагами. Высокая и очень статная женщина. Ее брак с императором Шеленара носил чисто политический характер и состоялся несколько лет назад, когда она уже была в возрасте, считавшемся непригодным для рождения детей, но самым подходящим для накопления мудрости.

Темное платье, украшенное цепочками, струилось, ткань кроилась особым образом, чтобы юбка не оставалась прямой, а ниспадала потоками. Грудь и руки плотно охвачены, на ладонях перчатки с орихалковыми пуговицами. Украшения эта женщина не любила, предпочитая серьги и заколки для волос в безупречной прическе.

Лишь накидка, тонкая, будто сетка, и золотистая, напоминавшая сам орихалк.

Третьим человеком в комнате, к удивлению Берилла, оказался Келнар Данокар, Первый среди грезящих. В традиционных синих одеждах, длинные полы простого камзола повязаны на поясе, так что видны кожаные штаны и сапоги. Берилл всегда полагал, что неброские грезящие больше похожи не на магов, а на военных. Только легкий капюшон на голове никак не мог быть у офицера. И костяная маска на нижней половине лица — считалось, что грезящие привлекают смерть своими силами, поэтому им стоит прятать лица, когда они грезят.

Сейчас маска Келнара была спущена, лицо казалось расслабленным. Агат говорил, что внешность главного мага обманчива: за ленивыми манерами скрывался решительный человек.

Грезящих не звали для разборов бумаг, значит, либо принцы здесь из-за него... либо он сам здесь из-за того, что и они.

— Для вас есть дело, — сказал император.

Он помедлил, и Берилл насторожился. То, что он хотел поручить что-то обоим сыновьям сразу, уже странно, но то, что он замешкался... это сбивало с толку.

— Орихалк иссякает, — продолжил император.

— Шахты далеки от истощения, — осторожно заметил Берилл. Он видел данные.

— Руду добывают столько же, сколько и раньше. Она хуже держит чары.

Берилл вскинул бровь и коротко глянул на Келнара, только теперь заметив, что его лицо и вправду выглядит... обеспокоенным.

— Грезящие занимаются этим вопросом, — сказал он.

Император даже не взглянул в его сторону:

— Не сомневаюсь. Но пока вы не понимаете, почему тратите столько же сил, сколько раньше, а результат хуже.

— Да.

В голове Келнара слышалась досада, а Берилл начал медленно осознавать сказанное. Они стали империей благодаря орихалку. В мире оказалось не так уж много месторождений этой руды, и большая часть — у них.

Только орихалк держал грёзы — так обычно называли любые чары. Поэтому он был таким исключительно дорогим материалом.

— Могут ли маги слабеть, а не орихалк? — подал голос Агат.

Император хмыкнул, как будто ему понравился вопрос. Келнар качнул головой:

— Мы проверили на многих грезящих, прежде чем докладывать императору. Сила моих людей не стала меньше. Их чары не слабее. Но орихалк перестает их держать.

— Я хочу, чтобы вы занялись этим, — коротко бросил император сыновьям. — Выяснили, в чем причина.

— Но это же дело грезящих, — не понял Берилл.

— И они будут заниматься. Вы отыщете Ша'харар.

Агат издал сдавленный звук, который мог быть чем угодно, но Берилл подозревал, что это крайняя степень удивления.

— Мы даже не знаем, где его искать!

— Поэтому займетесь вдвоем, — кивнул император. — Можете задействовать любые ресурсы.

Такое разрешение давалось крайне редко и означало, что принцы могут делать что угодно для достижения цели и не спрашивать императора. Даже если захотят привлечь войска.

Только вот это всё равно не поможет в поисках руин древнего города.

— Давно пора было отыскать потерянный Ша'харар, — сказал император.

Если бы ты меньше времени уделял войне и больше исследованиям, подумал Берилл.

— Ша'харар — не только наследие древних, но и огромная библиотека. Отыщите город и всё об орихалке. Если где-то записано решение проблемы, оно там.

— С чего бы? — спросил Агат.

Берилл разделял сомнения брата. Безусловно, о библиотеках Ша'харара ходили легенды, но это не значит, что в них могло что-то быть об орихалке.

— Так сказали эльхары.

Жреческий орден, дававший пророчества. Порой они действительно знали то, что невозможно было узнать, но Берилл всё равно им не доверял. Мало ли что они там увидели среди звезд в своих трансах.

Император им верил. Не безоговорочно, конечно, но если они указали направление, он поддержит поиски.

К тому же, у жрецов свои библиотеки и знания. Они могли попросту знать, что может найтись в Ша'хараре. И выдать эти знания за божественное откровение предвиденья. Это император тоже наверняка учитывал.

Их дед почти отыскал легендарный город. Он оставил записи, просто его сын ничуть ими не интересовался до сегодняшнего дня.

— Эльхары, — повторил Агат. Он всех жрецов не любил. — Если они так уверены, может, и место сразу сообщили?

На мгновение Берилл подумал, отец сейчас ударит Агата. Прямо здесь, при других, хотя обычно не позволял подобного. На этот раз тоже взял себя в руки и рявкнул:

— Приступайте!

Оба принца развернулись на каблуках и вышли из комнаты.

— Ша'харар! — воскликнул Агат, когда они оказались по ту сторону двери. — Он бы еще ветер послал ловить!

— Ну, не так уж невозможно.

— Ветер?

— Город.

Агат вздохнул, но не ответил. Он умел вот так молча, но очень ярко... не соглашаться. Скрестил руки и отошел подальше от охранявших комнату гвардейцев, чтобы те точно ничего не слышали.

— Наш дед искал этот город, — напомнил Берилл. Он попытался поправить мундир, тот всё-таки немного жал. — На Армаранском нагорье несколько руин, одни из них наверняка Ша'харар. Просто после деда никто не стал ими заниматься.

— Предлагаешь копать в пыли? Предел мечтаний.

— Для начала организовать ученых. Дать задание картографам. Потом разведчики, экспедиция. Ничего сложного.

— Поэтому ты здесь старший и организатор, — проворчал Агат. — Не понимаю, почему император решил, что мы оба должны этим заниматься.

Он никогда не называл его отцом. Впрочем, Берилл тоже.

— Ты не хочешь? — уточнил Берилл.

На самом деле, он радовался, что здесь не придется держать дистанцию с братом — приказ самого императора.

Агат с досадой покачал головой:

— Просто не понимаю мотивов императора. Это настораживает. Но перспектива уехать с экспедицией и задержаться там очень заманчива. Тем боле... мне интересно, что можем отыскать.

В Агате явно начал просыпаться исследователь, и Берилл подумал, что ему еще придется выслушивать длинные теории о древних. Стоит надеяться, что они правда отыщут книги, тогда Агат нырнет в них, и Бериллу останется только напоминать брату, что иногда стоит спать.

Они не успели продолжить разговор, потому что мимо них прошел один из советников отца, а из комнаты вышли Яшма и Келнар. Дела сменяли друг друга.

Грезящий кивнул им, и Агат шепнул Бериллу:

— Узнаю, что им на самом деле известно.

Агат много времени проводил среди магов. Он не учился грёзам, только каким-то базовым вещам, но Келнар и остальные если и не симпатизировали принцу, то уж точно принимали его. В отличие от Берилла, который уютнее ощущал себя с воинами. Или со жрецами — Агат их не любил и предпочитал не пересекаться.

— Не хочешь ли выпить чаю?

Берилл не заметил, что Яшма подошла к нему. Отказаться от приглашения императрицы можно, сославшись на дела, но Берилл не очень-то этого хотел. Он кивнул и взял Яшму под руку. В последний раз кинул взгляд на Агата, беседующего с Первым среди грезящих, и на запертую дверь императорской комнаты.

Яшма шагала молча, но не потому, что ей нечего было сказать, просто она предпочитала беседы за закрытыми дверьми. Она с детства росла во дворце, пусть и в другом, прекрасно понимала правила, по которым он живет. Не то чтобы ей было что скрывать... она призналась однажды, что ей попросту не нравится сама мысль, что кто-то может за ней следить и подслушивать.

До свадьбы Яшму звали Лилайя Кон-Нере, она была старшей сестрой нынешнего правителя Хор-Меневата. Сначала Берилл думал, именно брат прислал ее сюда, чтобы заключить союз с Шеленарской империей. Но позже начал понимать, что Яшма сама

настаивала на союзе. Пусть нрав императора известен по всему миру, империя оставалась трепещущим сердцем мира.

На родине у Яшмы несколько дочерей и взрослый сын, первый муж был местным аристократом и давно умер. Как однажды вскользь обронила Яшма, дома ждал недалёковидный брат-правитель, который жаждал воткнуть нож ей в бок. Трон Хор-Меневата не могли занимать женщины, но при дворе Яшма наверняка обладала весом.

Здесь, в империи, она быстро нашла свое место. Иногда ей даже удавалось влиять на императора, но больше внимания она уделяла образованию и искусству, активно развивая их.

Как ни странно, с обоими сыновьями императора она быстро нашла общий язык.

Поэтому Берилл с удовольствием прошел по длинным дворцовым коридорам в покои императорской жены. Здесь было уютно, много ковров, вышивки, картин и гобеленов на стенах. Некоторые были привычны, другие Яшма привезла из Хор-Меневата.

Ни низком изящном столике слуги разложили чайный набор из такого тонкого фарфора, что он казался невесомым. Берилл предпочитал глиняную посуду. Даже покрытая изящными узорами она казалась надежнее и весомее. Но фарфор считался роскошью, к тому же Яшма просто его любила.

Ее достаточно строгое платье не казалось чем-то неправильным в этой гостиной. Но перчатки Яшма сняла, как было принято с близкими людьми или членами семьи. Берилл тоже скинул свои.

Когда слуги ушли, Яшма будто расслабилась. Откинулась на кресле, совершенно не императорски вытянула ноги. Берилл против воли улыбнулся: раньше только с Агатом он ощущал себя свободно, но теперь и в компании Яшмы расслаблялся.

— Что думаешь? — спросил он.

— О поисках Ша'харара? Чушь полная.

— Не найдем?

— Найдете, конечно, я не сомневаюсь в ваших способностях, — хмыкнула Яшма.

Но не продолжила. Она часто так делала, заставляя перебирать варианты. Берилл сначала не понимал, зачем это, манера его раздражала... а потом начал делать точно так же с советниками. Потому что слушая их предположения, можно многое узнать.

Яшма не стремилась ничего узнать у принцев, но то ли ей нравилось учить таким образом, то ли слишком привыкла с годами жизни во дворце.

— Всё не так плохо? С орихалком.

— Плохо, — помрачнела Яшма. — Я не знаю всего, но грезящие давно говорили, что-то не так. А тут еще и жрецы явились со своими пророчествами. Император не настолько им доверяет, но это возможность понять, что действительно происходит. Раз пока ни у грезящих, ни у ученых никаких идей.

— А зачем нас двоих-то посылать?

Яшма сделала паузу. Берилл сжал в руках свою чашку: он не сомневался, Яшма не станет ему врать, но если она медлила, значит, ничего приятного в ее словах не будет. И она просто думает, как подать это мягче.

— Император хотел послать только Агата. Достаточно важное дело, чтобы поручить именно принцу. И тайное, люди не должны знать про орихалк.

— И он занимается книгами. При чем тут я?

— Чтобы присмотреть за ним.

Берилл с удивлением глянул на Яшму, но она явно не шутила.

— Чтобы... присмотреть? За кем? За Агатом?

— Ты же знаешь, твой отец, считает, что кровь дашнаданцев от матери дает Агату не только предрасположенность к магии, но и темную силу. Многие так думают.

Берилл вспомнил новые шрамы на спине брата. О да, отец не уставал напоминать, что это сдерживает проклятую кровь!

— Император вбил себе в голову, — продолжила Яшма, — что сила Агата растет. Если она где-то и проявится ярче, то в древних руинах. Ты нужен, чтобы присмотреть.

Берилл не знал, что сказать. И что, по мнению отца, он должен сделать?

Яшма вздохнула:

— Возможно, жрецы так посоветовали. Ты же знаешь, они не любят Дашнадан, его жителей и твоего брата. А он не делает ничего легче.

— Он их терпеть не может. Если бы меня чуть не утопили в детстве на обряде, я бы тоже их не любил.

— Они утверждали, это боги захотели забрать того, в ком нечестивая кровь. Жрецы постоянно утверждали, будто в Агате есть силы, от которых они хотят очистить. Их обряды никому не мешали, поэтому император позволял. Простые жители после этого считают Агата чуть ли не набожнее тебя.

Берилл фыркнул. То-то они бы удивились.

— В последнее время император стал больше прислушиваться к жрецам, — вздохнула Яшма. — С возрастом он чаще думает о смерти и о грехах. Возможно, сейчас тоже повлияли жрецы.

— Присматривать за Агатом, — проворчал Берилл и наконец-то попробовал чай. Цветочный. — Обычно это он за мной присматривает.

— Само задание не так уж плохо, и нам правда нужно знать, что происходит с орихалком.

— Агат сейчас наверняка обсуждает всё с Келнаром Данокаром.

— Грезящие всегда находят общий язык.

— Агат не грезящий!

— Он грезящий больше, чем ты думаешь.

Берилл не стал спорить. Брат говорил ему, что из-за происхождения многие считают его настоящим магом. А на самом деле, он не обучается грёзам не столько из-за запретов отца, сколько из-за того, что чары у него не выходят. Да, порой бывают всплески силы, но они почти не контролируются. У Агата не особо получается направлять всё это в грёзы.

Он не говорил этого, но наверняка жалел. Маг, которого тянет к магии... и у которого она не выходит. Поэтому он нашел себя хотя бы в обучении.

— Ты завтракал? — неожиданно спросила Яшма и оживилась, когда Берилл качнул головой. — О, тогда распорядись.

— Почему все хотят меня накормить?

— Потому что ты слишком рассеянный, дорогой. И думаешь обо всех вещах сразу, но забываешь об элементарных.

3. Каэр. Ашнара

Каэр предпочитал прятаться в крипте.

Он не испытывал благоговения перед мертвыми, как очень многие в империи. Для него трупы оставались трупами, а память о них — это история. Там, где нет живых, есть тишина и спокойствие, который порой так необходимы.

Нет чужих указаний, что и как следует делать.

Помещение было довольно большим и прохладным, но очень чистым: императорские гробницы содержались в безукоризненном порядке. Хотя каменный пол оставался неровным, стенные ниши располагались на одинаковом расстоянии вдоль всех полукруглых стен. Некоторые из них темнели гробницами предыдущих императоров, в других мерцали зачарованные грезящими свечи. Точь-в-точь как настоящие, только не заканчивались.

Каэр справедливо полагал, что среди грезящих есть те, кто не просто выполняет работу по зачарованию, но и предпочитает делать это... красиво. Потому что у местных свечей даже потеки воска имелись!

Под землей свечи давали не очень-то много света, так что крипта укутывалась тенями и полумраком. Каэр устроился на центральном постаменте, сейчас пустом. После смерти императора и произведения всех обрядов над телом, его выставляли на всеобщее обозрение. А после оно лежало именно здесь. Предполагалось, что в крипту приходили прощаться родственники и дворяне. Только спустя время тело с почестями наконец-то замуровывали в одной из ниш.

Постамент давно пустовал, Каэр подвинул к нему с двух сторон канделябры с зачарованными свечами и повесил над плечом собственный светильник. Солнечный фонарь походил на часть маяка, зависшую в воздухе. Когда чары слабели, свет угасал, а устройство опускалось ниже и приходилось отдавать его грезящим для обновления чар.

С точки зрения Каэра, очень непрактично. Но свет действительно был ярким и мощным, а семья Каэра могла себе позволить подобные игрушки. Поэтому его и пускали в крипту — аристократы приходили в любое время.

Правда, сейчас тут почти никто не бывал, и Каэра это полностью устраивало.

Забравшись на каменный постамент, он расположил на коленях папку с листом бумаги и старательно вырисовывал углем береговую линию фехальского побережья.

Вообще-то у картографов имелось собственное помещение в одном из дворцовых зданий, рядом с библиотекой, но Каэр его терпеть не мог. Слишком много людей и шума.

Поэтому он предпочитал брать карты и уходить в крипту, где можно остаться наедине с собой и чертежом в руках.

Он напевал мелодию без слов и так увлекся, что не услышал тихие шаги по лестнице в крипту. Отбросил со лба длинную прядь темных волос — мать ворчала, что стоит обрезать их совсем коротко, но Каэр упрямо отказывался.

Он любил родителей, но его ужасно раздражало, что они по-прежнему пытаются указывать ему, что делать, даже как выглядеть. В конце концов, ему уже девятнадцать, в его возрасте император Азурит начал завоевывать половину мира!

Правда, спустя пару лет умер, а империя затрещала по швам.

— Вот ты где!

Едва не выронив уголь (и по чистой случайности не черкнув по карте!), Каэр вздрогнул

и поднял голову.

— Десять хвостов бездны! Нельзя так подкрадываться!

Девушка рассмеялась и ткнула его в плечо кулаком:

— О, каких словечек понабрался, братец. Что бы сказал отец, если услышал, как ты сквернословишь?

Каэр пробормотал в ответ что-то ворчливое, на миг всерьез поверив, вдруг сестра расскажет? Но нет, конечно, она не будет. Да и чего он испугался, что отец отругает? Как будто не он пару минут назад рассуждал о том, какой взрослый!

Каэр вздохнул. Ему нужно что-то весомое, чтобы самому в это поверить.

— Каждый раз удивляюсь, как ты здесь работаешь.

Тишлин огляделась, но без пренебрежения. Она точно знала, где отыскать брата, хотя сама предпочитала как раз таки шумные залы. В остальном они очень походили друг на друга: среднего роста, темноволосые, с бледной кожей и большими темными глазами. Их внешность называли «типично имперской», и мать этим искренне гордилась.

Тишлин завязала волосы тугим узлом, из которого вырывались непослушные пряди, на ней было обычное коричневое платье всех, кто работал в библиотеке. Как подтрунивал Каэр, «в цвет книг». Он сам тоже предпочитал простые рубашки и штаны, учитывая, что постоянно пачкался в угле.

Платья и камзолы они оставляли для официальных приемов.

Тишлин кивнула на каменный постамент для тел, где устроился Каэр:

— Как непочтительно!

— Расскажешь малафисам?

Так называли орден жрецов, который занимался погребениями и смертью. Именно они следили за криптой. И точно сочли бы такое отношение непочтительным. По их мнению, все должны трепетно бояться смерти и любого напоминания о ней.

Тишлин фыркнула и уселась рядом с Каэром. Она тоже не была особенно религиозной.

Старше на два года, она уже занимала важный пост в библиотеке, блистала на приемах и была помолвлена с Эламом Итанисом. Не первым холостяком империи, конечно, даже не старшим сыном рода, но красавцем, богатеем и одним из важных офицеров.

— Если бы ты не прятался под землей, то уже знал последние новости.

— Какие это? — вздохнул Каэр. — Твоя подружка подцепила нового кавалера? Ты нашла очередной заплесневелый том стихов Баодмира?

— Он был гениальным поэтом!

— Извини, — искренне сказал Каэр. Он знал, что сестра обожала поэзию и сама писала отличные стихи. — Так что за новости?

— С утра император вызвал обоих принцев. Говорят, они будут искать Ша'харар.

— Что? Ша'харар?

— Да-да, твой любимый город.

Как он подтрунивал над увлечением сестры поэзией, так она не упускала возможности напомнить ему о любви к «пыльным руинам». Каэра очаровывали осколки древних, странные стеллы и целые города, до сих пор скрытые под землей и ждущие, когда их откроют.

— С чего бы? — нахмурился Каэр. — Император не любит ученых.

Что было основной причиной, почему после его деда исследования ничуть не продвинулись. А ведь к этому моменту Каэр мог не рисовать карты, а изучать древние

руины! Если бы кто-то их открыл.

Тишлин пожала плечами:

— Ты же знаешь этих императоров. Ну, что-то он там решил. Главное, они будут искать город.

— Кто сказал?

— Да весь дворец шумит. Младший принц у грезящих, старший сделал запрос в библиотеку. Я решила, ты должен знать.

— Почему?

Тишлин посмотрела на него так, будто думала, что младший братец как минимум слабоумный:

— Каэр'дхен Ташар! Ты идиот или притворяешься? Это твой шанс. Не ты ли знаешь, где находится Ша'харар?

— Всего лишь догадки, — пробормотал Каэр.

Когда его называли полным именем, он ощущал себя так, будто его плечи придавили. Он не был тем, кого зовут настолько пышно. Всего лишь юнцом-картографом, который не знал, как вырваться из-под опеки родителей. Всю жизнь увлекающимся древними руинами.

Он ведь правда мог помочь. Мысль просачивалась постепенно, будто вода сквозь почву проникала в крипту. По капле. Каэр может помочь отыскать Ша'харар. Стать частью чего-то... значительного.

Он спрыгнул с постамента, сжимая бумаги:

— Ты права! Я сейчас же пойду к картографам. Порошу...

— Ты лучший картограф?

Каэр ступался. Ему нравились карты, он отлично умел часами заниматься ими, сопоставлять... но с точностью у него было плохо, а ценилась именно она, а вовсе не красивая линия берегового залива.

Энтузиазм Каэра тут же сдуло, и он поник. Его как будто мгновенно лишили сил. Он был слишком юным и совершенно неопытным даже в картографии. Что он скажет? Что с детства изучал всё доступное о Ша'хараре? Что сопоставил все данные старого императора и почти уверен, где искать?

— Они не послушают, — прошептал Каэр.

Тишлин смотрела на него с усмешкой. Самодовольной усмешкой. Она тоже спрыгнула с постамента, весьма изящно, и постучала пальцем по вырезанным на камне символам там, где располагались ноги тела:

— Помнишь, что говорят жрецы? Пять пороков. Среди них подчинение чужой воле. Не делай такой ошибке и не покоряйся чужим желанием.

Она повернулась и указала на красивую вязь символов в изголовье:

— А среди пяти достоинств что? Любовь. Ее можно использовать себе на пользу.

— Это низко.

— Ничего такого среди пороков нет.

— Всё равно не понимаю, о чем ты. Как я использую любовь, чтобы убедить в своей правоте?

— Потому что убеждать должен не ты.

Вздыхнув, Тишлин самодовольно сказала:

— Иди не к картографам. Иди к Придворному алхимику.

Каэр смутился. Он знал, что сестра сблизилась с Ашнарой Делай, они были почти

подругами. Тишин рассказывала, что старший принц часто бывает у Придворного алхимика, а та, в свою очередь, слишком тепло о нем отзывается.

— Почему ты решила, что там любовь? И что алхимик мне поможет.

— Ты ничего не понимаешь в чувствах, — хмыкнула Тишин. — Поверь мне, между ними что-то есть. Но принц отрежет тебе язык, если об этом хоть намекнешь. Ашнара сохранит его в банке.

— Язык мне пригодится, — пробормотал Каэр.

— Покажи Ашнаре свои записи. Она как Придворный алхимик будет участвовать в поисках. Скажи, что я посоветовала поговорить с ней. Она сама донесет это до старшего принца. А даже если нет, и мы ошиблись... если Ашнара тебе поверит, ты точно станешь частью этих поисков.

Иногда Каэру хотелось испытывать хотя бы долю той уверенности, что и сестра. Тишин всегда была такой. Если же что-то из ее суждений не оправдывались... ну, она ничуть не расстраивалась и просто выносила новые. Не переживала, как Каэр.

Вздыхнув, Тишин положила руки на плечи брата и заставила посмотреть себе в глаза.

— Каэр, я желаю тебе только лучшего. Понимаю тебя, правда. Это шанс. Не упусти его.

Он прижал к себе бумаги и подумал, что, наверное, и правда пора прекратить прятаться в крипте. Он уверен, что может больше. Он хочет больше.

Каэр кивнул.

Придворный алхимик Ашнара наблюдала, как слуга обновляет защитные знаки над дверным косяком.

На самом деле, это были младшие жреческие служки. Они приходили раз в месяц со своей простенькой лестницей. Ставили ее в каждой дверях по очереди, забирались и рисовали знаки золотисто-оранжевой краской — конечно же, тоже священной.

Ашнара относилась к этому с любопытством. Ей казалось странной сама мысль, что местные жрецы верят, будто специальными знаками можно обращаться к богам или отводить глаза темным сущностям. Но кто она такая, чтобы спорить? Куда больше Ашнару заинтересовала краска. После первого обновления глифов она сама забралась наверх, соскоблила немного, а потом долго изучала.

Оказалось, всего лишь сок златоперника, который рос повсюду в империи, смешанный с глиной и белком.

Ашнара мечтала узнать, такой ли краской жрецы рисуют знаки на тыльных сторонах ладоней. Но вряд ли они бы согласились на изучение.

Жреческий служка таких отметок не носил, зато весь перемазывался краской. Обычно Ашнара наблюдала за ними с интересом, но сегодня просто молча ждала, когда он закончит.

Агат рядом жевал хлебные лепешки.

У них была какое-то название, но Ашнара его, конечно же, забыла. В империи пекли десятки разновидностей хлеба, у каждой имелось свое название и долгая история. Возможно, в библиотеке даже есть какой-нибудь «Справочник хлеба». Ашнара не удивилась бы.

Они сидели в ее покоях. Точнее, в лаборатории, спальня и личная гостиная прятались внутри, и эти двери не были нужны жрецам. Только внешняя, ведущая в коридор.

Ашнаре не терпелось продолжить разговор с принцем, потому что он не успел сказать, зачем же пришел. Прервали слуги. А теперь он бесцеремонно стащил хлеб из корзинки у нее на столе.

И кто учил этих принцев хорошим манерам?

Жреческий слуга наконец-то закончил. Ашнара не видела обновленного знака, он был с внешней стороны. Подхватив банку с краской, слуга проворно спустился, сложил лестницу и тут же исчез, бесшумно прикрыв дверь.

— Ну? — Ашнара повернулась к Агату. — Продолжишь есть мою еду или расскажешь, зачем явился?

Агат бывал у нее часто с первого дня появления Ашнары во дворце. Она помнила его любознательным подростком, который не то чтобы интересовался самой алхимией... скорее, его привлекало всё новое и мысль о том, чтобы постигнуть суть вещей.

Берилл был не таким. Ашнара узнала его ближе гораздо позже. Может, именно поэтому к Бериллу возникли совсем иные чувства, а вот Агата она всегда воспринимала как того мальчишку. Хотя он был не настолько уж младше брата.

Агат вскинул брови и демонстративно откусил еще кусочек хлебца. Перед его приходом Ашнара как раз попросила слуг накрыть легкий обед на низком столике.

Кто-то другой вряд ли рискнул есть в алхимической лаборатории, даже Берилл предпочитал гостиную. Агата же ничуть не смущали колбы с сомнительным содержимым. Отчасти это раздражало Ашнару... но в какой-то степени радовало. Приятно, когда с тобой приходят просто поговорить, когда тебе доверяют, а не считают непостижимой и загадочной.

Чая гостю Ашнара не предложила, но Агат справился сам. Он поставил чашку, хотя зажатый в руке хлебец так и не доел.

— Мне кажется, с ядом становится хуже.

Ашнара пожала плечами. Последняя неудача с зельем обескураживала, но она продолжит пытаться. Не только потому, что это стало интересной алхимической задачей, но и потому что она не хотела, чтобы яд оставался внутри Берилла.

— Почему так думаешь?

Агат ответил вопросом на вопрос:

— Ты знаешь, как он спит?

Ну что за манеры!

— Иногда не очень хорошо, — осторожно ответила Ашнара.

Она видела многие дворцы и владык. Ашнара прекрасно знала, что хуже всего отношения между родственниками. В правящей семье никто больше брата не мечтает воткнуть тебе кинжал меж ребер. Отцы редко доживают до старости, потому что дети устают ждать.

Когда речь идет о власти, здравым смыслом пренебрегают.

Ашнара видела всего несколько исключений и Орихалковая империя была одним из них. Пусть с отцом у принцев отношения не сложились, и Ашнара легко могла представить, как кто-то из них убивает императора, друг против друга братья не интриговали. Наоборот, они защищали и заботились.

Агат не раскрывал Ашнаре душу — да и вряд ли кому-то другому, но она не сомневалась, он не завидует старшему брату и совершенно точно не хочет на трон.

И всё-таки сейчас Ашнара не была уверена, что стоит или не стоит рассказывать. Это не

только ее тайны, но и Берилла. Агат, кажется, думал примерно так же, потому что медлил. Но потом всё-таки продолжил, торопливо, как будто ему давно хотелось поделиться опасениями.

— Недавно он влетел ко мне в комнату с утра пораньше. Я не мог понять, что происходит, испугался, что всё, как минимум драконы атакуют дворец. Оказалось, Берилл уверен, что я умираю. Он не успокоился, пока не поднял меня с постели и не убедился, что всё в порядке. Знаешь, почему он был так уверен?

— Ему приснилось.

— Да, — кивнул Агат. — Порой ему снятся кошмары, которые так убедительны, что Берилл не сразу понимает, это всего лишь сны. Мне кажется, в последнее время стало хуже. Они больше путают. И мигрени. Они чаще.

Ашнара вздохнула. Она тоже замечала, хотя не была уверена. Возможно, и ей, и Агату кажется, потому что они этого боятся.

— Вряд ли яд действует именно так, — сказала она. — Если только Берилл не получает новых порций. Но это было бы странно и точно заметно. Тем не менее... это редкий и неместный яд. Я слишком многого о нем не знаю.

Беспокойство на лице Агата ничуть не уменьшилось. Что ж, если он пришел за тем, чтобы его успокоили, это точно не к Ашнаре.

Она определила яд только потому, что уже сталкивалась с ним в северных провинциях Эллемира и очень заинтересовалась растением: маленький цветок с листьями глубокого, до черноты фиолетового цвета со сполохами иссиня-лилового. Местные называли его морозником, выкапывали корневища и лечили им почти все болезни, даже безумие.

Они избегали только одного вида, пурпурного морозника. Его яд очень опасен, в том числе из-за того, что мог накапливаться. Ашнара уже запросила исследования и образцы. Но сведений не так уж и много.

Доподлинно ей было известно, что яд пурпурного морозника оседает внутри организма. Если она не сможет создать противоядие, Берилл всю жизнь будет мучиться мигренями и снами, которые путает с реальностью. Но куда хуже другое. Если он примет еще хотя бы небольшое количество, в теле его будет слишком много. К тому же, даже то, что есть, может быть спровоцировано. Не обязательно Берилла ждет смерть... а вот парализовать или ослепить может.

— Смените еду, — посоветовала Ашнара. — Этот яд должен поступать внутрь, никак иначе. Если даже немного, может становиться хуже.

Или что-то со стороны влияет. Но это Ашнара оставила при себе. Пугать Агата не хотелось, тем более, он вряд ли сможет что-то сделать. А вот сама она точно проверит.

Ее вообще интересовала эта мутная история со смертью Алмаза и отравлением Берилла. Это случилось десять лет назад. Ашнара приехала полгода спустя, изучала дело, но концы так и не сошлись.

Считалось, что в смерти Алмаза виноват местный аристократ. Он прекрасно знал, что будут есть принцы, не пытался отравить императора и действительно крупно ссорился с Алмазом. Вплоть до того, что Алмаз обнаружил его преступления, и аристократу грозило лишение титула и заточение.

Но откуда у дворянчика яд с севера? В Орихалковой империи имелись свои яды — и весьма впечатляющие. Почему решил использовать что-то настолько редкое как пурпурный морозник? Где достал?

— Держи в курсе, — попросил Агат. — Нужна еще кровь?

— Эй, помедленнее! Если ты рухнешь где-нибудь во дворце, Берилл ко мне придет разбираться.

— Ну, в прошлый же раз не заметил. Я могу быть скрытным.

— Мне в любом случае нужно усовершенствовать зелье. После этого попробуем.

Агат кивнул и наконец-то закинул в рот последний кусочек хлебца. Ашнара невольно подумала: а что еще он может скрывать? Берилл не любил об этом говорить, но Ашнара и сама многое понимала. Когда братья выросли, они будто отделились друг от друга — Агат меньше рассказывал, Берилл боялся. Ашнара считала всё это глупым, учитывая, что братья по-прежнему заботились друг о друге, может, даже больше, чем раньше. Но это их дело и вмешиваться она не собиралась.

Поговорят и выяснят всё, если на то будет воля Потоков.

Агат явно задумался, и Ашнара украдкой рассматривала его. С кем ей приходилось очень мало встречаться, так это дашнаданцы. Они жили на востоке, буквально на краю света и не любили выезжать или принимать незнакомцев. Отчасти из-за этого народ окутывала атмосфера таинственности.

Отчасти из-за того, что каждый дашнаданец и вправду имел предрасположенность к магии. Они буквально цепляли ее и легко обучались грёзам. Неудивительно, что из-за подобных талантов их считали проклятыми.

А еще, конечно, из-за того, что они поклонялись иным богам.

Император казался основательным, массивным, будто скала. Ашнара понимала, почему многие его боятся. Берилл взял от отца взгляд и решительность. Такой же темноволосый и темноглазый как любой имперец, но изящнее отца.

И красивее, чего уж там.

Берилл был воином и лидером, но куда более гибким, нежели император. Ашнара понимала, что она необъективна, но ей казалось, из Берилла выйдет отличный император. Не тот, кто завоевывает, как его отец, а тот, кто сможет удержать эту империю.

Агат походил скорее на брата, нежели на отца. Но если Берилл казался мощной рекой, омывавшей скалу-императора, Агат — будто гибкое деревце в этой воде. Меньше, изящнее и скрытнее. А его внешность напоминала о материнских корнях: ничего конкретного, но слишком тонкие брови, рыжеватый оттенок не таких темных волос, чуть вытянутые уши.

— Не смотри на меня так, будто я твой эксперимент, — буркнул Агат.

Ашнара рассмеялась:

— О, но ты ведь тоже иногда так смотришь на меня?

— Давно нет. Только на алхимию.

— Сделаю вид, что верю.

В дверь постучали. Торопливо, почти судорожно и нетерпеливо. Ашнара никого не ждала, так что ей даже стало интересно и она громко пригласила гостя.

Вошедший удивил ее. Юноша, совсем мальчишка, в простой одежде, кое-где перепачканной углем. В руках он сжимал бумаги. Казался нервным, но при этом явно аристократ: осанка, манера держаться, даже то, как он не опустил голову после того, как отвесил необходимый поклон.

Он вытаращился на Агата и помедлил. Видимо, узнал, но слишком растерялся, чтобы рассыпаться в положенных церемониях.

— Кто ты? — спросила Ашнара, возвращая мальчишку к цели визита.

— Каэр'дхен Ташар.

— Родственник Тишлин Ташар?

— Ее брат.

— Мило. Ты картограф?

Он торопливо кивнул. Ашнара мысленно похвалила себя, что верно поняла угольные разводы и бумаги. Она помнила Ташаров. Не самый знатный род, но древний и верный. Тишлин хорошая девушка, все запросы в имперскую библиотеку Ашнара делала именно через Тишлин.

Девушка нравилась ей в том числе и тем, что много болтала о сплетнях, но ни слова никому не говорила об изысканиях алхимика, в чем бы они ни состояли. Ашнара ценила верность и преданность.

Она наводила справки о Ташарах. Ничем не выдающийся род. У родителей Тишлин и Каэра было несколько детей, все они умерли во младенчестве. Говорили, будто леди Ташар возносила жертвы богам, а когда это не помогло, обратилась к алхимикам ради зелья.

Как бы то ни было, девочка, а следом и долгожданный мальчик родились поздно и их оберегали от всего на свете. Как фыркающая говорила Тишлин, порой от самой жизни.

— Я знаю о поисках Ша'харара, — выпалил Каэр.

— Что именно?

— Ну, я знаю, что его будут искать. Я готов помочь.

— Картами?

— Не только. Я с детства изучал всё об этом городе. Все материалы. Я... думаю, я знаю, где можно отыскать руины.

Ашнара хотела сказать что-то язвительное о том, как мальчишка может быть уверен, но промолчала, заметив краем глаза, как Агат с интересом наклонился вперед.

— Прекрасно, — сказал он. — Бери свои карты, все изыскания и неси лично мне. Обсудим.

Ашнара подумала, что поспешила с выводами и вправду не стоит пренебрегать мальчишкой. Агат прав, лучше посмотреть, что ему известно. Вдруг он прав.

Что ж, Ашнара могла порадоваться, что Агат на их стороне и прикрывает спину Бериллу.

4. Агат

Агат горел.

Воздух вокруг кожи полыхал, в венах бился огонь, а в легких клокотал пар. Дыхание казалось тяжелым, оно будто с трудом вырывалось и обжигало губы.

Агат ощущал, как по вискам катятся капельки пола. Комната тоже словно плавилась, но принц знал, так всего лишь кажется из-за внутреннего жара. Поднявшись, Агат побрел в купальню.

Императорский дворец Шаленара стоили так, чтобы с одной стороны его защищали скалы — не столько от возможных врагов, сколько от ветров с Армаранского нагорья. Другой важной причины наверняка были подземные источники. Они не только снабжали дворец и город водой, но частично были горячими, что позволяло экономить на грезящей магии.

В нижних залах устроили обширные купальни. Настоящие роскошные бассейны, где любили встречаться дворяне и вести переговоры, пока слуги разносили прохладную воду и засахаренные фрукты.

У императорской семьи и наложниц имелись собственные малые купальни.

Агат вошел в свою. В спокойных синеватых тонах, почти переходивших в фиолетовый — традиционный цвет императорской фамилии Амадис. Он должен символизировать ночное небо, а россыпи орихалка — звезды. Ведь императоры — посланники богов.

Агат считал, что если тут и замешаны звезды, точно павшие. Находил почти забавным, что они лишаются собственных имен, зато даже цветами не устают напоминать о фамилии.

Он давно хотел изменить всю купальню, но для этого пришлось бы перекладывать плитку и переделывать мозаики, а они были красивыми. Художники воистину постарались, передавая оттенки фиолетового: иссиние-темный у потолка он становился почти белым у пола, где закручивался причудливыми золотистыми узорами под ногами.

Перед входом стоял фонтан для омовения, за ним располагалась прямоугольная купальня на одном уровне с полом. Вода казалась чуть мутной. За ней ванная на массивных ножках, прямо под окном. Света еще хватало, хотя слуги уже расставили фонари, и они парили вдоль стен.

Тело пробрала невольная дрожь, когда воздух начал высушивать пот.

В ванной колыхалась вода и плавали кусочки льда, уже почти растаявшие. Скинув халат, Агат решительно залез и, не давая себе привыкнуть, опустил в ледяную воду.

Она мгновенно прогнала жар из тела, буквально отрезвила. Даже боль от саднящих на спине шрамов растворилась в холоде. На миг дыхание перехватило, зато после оно наконец-то перестало быть тяжелым и душным. Набрав в грудь побольше воздуха, Агат решительно нырнул.

Когда ледяная вода смыкалась над головой, он всегда ощущал миг паники, как будто добровольно нырял в место, полное пустоты, мрака и холода. Место, близкое к смерти. Но после ощущение исчезало, оставался только лед, который быстро и надежно прогонял жар тела.

Агат вынырнул, отфыркиваясь, уселся, упираясь руками в бортики. Вообще-то можно было вылезать, но время оставалось, а холодная вода всегда неплохо прочищала мысли. Главное, не переусердствовать. Однажды Агат вот так уснул и очнулся, только хлебнув воды.

Соображал с трудом, но хватило ума вылезти.

Холодную ванную предложили лекари, когда Агат был совсем маленьким. Правда, тогда он горел подобным образом раз в год-два, не чаще.

Он поднял мокрую руку и прищелкнул пальцами. Меж ними заплясали искры и огонек пламени. Грезящие настраивались на магию, но после холодной воды разум Агата и без того был чист, он ни на что не отвлекался и не нужно сосредотачиваться.

Искры скользили меж пальцами, будто монетки, красиво и бесполезно. Агат сжал кулак, и они погасли.

Вот и всё, на что он способен. Дешевые ярмарочные фокусы, которым могут обучиться даже крестьяне, а не настоящие грезящие.

Кровь матери сжигала его изнутри, тянула к грёзам... но на самом деле у него не выходила магия. Сколько бы Агат ни изучал ее, у него не получалось полноценно грезить.

Грезящие говорили, в Агате бьется кровь дашнаданцев, она притягивает магию, но превращает ее не в грезы, а в жар.

Агат с раздражением убрал руку под воду, а потом еще разок окунулся.

Решительно покинув купальню, Агат приказал нести камзол. Волосы не до конца высохли, когда он покидал свои покои.

Агата лишь слегка беспокоило, что с возрастом приходилось чаще и чаще принимать подобные ванны.

Он размышлял об этом, шагая по гулким дворцовым коридорам в сторону одной из комнат для совещаний, которую определили как центр их поисков Ша'харара. Достаточно близко и к библиотеке, и к картографам.

С принцем поравнялась тень, и стража за спиной встрепенулась, но быстро успокоилась, узнав Янвена. Для шпиона у него была достаточно запоминающаяся внешность: уродливый шрам, начинающийся в коротко стриженных волосах, идущий через лицо к подбородку. Агат не сомневался, что при желании Янвен легко мог изменить внешность, но специально оставался примечательным, чтобы стража его узнавала и не дергалась. Он имел привычку появляться бесшумно и так же исчезать.

— Мой принц, — отрывисто сказал он, прикладывая правый кулак к сердцу в военном приветствии.

Агат не сбавил шага.

— Я проверил донесения, мой принц.

— Они подтвердились?

— Полностью.

— Плохо, — вздохнул Агат.

— Будут еще распоряжения, мой принц?

— Сначала поговорю с братом. Обсудим завтра.

— Как прикажете, Теневой клинок.

Янвен свернул в боковой проход и исчез так же быстро и незаметно, как появился. Отличный шпион и в прошлом неплохой и очень опасный воин. О Янвене говорили, будто в нем сидел дикий зверь, готовый разорвать любого. Он дослужился до высокого чина, но его боялись, ведь как можно приручить хищника?

Он стал опасен. Задирал других солдат, будто не знал, куда выплеснуть свою энергию, как ее направить. Агат придумал поставить Янвена во главе шпионов.

Они не были особо тайными, но при императоре Рубине почти исчезли. Он был воином,

который часто вел военные походы, а не политиком или интриганом. Агат решил, что это неправильно и ему нужен был верный человек, у которого хватит пыла и знаний, чтобы возродить шпионов как внутри дворца, так и за его пределами.

Сначала Янвен относился к принцу как к особе королевской крови, но без лишнего уважения. Агат мог его понять. Он тогда был совсем мальчишкой, не имел понятия о шпионах и с трудом представлял, как всё организовать.

Агат предложил учебный бой. Он сражался неплохо, но Янвен легко его победил. Другой, может, и расстроился бы, но Агат широко улыбнулся:

— Отлично! Значит, я сделал правильный выбор.

Янвен прищурился. С его уродливым шрамом это выглядело зловеще:

— Потому что я победил? Грубой силой?

— Потому что не испугался победить принца.

— Это был честный бой.

— И я о том же. Кроме того... я знаю, что при моем деде ты начинал как шпион, а позже пошел в армию. Ты знаешь, как всё устроено. И тебе хватит решительности.

— А вам? Зачем вам шпионы?

— Потому что я хочу защитить империю, трон моего брата и его самого.

Янвен удивился. Что ж, не упомянуть нынешнего императора было опасно, но Агат не питал любви к отцу, тот к младшему принцу тоже, поэтому к чему лицемерие. Янвен это оценил и с тех пор за пару лет создал отличную сеть шпионов.

Отчитываться Янвен предпочитал принцу, а к императору шел только по его приказу. Временами Агат находил опасным, что Янвен верен лично ему, но в то же время это немного тешило самолюбие. К тому же, Янвен был прежде всего верен империи и трону — просто их воплощение предпочитал видеть в Берилле и Агате, а не в императоре.

Пока это не представляло угрозы. Берилл же заявил, что ничего не понимает в этих делах и не лез к шпионам брата, предпочитая просто использовать их донесения.

С легкой руки Янвена младший принц получил прозвище Теневой клинок. Оно поразительно быстро распространилось и прижилось. Если Янвен больше подразумевал шпионов, то люди ухватились за мысль о том, что дашнаданцев называли теневым народом. Будто бы они не живут в сиянии богов.

Агат положил руку на кинжал, который всегда висел на поясе. Он стал финальным штрихом для прозвища: Агат всюду таскал его с собой, так что многие видели необычное чернильное лезвие, которое привлекало внимания больше, чем орихалковые вставки в чешуйках змей на рукояти.

Подарок Берилла на совершеннолетие брата.

Комната, ставшая центром их исследований, была небольшой. С легкой руки Каэра все стали звать их предприятие «экспедицией потерянного города», хотя куда-то выходить пока что явно рано.

Каэр не был уж настолько младше Агата, почти ровесники, но принц ощущал между ними бездну. Его поражал восторженный энтузиазм этого парня, за прошедшие пару дней он ни разу не пожалел, что выслушал его.

Каэр отодвинул всю мебель к стенам, ничуть не заботясь о вышитых подушках, которые упали на пол. Изящные мозаики его тоже не волновали: он устлал пол бумагами и ползал среди них, отмечая на картах точки, соединяя некоторые линиями.

Берилл наблюдал, скрестив руки.

— Что он делает? — шепотом спросил Агат.

— Без понятия.

На диване у стены устроилось несколько ученых из библиотеки, но основная их часть сидела в другой комнате, которая ужасала Агата даже больше: он не представлял, как они ориентируются в завалах притащенных книг.

Оба принца не интересовались географией и уж точно не обладали нужными знаниями в истории древних городов. Но у них имелись ресурсы.

На столике за Бериллом стоял охлажденный сок, и Агат налил его. Он снова напомнил о ледяной воде, о тишине и мраке, так близких к смерти, если опуститься поглубже.

— Чувствую себя тупым, — пробормотал Берилл. — Каэр, конечно, объясняет, но я мало что понимаю.

— Главное, чтобы отыскал Ша'харар.

— Утверждает, что близок.

— А что говорят остальные ученые?

— Что он близок.

— Вот и чудненько.

Агат не видел смысла переживать, что он чего-то не понимает. География никогда его особо не интересовала — в отличие от магии.

Главное, не думать о том, что и магию-то он не очень понимает и вряд ли у него когда-нибудь хоть что-то выйдет.

Агат не хотел быть бесполезным.

— Каш'шины, — коротко бросил он.

Использовал древнее слово, которым они сами себя именовали. Но Берилл никогда не любил их, поэтому фыркнул, называя так, как принято в империи:

— Кехты! Что они придумали на этот раз?

— Усиливают крепости.

— Думаешь, готовятся к войне?

— Боюсь, опасаются, что на них пойдут войной.

— С чего бы?

— Возможно, их убийцы уже во дворце какого-нибудь императора.

Кехты никогда не славились как хорошие воины. Они жили среди гор, строили там крепости и обучали убийц. Пусть не особенно умелых, зато они готовы умереть, выполняя свой долг. Чаще всего так и выходило, только жертве уже плевать.

Когда братья были маленькими, умер владыка Анарского каганата. Говорили, его зарезали два кехта среди бела дня. Одного убили на месте, другого взяли в плен и пытали. Каган к тому времени был мертв, и началась грызня за власть. Император Рубин тогда сумел захватить приличный кусок их земли.

Берилл вздохнул и как будто подобрался, опустил руки и стал воспринимать серьезнее:

— Что говорят шпионы?

— Только это. Кехты не ходят войной, идти против их крепостей тоже глупо, но они всегда предусмотрительны.

— Хорошо, я увеличу императорскую охрану.

— Не забудь о своей собственной. Ты всё-таки наследный принц.

— И о твоей.

Агат фыркнул, но спорить не стал. Как младший принц он вряд ли представлял для кого-то интерес, но Берилл любил подходить ко всему основательно. Именно он возглавлял дворцовую гвардию, так что это действительно было его делом.

— Вот! — радостно воскликнул Каэр с пола и ткнул куда-то в листы.

— Нашел? — встрепенулся Берилл.

— Место встречи наемников, которое описал Каранис в своей книге. Скалы в виде пяти пальцев... тут землетрясение было, скал осталось всего четыре, вот все и путались.

— Ша'харар там?

— Нет. Но эти наемники двинулись на запад, если удастся высчитать, как именно шли... через три дня они ночевали в руинах города. Наверняка после землетрясения эти стены совсем разрушились, вот их никто и не нашел.

— Ну точно, — проворчал Берилл. — А вовсе не из-за того, что Армаранское нагорье огромное и почти неизученное.

Каэр посмотрел с удивлением, явно не сразу поняв иронию или попросту не ожидая, что принц может иронизировать. Потом широко улыбнулся и продолжил копаться в бумагах, что-то бормоча себе под нос.

— Где ты его нашел? — шепотом спросил Берилл у Агата.

— Это он меня нашел. Отличный же парень!

— И он найдет город, не сомневаюсь. Еще и всех ученых построил и задал направление. Просто удивляюсь, как ты умудряешься вовремя находить самых нужных людей.

— Талант, братец! И немного везения. — Агат задумался. — Ладно, прилично везения.

Он искренне считал, что главное — это результат. Каэр действительно оказался кладзем ценных знаний, к тому же, он просто нравился Агату.

Дверь открылась и на пороге возникла девушка в коричневом платье библиотекарей с грудой книг в руках. Такой высокой, что она с трудом что-либо видела и едва успела удержать чуть не свалившийся сверху том. При этом девушка вполголоса неизящно выругалась.

Агат подошел, проворно подхватывая книги сверху. Почти не удивился, увидев у вошедшей правильные черты лица, бледную кожу и красиво уложенные косы — такие прически делали только аристократки. Среди библиотекарей и ученых, конечно, встречались образованные люди из мелкого дворянства, но в основном были именно увлекающиеся наукой аристократы.

А вот девушку явно удивилась, разглядев принца. Не ступевалась, не смутилась, но точно не ожидала. Она уставилась на него во все глаза, потом будто спохватилась и попыталась присесть в подобающем поклоне, при этом чуть не уронив оставшиеся книги.

— Ваше высочество... я думала, здесь только мой брат.

Агат не сразу понял, что она говорит о Каэре. Тот успел подняться и подойти, бесцеремонно указывая Агату, куда положить книги.

Что ж, либо в них обоих не особо воспитали восхищение королевскими персонами, либо они слишком увлеченные люди. Агату это в любом случае нравилось.

Водрузив книги на указанный столик, он вернулся к Бериллу, который даже не скрывал усмешки. Но шепнул так, чтобы его не слышали другие:

— Тишин Ташар. Да, она сестра Каэра.

— Похоже, носит ему нужные книги из библиотеки.

— Она помолвлена.

— Даже не думал об этом!

— Я тебя слишком хорошо знаю.

Агат попытался изобразить оскорбленную невинность, украдкой наблюдая за Тиштин и Каэром. Хватило его выдержки на пару минут, после чего он сдался:

— С кем помолвка?

— Элам Итанис.

— Да он же урод!

— Твоя оценка цвета нашей аристократии поражает глубиной. Не вздумай при нем такое говорить.

— Да ладно, это тебе надо держать лицо, мне необязательно. Но я правда удивлен выбором.

— Почему? Итанисы знатный богатый род, Элам хорош собой, наследник.

— Он ни одной юбки не пропускает!

— Может, теперь влюбился.

— Такие не меняются.

Берилл не стал отвечать, а мысли Агата уже унеслись дальше от Итаниса, и он пробормотал:

— Хотя все меняются.

Берилл искоса на него посмотрел, но промолчал. Даже не стал спрашивать, просто отошел к Тиштин и Каэру, чтобы помочь им с книгами. Он всегда так делал. Стоило Агату намекнуть на то, что раньше было иначе, попытаться завязать разговор о чем-то более личном, как Берилл тут же сворачивал с темы.

Раньше он таким не был. В детстве три принца дружили. После смерти Алмаза, Агат и Берилл тоже держались друг друга. Потом Берилл стал уезжать в военные походы с отцом, Агат присоединился к ним позже и всего пару раз. Он никогда не любил военное дело, а там создавалось впечатление, что он нужен всем вокруг только из-за брата — к Бериллу так просто не подобраться, поэтому шли к Агату, уговаривали его «похлопотать». Агат уставал от этого больше, чем от самих походов. Возможно, в настоящих всё было иначе и суровее, но в тех вылазках, куда брали Агата, именно так.

Отец явно не считал нужным показывать ему настоящий бой. Или думал, что это не для него, в отличие от Берилла.

А сам Берилл с тех пор старался держать расстояние. Не то чтобы он стал холоднее... скорее, предпочитал не подпускать слишком близко. Агат не понимал, что он сделал не так, а Берилл не спешил объяснять.

Порой Агату казалось, когда они выросли, Берилл осознал, что умер не тот брат. Вот Алмаза он боготворил.

Отгнав мрачные мысли, Агат присоединился к остальным. Некоторые книги он знал, сам их изучал, хотя и с точки зрения грезящих. Так что мог быстрее других отыскать нужные места. В большинстве своем он не понимал, зачем то или иное Каэру, но доверял его чутью.

Тиштин сначала смущалась, но потом стала вести себя свободнее. Агат невольно любовался ею и даже подумал, что ее присутствие странно на него влияет... пока не понял, что попросту возвращается жар.

Проклятье! Иногда такое случалось, одной ванной оказывалось мало.

Агат поднялся, не объясняя, на вопросительный взгляд Берилла только бросил:

— Скоро вернусь.

Берилл нагнал его у дверей, явно хотел положить руку на плечо, но Агат обернулся быстрее.

— Всё в порядке? — Берилл хмурился.

Агату так хотелось рассказать. Поделиться, что жар стал чаще, и как же он раздражает! Почти как тот факт, что для него магия не превращается в грезы, а остается горячкой. Хотелось... просто поделиться, чтобы Берилл выслушал.

Агат отступил к дверям и кивнул:

— Да. Всё в порядке.

5. Яшма

Яшма никогда не считала себя набожной.

На родине, в Хор-Меневате, отношения с богами были будто бы... проще. Страна славилась своими полями и угодьями, большинство жителей занимались именно хозяйством, поэтому их не интересовали огромные храмы, толпы жрецов или обетов. Маленькие святилища ставили прямо в полях, так что пока не встало солнце, до работы, крестьянин мог возжечь свечу и верить, что с ее дымом возносятся молитвы.

Всё просто.

Прошепчи слова, зажги свечу с нужными травами, иди работать. Боги подумают за тебя, как лучше выполнить просьбу. Они любящие и оберегающие. Главное, следуй пяти достоинствам, избегай пяти пороков.

В королевском замке имела собственная часовня, но такая же непритязательная. Яшма частенько вставала с рассветом и отправлялась туда, чтобы поставить свечу в каменном алькове. Ей нравилось размышлять в тишине, строить планы на день.

Хотя аристократы знали, что всё не так просто с религией: боги не пройдут за тебя путь, следовать добродетелям нужно самому. Отвечать за свой выбор.

Яшму это устраивало. Когда она предложила брату согласиться на брак с императором Шеленара, она тоже осознавала, что делает.

С возрастом подозрительность брата росла, как и влияние Яшмы. Это становилось опасным и для нее, и для детей. Союз же с сильной империей как никогда кстати. Яшма догадывалась, что после смерти неуравновешенного брата начнутся беспокойные времена.

Яшма ехала в карете по столичным улочкам и невольно теребила бусины браслета на руке. Маленькие костяные шарики с одним орихалковым — ровно одиннадцать, по числу небесных обетов.

На родине почти никто не носил молитвенные браслеты. В империи даже у бродяги на запястье повязана грязная нитка, пусть даже без бусин.

Поэтому Яшма ехала в Кахарский храм. Императорская семья не должна пренебрегать жрецами.

Яшма облачилась в темно-синее платье с золотой вышивкой, достаточно официальное, но не слишком торжественное. Служанки заплели ее длинные волосы в толстые косы с нитями жемчуга и уложили вокруг головы, украсив тусклыми золотистыми украшениями, цепочками свисающими около ушей. И конечно же, тугими соцветиями ночных цветов, которые так любили жрецы.

Поверх этого — вуаль. Тонкая воздушная сеточка, не столько скрывавшая, сколько отделяющая от простых людей. Знатные дамы часто выходят в вуалях.

Раздвинув занавески кареты, Яшма выглянула в окно. Когда-то она полагала, империя ужаснет ее, но на самом деле, до сих пор город навевал некое чувство благоговения — и вызывал любопытство.

Шумный, яркий, непохожий на родину.

Сердце Шеленарской империи — Кахар. Огромный город, куда стекались торговцы и ремесленники, политики и ученые. В стенах дворца легко об этом забыть, поэтому Яшма регулярно совершала прогулки, даже когда не было такой конкретной цели, как сегодня.

Император Рубин город не любил. А вот его сыновья часто составляли ей компанию

или ездили сами. Они не брали женскую карету, красовались на лошадях, и Яшма думала, что народу полезно видеть своих принцев. Она даже осторожно выясняла настроения, и у нее сложилось впечатление, что если воинственного императора бояться, то к его сыновьям испытывают иные эмоции.

Впрочем, многих принцев любят ровно до тех пор, пока они не становятся императорами — или не совершают что-то такое, что люди поймут по-своему.

Когда приходили ветра с нагорья, ставни домов закрывались, улицы пустели. Но сейчас город дышал, его сердце билось. Яшме нравились крепко сложенные невысокие домики из камня и пестрые флаги над улицами. Лавки украшали гирляндами из цветов и яркими лентами над окнами, чтобы по их оттенкам не хуже чем по знакам определять, это цирюльник или торговец пряностями.

Люди толкались и сновали, большинство не обращали внимания на карету. Если замечали гербы, торопливо кланялись, потом снова спешили по своим делам. Простые горожанки не скрывали лиц, платья предпочитали цветастые, хотя Яшма заметила и несколько белых, наверняка из храмов, и пару мешковатых одежд работников.

Проходящий мимо торговец предлагал кульки сладостей, и вокруг него толкались восторженные дети. Чуть подальше мелькнул крысолов с парой собачонок у ног.

Улыбнувшись, Яшма прикрыла занавески кареты, спряталась в тени и снова перечитала письмо от сына.

Дочери давно вышли замуж, а сын остался в Хор-Меневате, но, к счастью, выбор жизненного пути надежно оберегал его от политики: он ушел в храм. Традиционно считалось, что жрецы отказываются от всех титулов и земель, которые принадлежали им до этого — так что брат Яшмы мог не опасаться, что племянник слишком близок к трону.

Амалин не задумывался о таких вещах, он рос тихим и замкнутым мальчиком, так что Яшма не удивилась, когда он захотел познавать тишину и писать книги — стал велдо, так называли орден жрецов, который занимался наукой в уединении каменных храмов.

Он писал регулярно, и Яшма каждый раз улыбалась, читая от него весточки. Прежде всего тому, что Амалин явно нашел себя и не жалел ни о чем. Ему нравилось умиротворение храма. Он рассказывал о том, как увлекся каким-то древним языком и расшифровывал с другими жрецами глифы.

В этот раз, правда, упоминал, что в Хор-Меневате тревожно: король болен, год выдался неурожайным, местные аристократы начинают возмущаться.

Когда Яшма вернется во дворец, она обязательно напишет сыну. Успокоит и напомнит, что больше это не их проблемы.

В Хор-Меневате дворянство играло важную роль и сильно давило на корону. В Шеленарской империи оно обладало меньшим весом, император хорошенько проредил и приструнил недовольных, когда взошел на престол. Но вместо них тут были жрецы и грезящие. Последние хотя бы предпочитали не вмешиваться в политику.

Карета мягко ткнулась, останавливаясь. Яшма убрала письмо и дождалась, когда открылась дверца и слуги подали ей руку.

Кахарский храм поражал размерами и формой. Яшма находила его странным. Слишком помпезным, состоящим из многочисленных колонн, коридоров, залов разных жреческих орденов. Со стороны казалось, будто на небольшой храм потом настраивали и настраивали новые здания и помещения. Яшма знала, что примерно так и было.

Ее встретили служки. Дети от семи до тринадцати лет, которые учились в храме, но еще

не вступили ни в один из орденов. Они могли сделать это, а могли и покинуть храм, чтобы продолжить обучение где-то еще или вернуться в семью.

Почти все оставались.

Одетые в простые белые одежды, без каких-либо украшений, только нитки молитвенных браслетов с дешевыми бусинками. Служки ненавязчиво отделили Яшму от основной толпы молящихся, которые шагали по ступенькам храма. Неподалеку Яшма заметила джаданов в форме, так здесь называли городскую стражу.

Яшма последовала за детьми под каменные своды. Ее сразу повели не в главные залы, откуда слышался шелест приглушенного говора и тянуло густым благовонным дымом. Вдоль полутемных коридоров жену императора провели в небольшой молельный зал, где перед алтарем зажигал последние свечи Верховный жрец.

Иногда Яшму восхищало, как поэтично в империи относились абсолютно ко всему: все титулы имели красивые названия, аристократам обязательно подбирали высокопарные прозвища. Иногда Яшме казалось, даже у кухарки какое-нибудь звучное имя и должность вроде «сопроводительницы приемов пищи».

Неудивительно, что именно здесь зародились грезящие, отсюда распространились в том виде, в котором они есть.

Но порой Яшму утомляли подобные церемонии, как, например, сегодня. Верховного жреца тут именовали Открывателем небесных врат. Считалось, что если императоры — продолжение богов на земле, то жрецы — проводники воли богов. Но главное, проводники душ после смерти к перерождению.

Нынешнего Верховного жреца звали Мельхиором, и он приходился дальним родственником императорской семье. Давняя традиция, вроде бы для того, чтобы жрецы не выступали против королевской власти.

Мельхиор Яшме нравился. Низкорослый, но крепкий для своего возраста. Он брил волосы на лице и на черепе, но брови у него оставались густыми и абсолютно седыми, а лицо в морщинах походило на сморщенный фрукт. Многослойные одежды белых и песчаных цветов, замысловато выкрашенных в несколько оттенков, окутанные жемчужными цепями.

В небольшом зале не было ничего, кроме укрытых тенями статуй в нишах и каменного алтаря, перед которым Мельхиор воскуривал благовония. Одиннадцать ступенек небесных обетов, окруженные пятью миниатюрными фигурками богов пороков с одной стороны и пятью богами достоинств с другой. Наверху сложная статуэтка очень тонкой работы. Яшма не сразу поняла, что изображает собой переплетение, будто змеиный клубок из золота, нефрита и оникса.

Это была смерть. Одиннадцатая сила. Неизбежная смерть, которая заканчивала цикл одной жизни и начинала другой. Она считалась одиннадцатым обетом, самым непреложным. Довольно необычный выбор для скульптуры, чаще всего это место алтаря оставляли пустым как символ Бездны, в которой нет ничего, и из которой можно переродиться кем угодно.

Собственная уединенная молельня Верховного жреца.

Он закончил со свечой, и Яшма с удивлением ощутила аромат вербены. Похоже, молитва Мельхиора о высшей справедливости, о том, чтобы у кого-то очистились мысли и стремления.

— Знаете, почему именно свечи, Первая жрица? — спросил Мельхиор.

— Мой титул всего лишь дань традиции. На самом деле, я далека от жречества.

Яшма не сомневалась, Мельхиор решил ей лишний раз напомнить, что она чужеземка, не императрица, а жена императора. Вместе с этим она получила титул «Первой жрицы», но он и правда лишь формальность да присутствие на паре важных ритуалов. Яшма мало что смыслила в жречестве и не пыталась казаться умнее, чем она есть. Мельхиор же, кажется, искренне считал, что каждый в этом мире должен стремиться быть жрецом.

Он вздохнул:

— С дымом молитвы быстрее достигнут богов добродетелей. Но вы же знаете, об ушедших мы тоже ставим свечи.

Яшма вздрогнула. В молодости она пережила ужасную эпидемию в землях мужа. Она помнила местный храм, утопавший в свечах. Она и сама приходила каждый вечер ставить одну за свою погибшую новорожденную дочь. Ее первый ребенок.

— Это другие свечи, — возразила Яшма. — Не молитвенные благовония.

— Да, но смысл тот же. Мы ставим свечи за собственные прожитые жизни. За тех людей, какими мы когда-то были, ведь они тоже погибли. Умерли, чтобы появились мы.

— Они дали нам свой опыт.

Мельхиор кивнул и улыбнулся, явно довольный, что Яшма мыслит в нужном направлении. На самом деле, она бы предпочла избежать теологических споров.

— Я пришла ради практичных вещей.

— Ох, конечно. Но вы знаете, как я их не люблю.

Яшма промолчала. Возможно, заниматься ими Мельхиор не жаждал, но ресурсы он считал бойко и своего не упускал, вечно сетуя, что храму нужно много.

Мельхиор указал на галерею, ведущую в другую часть храма, предлагая прогуляться за разговором. Яшма обрадовалась: после поездки в карете хотелось пройтись. Да и аромат вербены она не любила. Не верила, что таким образом можно заставить кого-то быть разумным. И уже давно не полагалась на справедливость.

— Поставки орихалка скуднеют, — вздохнул Мельхиор.

Он имел в виду, конечно же, не сам метал. В слитках тот отправлялся на продажу другим государствам, у которых собственные запасы были меньше. Внутри же империи «поставки» подразумевали под собой зачарованные вещи.

Орихалк, который прошел через руки грезящих.

— Знаю, — вздохнула Яшма, и ее сожаление не было наигранным. — Могу уверить, это не из-за того, что император неуважительно относится к храму. У грезящих возникли... некоторые проблемы.

— Жаль это слышать.

— Думаю, подобные вопросы лучше обсудить с моим мужем. Я здесь по другому поводу.

— Понимаю. Сейчас у детей занятия, у нас есть полчаса. Потом я покажу вам, что удалось сделать в школе.

Мельхиор понравился Яшме именно в тот момент, когда не отказал ей. Хотя любой другой Верховный жрец мог не воспринять идею открыть при храме школу, которая не воспитывала бы служек, а просто... обучала.

На самом деле, Яшма пыталась устроить что-то подобное еще на родине, но там встретила жесткое сопротивление жрецов. Они полагали, детей бедных горожан стоит обучать только в том случае, если они собираются посвятить жизнь храму.

Мельхиор оказался не таким консервативным. Хотя сам вырос в дворянской семье и

его-то воспитанием точно занимались нанятые учителя.

Яшма мечтала о том, чтобы сын прачки тоже мог стать ученым, если бы пожелал. До этого, конечно, еще далеко, но храмовая школа, куда ходили дети простых ремесленников — уже неплохой шаг вперед.

Ей повезло, что император не особенно интересовался подобными вещами, поэтому позволял Яшме делать то, что она задумала. К ее удивлению, удалось привлечь и Берилла, а появление самого наследного принца на открытии школы тут же сделало ее популярной.

Яшма и Мельхиор шагали по каменной галерее, украшенной замысловатой резьбой. Сквозь широкие окна они видели внутренний двор, который сейчас пересекали несколько жрецов в бело-оранжевых одеждах. Их ладони скрывали перчатки, как у самой Яшмы. Но если у нее это и вуаль показывали статус, то у жрецов их орден — малафисы, те, кто занимался посмертными обрядами.

— Как дела в храме? — спросила Яшма.

— Ох, леди, вы знаете, как ударить по больному, — беззлобно улыбнулся Мельхиор и взял ее под руку, отбрасывая последнюю официальность. — Я — тот, кто открывает небесные врата, но вам прекрасно известно, что я не правлю на земле. Мои заботы — обеспечение храма, ритуалы и связь с внешним миром. Но каждый жреческий орден имеет своего главу, и они не обязаны отчитываться мне во всем.

Что-то такое мелькнуло в его словах, что заставило Яшму насторожиться:

— Кто-то особенно беспокоит?

— От вас ничего не скроешь. Велдо услышали о поисках Ша'харара и жаждут присоединиться.

— Жрецы-ученые. Мы будем только рады.

— Правда? Вот и отлично, сообщу ордену велдо. Жаль, другие проблемы так просто не решить.

— Какие?

— В том-то и дело, я не знаю. Эльхары явно плетут очередные сети, но не ставят меня в известность. Вроде бы получают новые пророчества в последнее время, но их глава отчитывается, что всё как всегда.

Яшма нахмурилась. В ее родном крае жреческий орден о пророчествах очень любили и почитали, потому что они могли предсказывать погоду и лучшее время для посева и сбора урожая. В империи она мало о них слышала. Только перед свадьбой предсказание от эльхара считалось обязательной частью ритуалов, и Яшма подчинилась. Лысый жрец тогда заявил, что брак будет спокойным.

Ну... не соврал. Если супругам не так часто встречаться и говорить только о делах, союз и правда безмятежен.

— А вот и они, — проворчал Мельхиор.

Он замедлил шаг перед последними окнами галереи и кивнул в сторону внутреннего двора. Там проходили двое в одеждах цвета песка. Оранжевые жреческие знаки на ладонях выделялись особенно ярко. Женщина была очень невзрачной, а вот мужчина с суровым взглядом привлекал внимание отвратительным шрамом на щеке.

— На'лах Тарус, первый среди эльхаров, — коротко объяснил Мельхиор. — Самый своенравный орден. Они считают, что настоящий глас богов добродетелей — это Истинные пророчества. Именно их они ищут и изрекают. Иногда мне кажется, они считают их высшей волей. Выше императора и уж точно выше меня. Даже я не всегда знаю, что у них

происходит.

Проходившие по двору жрецы не обратили на них внимания, и Мельхиор потянул Яшму дальше, в сторону школы. Она же подумала, что в огромной империи есть свои недостатки: управлять сложнее, чем маленьким королевством. Больше тайн.

— Кстати, леди Яшма, — мысли Верховного жреца устремились вперед. — Скоро Кровавое полнолуние, идеальное время для очистительных ритуалов. Напомните принцу Агату, что в прошлом году он пропустил.

— Он был болен.

Вообще-то Агат заперся в своих покоях, и Яшма не сомневалась, что он просто избегал ритуалов. Она его не винила: с детства жрецы так и вились вокруг Агата, настаивая на очередной очищающем обряде из-за дурной крови.

— Напомните ему, — убеждал Мельхиор. — Больше нельзя пропускать! Мы всё подготовим.

— Обязательно, — пообещала Яшма.

Агат точно будет не в восторге.

На'лах Тарус едва обратил внимание на Верховного жреца и жену императора, которые шагали по галерее. Важные люди Шеленара, но в глазах богов — песчинки. Следуют ли они пяти добродетелям? Избегают ли пяти пороков? В любом случае, в конце всех ждет единая и неотвратимая смерть. Важно лишь то, каким предстанешь перед ней, обнаженный в своих поступках и чувствах. От этого зависит следующее перерождение.

На'лах собирался сделать всё, что в его силах, чтобы жизнь не оказалась напрасной. Даже если это требовало сложных решений, он не противился им и не избегал.

Калайя рядом с ним молчала, пока они не дошли до комнат жрецов-эльхаров. Там обменялась несколькими фразами со служками и повела На'лаха в одно из помещений без окон. Оно походило на пещеру, наполненную густым ароматом благовоний с мерцающих углем жаровен. Они же слабо освещали прорицателя. Недавний бродяга у рынка теперь облачился в просторные жреческие одежды, правда, никаких жемчужных цепочек или знаков на ладонях — всё-таки полноправным жрецом он не был.

А вот голову пришлось обрить. В спутанных волосах оказалось слишком много грязи и вшей.

Бродяга сидел, скрестив ноги, и покачивался, напевая мелодию без слов.

— Он изрекал пророчества? — спросил На'лах у служки в дверях.

Тот качнул головой:

— Ничего нового.

— Что ж, — вздохнул На'лах, — кто мы такие, чтобы торопить богов. Когда придет время, они пошлют новые Истинные пророчества.

Считалось, что эльхарам покровительствует бог одного из достоинств — честности. Поэтому пророчества не всегда понятны, но всегда правдивы. На'лаху, конечно, хотелось знать больше, но радоваться он привык малому. Например, что все истинные пророки эльхаров пробудились после десяти лет тишины.

Этот бродяга — первый найденный новый пророк. Тот, кого не пустят к обычным молящимся, которые хотят узнать, как сложится жизнь в браке или жизнь повзрослевшего

ребенка. Даже к императору не допускались те, кто видят Истинные пророчества.

Они оставались в недрах храмов. Потому что не разменивались на видения жизнью, они предсказывали судьбы государств и миров.

— Он уничтожит империю, — прошептал бродяга.

Служка тут же вскинул дощечку с листом и угольком, приготовившись. Около истинных пророков всегда дежурили служки эльхаров, чтобы успеть записать, когда они что-то увидят.

Пока бродяга не говорил ничего нового. Правда, сытый, с крышей над головой, он стал гораздо спокойнее. На'лах надеялся, это хорошо скажется на связи с богами.

— Он рожден, чтобы уничтожить империю. Утопит ее в крови. Всё сгорит.

На'лах качнул головой и отошел, верная Калайя шагала рядом.

— К принцу сложно подобраться, — вполголоса сказала она. — Вся еда проходит проверку, перчатки почти не снимаются. За ним постоянно следует охрана. Еще эти шпионы... с ними стало сложнее.

На'лах кивнул. Он чувствовал беспокойство помощницы, но сам не волновался. Боги помогут им. Они ведь следуют их предупреждениям, посланным через пророчества.

— Наняты кехты готовы?

Калайя кивнула:

— Ждут подходящего момента.

— Значит, нужно этот момент дать. Во дворце слишком много охраны.

— Принцы заняты исследованиями. Ищут потерянный город. Они редко покидают стены дворца.

— Скоро Кровавое полнолуние. Ритуал очищения.

— Где будет один принц, скорее всего, будет и второй. Они почти всегда вместе на ритуалах.

— Это возможность. Но нужно быть внимательными, мы не можем совершить ошибку.

Которая случилась десять лет назад. Тогда всё началось с похожих пророчеств, потом они стали конкретнее и четче. Эльхары решили действовать — и пострадал не один принц, а двое. Эта ошибка обескуражила их.

Пророчества затихли. На'лах до сих пор верил, что они всё сделали правильно. Благополучие империи стоит сопутствующего урона.

Но теперь нужно быть внимательнее. У императора не так много сыновей.

На'лах иногда удивлялся, почему не сам император — этот разрушитель? Воинственный, жестокий. Тем не менее, он не обладал силой.

Возможно, его воспитание растило разрушителей.

6. Берилл

Берилл знал, что ему это снится, и во сне перед ним мертвец.

Некоторые полагали, царство ночных видений близко к грезам, ведь маги входят в похожее состояние, когда зачаровывают. Берилл на это плевать хотел. Он бы предпочел спокойно спать.

Но сидел на земле, скрестив ноги, а перед ним — мертвец. Не так уж сложно это понять, учитывая, что плоть того гнила под лохмотьями одежды, рассыпалась и отваливалась буквально на глазах. Наверное, если понаблюдать достаточно долго, останется только скелет.

Рядом бушевало пламя. Стена из огня, но жара Берилл не чувствовал. Спокойно сидел в кругу тишины перед мертвецом.

— Я хочу проснуться, — уверенно сказал Берилл.

Он радовался, когда осознавал, что видит кошмар. Тогда легко проснуться. Хуже, когда он вскакивал, даже в реальности не понимая, что видел именно сон.

Ничего не произошло. Берилл нахмурился и повторил:

— Я хочу проснуться!

Снова без результата. Бериллу стало не по себе. Он еще не видел кошмаров, от которых не мог проснуться. Он поерзал на месте, глянул на бушующее пламя, но ничего не смог в нем разглядеть.

Наставники учили Берилла задавать правильные вопросы. Они говорили, все ответы уже существуют в мире, но чтобы их понять, нужно задать вопрос.

— Почему я не могу проснуться?

Мертвец перед ним склонил голову, как будто ему стало любопытно. Его лицо сгнило до неузнаваемости, а глаза он закрыл. Но сквозь кости челюсти виднелся язык, а слова слышались вполне отчетливо:

— Ты не хочешь.

— Что? Я хочу!

— То, что внутри тебя, не хочет.

Пусть ощущения не были настоящими, но Берилла невольно кинуло в пот. Он знал, что его слишком реалистичные кошмары — это результат яда. Он подтачивал изнутри, заставлял видеть ночами мрак.

Берилл всегда опасался, что с ним яд так и поступит, если его станет больше. Не ослепит, не парализует. Сведет с ума. Хотя Ашнара говорила, такое маловероятно.

За мысль об Ашнаре Берилл уцепился. Она была чем-то настоящим... он спит сейчас у нее в покоях. Пришел после дневных дел, и они неплохо расслабились. А потом он, похоже, уснул.

— Всё так, — пробормотал мертвец. Его голос звучал странно. — Ты спишь, но то, что внутри тебя, не хочет, чтобы ты просыпался.

Бериллу не нравилась мысль, что в последнее время яд стал влиять больше. Но похоже, даже собственный разум во сне подсказывает, что это так.

— Я хочу проснуться, — уверенно заявил Берилл. — Это плохой сон. Я хочу проснуться рядом с Ашнаррой.

— Может, ты убил ее?

— Что?

— Ты такое же чудовище, как твой отец. Все говорят, ты похож на него.

— Только внешне!

— Так уверен? Его женщины никогда не жили долго. Может, ты тоже несешь близким смерть.

Берилл замотал головой. Это всего лишь дурацкий сон! Ничего удивительного, что он несет те же опасения, которые мучают Берилла в жизни. Но это всего лишь страхи, у которых нет оснований.

— Может, из-за тебя умер и я?

Мертвец расправил плечи, так что перестал походить на обветшалую кучу тряпья и гниющей плоти. Царственная осанка, чуть вздернутая голова, будто чтобы смотреть сверху вниз. Мертвец открыл глаза, такие же темные, как у самого Берилла.

Мертвецом был Агат.

Берилл подскочил на постели, тяжело дыша. Стиснул зубы, потому что изнутри рвался позорный скулеж. Переждав пару ударов сердца, Берилл выдохнул, позволил себе расслабиться, зная, что теперь не сорвется. Опустил плечи и спрятал лицо в ладонях.

— Снова плохой сон?

Берилл поднял голову.

Он сидел в спальне королевского алхимика, полной тонких тканей и тяжелых покрывал, мерцающих зачарованных камней и костяных статуэток. Кровать была странной, почти округлой формы, явно какая-то заморская.

Ашнара застыла в дверях. На ней был лишь тонкий, ничего не скрывающий халат, но волосы она успела заплести в небрежную косу.

— По крайней мере, сейчас я знал, что это сон, — криво усмехнулся Берилл. — И не вскочил тушить невидимый огонь.

Не побежал проверять, точно ли у Агата не отваливаются куски плоти.

Ашнара исчезла в другой комнате, но вскоре, как раз когда Берилл полностью пришел в себя, вернулась с глиняной плошкой чая. От него пахло травами и цветами.

— Выпей.

— Какой-то отвар?

— Просто чай. Поверь, чай всё способен сделать лучше.

Отдав плошку, она запахнула занавески, давая дневному свету проникнуть в комнату. Вообще-то за окном уже тлел закат, и Берилл мимоходом подумал, что вряд ли спал больше часа. Что ж, в такие моменты кошмары ему снились и правда чаще, чем при обычном ночном сне.

Ашнара присела рядом и провела рукой вдоль его позвоночника.

— Ты напряжен. Тебе надо успокоиться.

— Мне надо, чтобы не снились кошмары. Может, отсыпешь снова того порошка? Я с ним спал как убитый.

— Его нельзя часто. Лучше займись Ша'хараром.

— Он-то при чем?

Ашнара вздохнула. Ее пальцы скользнули вверх по позвоночнику Берилла, а потом

снова устремились вниз.

— Я пытаюсь сделать для тебя противоядие, но что-то не срабатывает до конца. Ша'харар — кладезь древней мудрости, огромная библиотека. Морозник известен испокон веков. Я могу найти там что-то полезное.

— А в Эллемире ничего не знают? У них же эта дрянь растет!

— У них нет противоядия. Как нет его нигде в мире. Я работаю и у меня точно выйдет... но со знаниями Ша'харара может получиться быстрее.

Берилл вздохнул. Чай горчил на языке, но послевкусие оказалось приятным цветочным.

— Да-да, ищем мы этот заброшенный город...

Ашнара поднялась, гибкая, стройная. Она походила на огромную кошку, древнего хищника, который обрядился в костюм из плоти и костей... от пришедшего в голову сравнения Берилл невольно вздрогнул. Слишком свежи воспоминания о мертвеце из сна.

Из резной деревянной шкатулки Ашнара достала веточку асафетиды, невзрачного растения с горьковатым запахом. Зачарованным камнем с орихалковым напылением Ашнара коснулась травы, и та заискрилась, а потом затлела, распространяя дым.

— Фу! — скривился Берилл. — У меня же не болит голова!

— На всякий случай.

Лекари от головных болей предпочитали травы помягче, но Ашнара оставалась непреклонна и заявляла, что пусть аромат асафетиды не нравится Бериллу, но помогает лучше всего. Самое ужасное, она была права.

Но сейчас-то у него правда ни намек на головную боль! Они часто появлялись именно после кошмаров, но не сегодня.

Ашнара прошлась по комнате кругом, окуривая, после чего двумя пальцами погасила асафетиду и заметила:

— Приведи себя в порядок и покажись уже своей охране. Тот тип с орихалком с ума сходит. Наверное, боится, я тебя тут убила и надругалась над кишками.

Перед глазами Берилла снова возник мертвец из сна. Видимо, что-то такое промелькнуло на лице Берилла, потому что Ашнара тут же посерьезнела:

— Тебе правда пора идти. Иначе поползут слухи.

— Да уже ползут, я уверен.

— Только потому что ты небрежен.

— Могла и разбудить!

— Ты слишком сладко спал.

Поворчав для вида, Берилл поднялся и попытался поймать Ашнару в объятия, но она со смехом увернулась, легонько хлопнула его по носу и скрылась в другой комнате.

И это ей-то много лет? Она-то алхимичка, которая живет и накапливает знания? Иногда Берилл мог поспорить, что она девчонка, едва достигшая совершеннолетия!

Берилл прошлепал к умывальнику, сейчас благодарный за холодную воду. Она и правда привела в чувство, смахивая остатки кошмара. Не первого и наверняка не последнего в жизни Берилла. В конце концов, всем людям снятся дурные сны, просто ему чуть чаще, чем остальным. Ничего особенного.

Он вспомнил, как Ашнара чуть раньше сказала ему:

— Я чувствую, что-то носится в воздухе. Как будто перед грозой. Скоро грянет буря, а мы к ней не готовы. Найди Ша'харар. Там точно есть ответы, с ними мы сможем задать вопросы, и многое станет ясным.

Берилла не слишком волновал орихалк. Он полагал, это не силы металла иссякают, а сами грезящие что-то мутят. Но если в городе найдется что-то, что поможет Ашнаре с противоядием... что ж, ради этого стоит стараться усерднее.

За окном почти стемнело, но в полумраке Берилл хорошо видел в зеркале свое отражение. В мутных тенях он даже больше походил на отца.

Все говорили, у Берилла его глаза. Его стать. Его характер.

Берилл яростно отрицал. Может, со стороны он тоже порой выглядел суровым, но точно не такой жестокий и бездушный, как отец! И никогда не будет. Он приложит к этому все силы. Найти потерянный город — отличный шаг.

Император в его возрасте уже шел с первым завоевательным походом. Его никогда не интересовали руины древности, ученые и загадки.

Хотя ядом он тоже отравлен не был.

Отвернувшись от зеркала, Берилл разыскал одежду. Застегивая крючки синего с золотым шитьем камзола, он понял, что руки немного дрожат. Берилл выпрямился, закрыл глаза и глубоко вздохнул.

Очищению сознания учили всех. Говорили, оно помогает сосредоточиться, изгнать лишнее, что лишь забивает мысли. По-настоящему использовали подобное состояние только грезящие. Они будто соскальзывали на границу миру, спали, бодрствуя, и подцепляли грёзы, которые накладывали на орихалковые вещи.

Бериллу сейчас требовалось немного успокоиться. Взять себя в руки. Он принц, в конце концов, у него есть дела.

Он всего лишь частичка большого сложного мира. Капля в море людей. Песчинка в буре.

Я пыль. Я мерцающая пыль на изнанке мира.

Из спальни Ашнары Берилл вышел собранным и спокойным. Она так и не удосужилась одеться, позволила принцу наклониться и поцеловать себя. Когда он выпрямлялся, неожиданнохватила его за камзол, выгнулась, еще разок поцеловав.

— Я зайду на днях, — улыбнулся Берилл.

— Если у меня будет время! — фыркнула Ашнара.

Охрана ожидала Берилла у дверей алхимических комнат. Они вытянулись и приложили кулаки к груди в приветствии. Берилл кивнул. Он лично возглавлял королевских воинов: когда-то император решил, что именно так стоит воспитывать из старшего принца воина и лидера. Едва ли не единственное решение, за которое Берилл правда благодарен отцу.

— Ваше высочество, — один из воинов поклонился отдельно. — Я обеспокоен, что охрана не всегда рядом.

— Вряд ли что-то угрожает у Королевского алхимика.

— Кроме нее самой.

— Она работает на императора. Не волнуйся, я доверяю Ашнаре.

Не мог же он сказать, чем они занимаются! Алхимия считалась одной из наук, пусть и самой сложной и загадочной. Берилл, конечно, никогда не был кем-то вроде Каэра, но всё-таки науке уделял достаточно внимания. Поэтому рассказывал, что обучается основам алхимии.

На самом деле, они ему совершенно не давались, хотя Ашнара и вправду пыталась что-то объяснить. По крайней мере, по началу.

Человек, который спрашивал, не только являлся вторым человеком в королевской

гвардии после Берилла, но и его другом. Салмар Кэтар был чуть старше и чем-то напоминал Алмаза. Правда, куда более непреклонный и преданный своему делу. Может, Алмаз тоже стал бы таким, если ему дали дожить.

Но главное, Алмаз обожал орихалк и чары. У него даже глаза загорались, когда ему приносили новую магическую вещь. Как подозревал Берилл, у брата были и способности к грёзам, он даже зачаровал самостоятельно пару вещей, но никогда особенно не интересовался созданием. Ему нравилось обладать подобными предметами — и использовать, конечно же.

Салмар Кэтар был таким же. На его скулах поблескивали полоски вживленного металла, слабо мерцающие и похожие на медные. Дорогая операция грезящих и лекарей, которую мог себе позволить отпрыск знатного рода — и королевский воин. Потому что чары делали быстрее и сильнее обычных людей. Даже если раздеть его догола, отобрать зачарованные клинки, вживленные пластины никуда не исчезнут. Салмар останется оружием, пока не умрет.

Алмаза такие вещи завораживали. Может, он и не решился бы на скулы, но наверняка вживил бы себе орихалк под присмотром грезящих и в тайне от отца.

Из-за металла выражение лица Салмара всегда казалось будто настороженным. Берилл не просто так считал его другом. Дело не в том, что они вместе участвовали в отцовских вылазках или пили в казарме. Салмар всегда говорил с принцем откровенно.

— Меня беспокоит Каэр'дхен Ташар.

— Каэр? Чем?

— Он странный.

Берилл чуть не рассмеялся и хлопнул Салмара по плечу:

— Да ты всех считаешь странными! Если они не простые, как палка.

— Он приказывает воинам.

— В смысле?

— Замковым гвардейцам. Просит принести книги.

Берилл вздохнул и указал вперед. Они с Салмаром пошли рядом, пока двое охранников шагали позади. Что точно понимал Алмаз и чего не мог осознать Салмар, так это увлеченных людей.

— Он наследник Ташаров, — сказал Берилл. — Не такой богатый и влиятельный род, как Кэтары, но приказывать он привык.

— Мои люди не слуги.

— Конечно, нет. Каэр вряд ли задумывается, когда просит кого-то. Ему нужна книга, и он говорит об этом тому, кто рядом.

— И что делать воинам?

— Просить слуг.

— Ты слишком снисходителен к нему, — проворчал Салмар.

— А ты суров. Лучше пусть охрана следит, чтобы ему приносили обед.

— Воины не няньки.

— Конечно, нет. Но всё равно скучают на посту. А ты знаешь как люди, подобные Каэру, могут увлекаться. Если он рухнет без сил, мы никогда не найдем Ша'харар. Помнишь, как Агата вытаскивал от книг?

Салмар хмыкнул. На групповые тренировки с другими воинами Агат частенько опаздывал. Салмар бесился и сам шел за принцем, обычно находя его за какой-нибудь

книгой о грёзах.

Они проходили каменными галереями, и слуги зажигали масляные фонари у некоторых комнат, где не было зачарованных огней. Обычно так обозначались как раз помещения для слуг.

— Ваше высочество.

Салмар обращался к Бериллу именно так, словно напоминая, что даже если они друзья, он прежде всего оставался главой стражи. Их основное дело — защищать дворец и королевскую семью.

Сейчас его голос звучал нерешительно, и Берилл покосился, пытаясь понять причину.

— Ваше высочество... почему не стали присутствовать на обряде?

— Каком?

— Сегодня Кровавое полнолуние. Ежегодные ритуалы очищения.

Берилл замер. Подошел к окну и с удивлением заметил, что луна действительно полная и отчетливого красного оттенка. В это время года всегда одно из полнолуний бывало «кровавым», и жрецы проводили многочисленные ритуалы в храме для всех желающих.

Большинство обрядов Агата осталось в детстве, но раз в год ему всё равно устраивали «очищение».

— Я не знал, — пробормотал Берилл.

Почему ему никто не сказал? Хотя Ашнара упоминала красное полнолуние, ей для каких-то компонентов нужно. Она ведь поэтому и правда может быть занята сегодня и завтра. И Яшма... накануне она говорила за чаем, что скоро ритуалы очищения. Она тоже в них участвовала, присутствовала как номинальная Первая жрица.

Берилл не обратил внимания.

С утра он заходил в комнату их экспедиции, Каэр предупредил, что сегодня закончит раньше, потому что хочет успеть в храм. Берилл рассеянно кивнул, но даже не подумал, зачем в храм-то. Мало ли.

Теперь понятно. Многие участвовали в ритуалах очищения. Это считалось хорошей приметой и добрым знаком, хоть и не было обязательным. Большая часть аристократов думать не думала о подобном, а простые люди любили.

Агат тоже был в комнате. Берилл тогда еще подумал, почему брат на него так странно посмотрел... но Агат тут же вернулся к бумагам, а Берилл ушел на долгие переговоры с купеческой гильдией Кахара. Те снова хотели, чтобы городские ворота открывались на час раньше, и торговавшие крестьяне привозили товары городским торговцам чуть ли не до рассвета.

Берилл всегда уставал от этих бессмысленных разговоров и понимал, почему император сам не хочет этим заниматься.

— Почему Агат не сказал?

Салар пожал плечами:

— Наверное, не хотел беспокоить.

Салар прекрасно знал, что Берилл присутствовал на ритуалах очищения брата. Не то чтобы в этом была необходимость... но Агат терпеть их не мог и в детстве просил Берилла ходить вместе с ним. Может, после того как совсем маленьким Агат чуть не утонул при одном из обрядов. Он был детским и состоял из множества этапов, а на последнем ребенка окунали по воду и держали так достаточно долго. Агат устал, запаниковал, но жрецы продолжали держать, считая, что это его дурная кровь бунтует.

Агат почти не дышал, когда его наконец-то достали. А когда откашлялся, испугался и расплакался — он тогда был совсем маленьким. Берилл до этого никогда не видел, чтобы брат плакал. Да и после. Они с Алмазом его успокоили, и после Агат хотел, чтобы кто-нибудь из братьев присутствовал на ритуалах.

По крайней мере, раньше. В последние годы Агат не просил, но Берилл сам приходил. В прошлом году Агат спрятался в своей комнате с запасом книг и заявил, что болеет, так что смог избежать обрядов.

В этом Берилл попросту... забыл.

— Придунок, — прошипел Берилл. — Почему Агат не напомнил?

Салар деликатно молчал. Вздохнув, Берилл глянул на положение луны. Обычно ритуалы начинали на закате, а после Верховный жрец занимался Агатом.

Опоздает, конечно, но может, успеет хотя бы не к началу.

— Едем, — приказал Берилл.

7. Агат, Берилл

Храм наполняли огни и торжественные песнопения.

Агат слышал их из маленькой комнаты, где ожидал ритуала. Он думал — или, точнее, уговаривал себя — что давно свыкся с ними. Досадное нарушение привычных планов, не более того. Но на самом деле нервничал.

Принц сидел на простой табуретке без спинки. Обычная деревянная, крепко сбитая и без изысков, как вся мебель в храме. Кажется, ее делали служки.

В маленькой комнате ничего не было, кроме табурета, стола, фонтана для омовения и накрытой сейчас кушетки, где лежала аккуратно сложенная одежда принца и оружие. В подобных местах ожидали ритуалов, а к некоторым нужно было готовиться несколько дней. Усердно молиться и настраиваться. К счастью, Агату предстояло подождать не больше часа.

Его облачили в просторные светлые одежды, чем-то напоминающие жреческие, сверху накидка с широкими рукавами темно-синего цвета императорской семьи. Никаких украшений, знаков или даже обуви. Дозволялось оставлять молитвенный браслет, но Агат его не носил.

Перед ступеньками храма его нагнал глава шпионов Янвен и сообщил:

— Принц Берилл у Королевского алхимика.

— Хорошо, — спокойно ответил Агат.

Хотя вообще-то всё было не так. В глубине души он надеялся, брат придет.

Внутри Агат хотел как можно скорее добраться до своей комнаты, переодеться и ждать, но с удивлением заметил Каэра. Он жался среди статуй и казался ошарашенным.

— Тоже пришел на ритуал? — Агат улыбнулся ему.

— Нет, сопровождаю Тишлин.

— Она такая набожная?

— Терпеть не может ритуалы, но в будущем году выходит замуж. Жрецы говорят, хороший знак, если сейчас она пройдет очищения, — Каэр усмехнулся. — Она не хочет его отдельно перед свадьбой.

Агат понимающе кивнул. Перед церемонией заключения брака ее бы заставили проходить длинный и муторный обряд, а сегодня обойдется коротким с другими женщинами. Мужчины при этом не допускались, но вот в комнате ожиданий Каэр как родственник мог сидеть вместе с сестрой.

— Я редко бываю в храме, — признал Каэр. — А Тишлин с родителями опаздывает.

— Они тоже будут?

— Конечно. Тиш ворчала, мы все в комнату не поместимся, но родители настояли. Она же с детства на ритуалах очищения не была. А ты...

— Поговорим позже.

Теперь Агат сидел в комнате и нервно сцеплял и расцеплял пальцы. Из маленького окошка доносились песнопения жрецов, от накидки пахло горьковатым дымом воскуриваемых трав. Агату хотелось уйти как можно скорее — или забиться в угол на этой кушетке и притвориться, что его не существует.

Конечно же, он не был единственным, чья мать — дашнаданка. Они редко покидали родные земли, но всё-таки путешествовали. Если бы он был хотя бы сыном аристократа, было бы намного проще. Ему бы не доверяли, тоже говорили о порченной крови, но чтобы

тебя не любили, в конце концов, не обязательно иметь родителя-чужеземца.

Агат был принцем. Он вообще понятия не имел, каким образом к наложницам императора попала дашнаданка. Это ведь был ее выбор, насильно никого не заставляли. Эта странная женщина покинула Дашнадан, стала наложницей императора и родила ему сына. Которому всю жизнь рассказывали, что у него порченная кровь.

Поэтому в детстве над ним провели куда больше всевозможных обрядов, чем над обычным ребенком — больше, чем над другими принцами. Сейчас он, конечно, мог бы отказаться, его не заставляли... но недовольны будут не только жрецы, но и дворяне. Идти против всех смысла нет. Да и лишний раз нарываться на злость отца тоже не хотелось.

Агат глубоко вздохнул. Просто не думать ни о чем. Осталось немного. А потом не такой уж длинный ритуал и он наконец-то сможет уйти домой. Яшма даже сказала, что он поедет в ее карете.

Агат часто ощущал слабость после подобных обрядов. Несколько недель мир казался тусклым, лишенным красок и тепла — или таким был сам Агат. Он не знал, использовали жрецы какую-то из разновидностей грёз или просто алхимию, но она правда влияла на те силы, которые бились у него в венах. Жаль только, от этих ритуалов тело не горело меньше.

Обычно в этой комнате Агат ожидал с Бериллом. Потом брат наблюдал за ритуалом из общего зала, а после они вместе возвращались во дворец. Так было и на длинных обрядах три года назад, когда император счел, что восемнадцатилетний Агат достаточно взрослый для церемонии совершеннолетия. Да старше уже и поздно.

Когда-то для Алмаза ее провели в пятнадцать. А вскоре после этого он погиб на пиру. Для Берилла тоже хотели в ближайшее время, но из-за траура отложили.

Агату было одиннадцать, когда случился тот злополучный пир. Берилл старше на три с половиной года, Алмаз на четыре, но в то время это порой становилось бездной. Например, старшим уже позволялось присутствовать за столом взрослых, а для Агата об этом еще и речи не шло.

Он сидел с наставником, когда прибежали стражи и рассказали о том, что случилось. Агат тогда многого не понял, кроме одного: Алмаз убит, Берилл ранен.

Агат любил обоих братьев. Но всегда полагал, что мертвым уже не поможешь, а волноваться стоит о живых. Поэтому следующую неделю, пока Берилл не приходил в себя, а в его комнате сменялась чередой лекарей, Агат провел именно с ним. И после, когда Берилл долго восстанавливался и не покидал свои покои, пил горькие отвары и едва мог ходить, Агат подолгу сидел у него, развлекал чтением книг и пересказом дворцовых сплетен.

На похороны Алмаза Берилл пойти не смог, но заставил Агата подробно повторить, как именно они прошли. Потом долго молчал.

Тогда у Агата впервые мелькнула мысль, что, наверное, Берилл бы хотел сейчас сидеть с Алмазом. С разницей всего в полгода, старшие всегда были близки. Берилл тогда много грустил, и Агат как мог старался его подбодрить.

Именно Агат заставлял его вставать и ходить по комнате, хотя лекари полагали, принц может остаться прикован к постели.

— Ты должен пойти на мой ритуал очищения! — заявил тогда Агат. — Пожалуйста...

Берилл правда пришел и после этого не пропускал ни одного. Даже в последние годы, когда они отдалились друг от друга, а ему стали сниться кошмары.

Что ж, наверное, это правильно. Они выросли. Они уже не те мальчишки, которые жались друг к другу после смерти старшего брата или отвлекались от невнимания отца.

Правда, Агат не ощущал, будто он вырос. Просто теперь он сидел и ждал ритуала совершенно один.

— Ваше высочество.

Деревянная дверь оставалась распахнутой как раз для жрецов. Один из них застыл в проходе и поклонился:

— Пора начинать.

Агат чуть не воскликнул «наконец-то» и всерьез сдерживал себя, чтобы не идти вслед за жрецом вприпрыжку. Когда началось хоть какое-то действие, он понимал, что нужно, и стремился скорее со всем покончить.

Жаль, жрецы как будто никуда не торопились.

Пение становилось громче. Наконец, жрецы вывели Агата в знакомый большой зал. После полутемной комнаты и коридоров местный свет на миг ослепил, и Агат заморгал, остановившись.

Жрецы не скупались на зачарованные светильники, которые парили вдоль стен и освещали темный камень, где развернулись поражающие воображение мозаики. При дневном свете яркие краски переливались, перетекали друг в друга, показывая священные символы и сюжеты пяти добродетелей. Ночью они казались тусклыми, лампы больше освещали не стены, а выложенный известняковой плиткой пол. На светлом фоне разбегались бирюзовые линии и множество священных знаков.

Их же освещали два небольших костра по центру зала. Около каждого сидел служка с запасом ароматных бревен. Вообще-то существовали орихалковые чаши, способные поддерживать огонь, но в обрядах очищения использовали традиционное пламя.

Между ними располагался бассейн, вода в котором отражала отблески огня.

С десятков жрецов стояли вокруг. В белых одеждах с темно-красными накидками, с несколькими молитвенными браслетами на запястьях и жемчужными нитями, окутывающими фигуру. Все жрецы были мужчинами, нижнюю часть их лиц скрывали замысловатые узорчатые маски из меди. Настоящая орихалковая только у Верховного жреца. Он стоял перед бассейном и кострами, а позади него выстроились певцы без масок.

Зрители толкались вдоль стен. Традиционно бывали закрытые церемонии, как те, что проводились в детстве Агата или были приурочены к свадьбам, и общественные, как нынешняя.

Основная часть имперцев, которые хотели очищения, уже прошла. Агат однажды ради любопытства посмотрел, как это происходит: толпу запускали, проводили обряд сразу со всеми, потом следующая партия. Дворяне шли позже и отдельно. Самые важные люди империи в одиночестве.

Агат бы многое отдал, чтобы в этот момент быть не принцем, а каким-нибудь торговцем рыбой и проходить со всей толпой.

Он шел последним, и на обряд принца многие остались поглазеть. Зрители толкались вдоль стен, благо зал был большим, и места хватало. Почти против воли взгляд Агата скользнул по лицам собравшихся. Он надеялся, Берилл придет хотя бы сюда.

Агат стоял в огромном зале, полном отблесков огня, но здесь не было никого знакомого.

Кроме Мельхиора, конечно. Он всегда нравился Агату, хотя лучше бы обрядом руководила Яшма как Первая жрица, но она в женском зале.

Среди зрителей произошло какое-то шевеление, Агат вскинул голову, но увидел, что это

Каэр пробрался от выхода. Видимо, Тишин отправилась на свой ритуал с дворянками, Каэр проводил ее из комнаты и пришел сюда.

Каэр улыбнулся и, кажется, был готов помахать рукой, но вовремя спохватился. Агат легонько кивнул, с трудом сдерживая улыбку — принцу стоит сохранять соответствующее ритуалу выражение лица.

Мельхиор вскинул руки, и группа за его спиной начала обрядовые песнопения. К Агату подошло двое жрецов с керамической чашей воды и кувшином, богато украшенным серебром. Агат протянул руки и обмыл их, после чего повернулся к бассейну.

Другой жрец уже стоял за спиной, помогая снять темно-синюю накидку. Слуги не допускались, только каримы — так назывался орден жрецов, отвечающих за ритуалы. Все, кроме связанных со смертью.

Именно с ними взаимодействовало большинство обычных людей, которые могли и не видеть других жреческих орденов всю жизнь. Агат знал, что каримы многочисленные — и самые изменчивые. Он редко видел одного и того же жреца дважды.

Пение взлетело чуть выше, в костры подбросили поленьев, так что огонь взметнулся. Агат прошел между ними, начиная с очищения огнем. Эту часть он любил, ему нравилось тепло и всегда казалось, что огонь... ну, что-то вроде друга. Будто откликался на то пламя, что иногда бушевало внутри самого Агата.

У бассейна пение, наоборот, взяло более низкие ноты, от которых будто вибрировали кости. Несколько жрецов по сторонам зажгли пучки из пяти священных трав, и едкий аромат едва не заставил Агата поморщиться.

Раньше еще предполагалось пить воду для очищения, но одного императора так отравили, поэтому от этой части отказались давным-давно. Агату оставалось несколько ступенек в бассейне.

Вода лизнула босые ноги, намочила край одежд. На первой ступеньке до щиколотки, на второй почти до колена. Этого достаточно и на общем ритуале очищения не требовалось погружаться полностью, только если очень хотелось.

Агат ограничивался несколькими ступеньками и считал свой дог выполненным. Но сегодня поймал взгляд Мельхиора над маской и понял, что стоит зайти поглубже.

Многие ритуалы правда как-то работали, но в основном всё это требовалось для видимости. Агат прекрасно знал, когда он не проходит ритуалов, дворяне начинают шептаться. Вдруг это кровь проклятых дашнаданцев говорит в принце? Что, если он решит отвернуться от пяти добродетелей и предаться пяти порокам?

Мало кто из аристократов был действительно религиозным, но для многих это могло стать отличным поводом начать кампанию против младшего принца.

Возможно, против всего императорского дома.

Агат никогда не говорил об этом с Бериллом и тот вряд ли даже догадывался. На самом деле, ритуалы очищения нужны не только Агату, но и всей семье. Императора подобные вещи не интересовали, от Берилла тоже не требовали, но если бы никто из семьи не очищался, могли пойти нехорошие слухи.

В прошлом году Агат пропустил церемонию, и Янвен доложил ему, среди дворян пошли разговоры, что императорская семья не слишком набожна и точно ли она благославлена на царствование? От них ядовитые ниточки мыслей поползли к обычным горожанам.

Ритуалом Агат не только напоминал, как сам он чтит традиции и очищается от дашнаданского наследия, но и чтит вся императорская семья.

На третьей ступеньке вода дошла до бедер, и Агат порадовался, что она хотя бы теплая. Пусть из подземных источников, но в стенках бассейна тонкие орихалковые вставки с грезами, которые подогревают.

От воскуриваемых трав кружилась голова и слегка плыло перед глазами — как и всегда. Агат не настолько ненавидел очищение водой как очищение дымом. Почему бы вообще не ограничиться очищением песнями и молитвами?

Верховный жрец едва заметно кивнул, будто подбадривая. Мельхиор знал, что Агат не любит происходящее. Ему рассказывали, что когда в детстве он чуть не утонул, именно Мельхиор пытался остановить ритуал, а потом отправил участвовавших жрецов заниматься общественными туалетами. К сожалению, тогда он еще не был Верховным жрецом и не руководил обрядом.

Возможно, вскоре после этого Агата закончили таскать в храм именно из-за Мельхиора. Он стал Верховным жрецом после смерти старика предыдущего и заявил, что юного принца достаточно очистили.

Аромат благовоний и трав казался настолько густым, что будто прилипал к коже, от него слезились глаза и начинало тошнить. Обычно Агат спокойнее переносил церемониальные травы, но сегодня запах казался слишком тяжелым. Так что погрузиться под воду уже не представлялось плохой идеей.

Простые люди часто окунались с головой, считая, что так станут чище. Аристократы не заходили дальше бедер, чаще ограничиваясь первыми ступеньками — они полагали, что мокрыми будут выглядеть глупо.

Агат расправил плечи, вздернул подбородок, вдохнул и окунулся с головой. Пение тут же стало далеким, толпа отступила, оставшись по ту сторону воды, ароматы растворились.

Кожу слегка покалывало от трав и масел в воде, а может, от особых жреческих грез, которые на самом деле и работали в подобных обрядах. Это было привычно.

Что стало необычным, так это то, что Агата будто встряхнуло. Тело стиснула странная сила, не давая вдохнуть. На миг ему показалось, он снова маленький и начинает тонуть. Только на этот раз его никто не держал — Агат тут же вынырнул, делая глубокий вдох.

Сердцебиение Агата бешено билось где-то в горле, он шагнул назад, но споткнулся и чуть не упал, снова окунувшись. К счастью, в воде этого никто не заметил. Он пытался удержать рвущуюся панику, но начал дрожать. Зал как будто стискивал его, тот жар, который обычно бился внутри, теперь пульсировал вокруг, то сжимая, то снова отпуская.

Зал слишком большой, народу много. Он не может, просто не может здесь быть!

Агат попятился по ступенькам, поймал вопросительный взгляд Мельхиора, но думал только о том, как поскорее убраться. К счастью, на бассейне обряд заканчивался, так что зрители не сочли странным, как Агат выбрался, едва не спотыкаясь.

Намокшие одежды облепляли и тянули вниз. Дрожа, Агат коротко рвано дышал и торопился.

Он почти выбежал из зала, и вместе с ударами сердца его плотным коконом будто облепляла жаркая сила, вырвавшаяся изнутри.

Принцам запрещалось смеяться на публике. Считалось, нужно поддерживать достойный образ. Алмаз и Берилл следовали правилу. Агат на него плевать хотел. В детстве он

постоянно получал нагоняи от наставников, повзрослев, стал более сдержанным, но щедро раздавал улыбки и не стеснялся проявлять эмоции. Берилл этому так и не научился. Наедине с близкими он мог быть другим, но на публике оставался суровым и сдержанным.

После обрядов Агат не улыбался неделями.

Он вряд ли сам это осознавал и замечал, а вот Берилл — очень. Его пугало, когда Агат становился замкнутым, как будто в мире что-то категорически не так. А главное, ему просто хотелось, чтобы Агату было хорошо и спокойно.

Когда Берилл присутствовал на ритуалах, всё проходило гораздо проще. Наверное, Агат чувствовал себя увереннее.

Поэтому Берилл торопился в храм. Но лошадь не могли подать так быстро, на улице сломалась телега и загородила проезд, столпились люди, пришлось объезжать. Да и сам храм стоял на другом конце города.

Берилл знал, что опоздает к ожиданиям перед ритуалом, но не сомневался, что успеет к самому обряду. С каждой задержкой уверенность таяла. Когда принц наконец-то подъехал к храму, он с досадой заметил, что дворяне уже выходят, устремляясь к своим каретам. Это значило, основная часть ритуалов прошла.

Проклятье!

Но принц всегда шел последним, Берилл еще может успеть. Он так на это надеялся! Широким шагом Берилл решительно направился внутрь, Салмар и охрана едва за ним поспевали.

Где зал для ритуалов, Берилл прекрасно знал, но последние надежды рухнули, когда он увидел выходящих людей, зато никаких песнопений. Обряд точно завершился.

Берилл пробормотал ругательства, на что Салмар тихонько заметил:

— Ваше величество, вы сквернословите в храме. Жрецы могут не понять.

Промолчав, Берилл свернул к длинным узким коридорам к комнатам ожиданий. Посторонних не любили пускать туда после завершения ритуала, но Берилл решил, что принцу не посмеют вставать поперек дороги. Служки и попадавшиеся жрецы и вправду торопливо кланялись или не обращали внимания, если не узнавали.

В небольшом зале собралась толпа жрецов в красных накидках, значит, кирамы. С удивлением Берилл заметил тут же Мельхиора и Яшму. Они тоже оставались в церемониальных одеждах. И было немного странно видеть жену императора в красной накидке. Но маски они сняли и казались обеспокоенными.

Заметив Берилла, Яшма тут же направилась к нему, схватив за плечи — Берилл всегда терялся, когда она так делала, в шеленарской императорской семье прикосновения не были привычными.

— Ах, Берилл, как я рада, что ты здесь!

— Что случилось?

Берилл нахмурился, не понимая, Яшма посмотрела на Верховного жреца, будто не знала, как объяснить. А может, хотела, чтобы это сделал он.

— Что-то не так, — сказал Мельхиор.

— Ритуал?

— Всё как обычно, но Агат почти убежал из зала. Он казался... испуганным.

— Где он?

— В том-то и дело. Заперся в комнате, не отвечает и не выходит.

Теперь Берилл понимал их беспокойство, оно передалось и ему. Он только спросил

«которая?», и Мельхиор указал на ту, что в стороне от других. Берилл подергал ручку, но деревянная дверь не поддавалась. Обычно в храмовых комнатах замков не делали, но комната ожидания королевских особ — другое дело.

— Агат? — Берилл постучал в дверь. — Мне жаль, что я не успел на ритуал. Мы можем поговорить?

Тишина. Берилл прислушался, но даже шороха не уловил.

— Агат! Ты меня слышишь?

Снова не дождавшись ответа, Берилл отошел назад и с силой пнул дверь ногой. Она дрогнула, но не поддавалась. Со второго удара хлипкий замок сломался, и дверь распахнулась.

Агат свернулся на кровати, спиной к двери, и даже не обернулся. Бериллу показалось, он заметил, как тот дрожит.

— Никого не впускать, — коротко бросил Берилл Салмару. Тот кивнул и встал на страже.

Прикрыв дверь, Берилл осторожно приблизился к брату. При свете зачарованного фонарика он точно видел, что Агата сотрясала крупная дрожь. Берилл растерялся. Конечно, бывало, что ритуалы плохо влияли, но подобного не случалось никогда.

— Агат?

Берилл присел рядом и осторожно коснулся спины Агата. Одежда была мокрой, так что, возможно, он дрожал от холода.

И вокруг его тела как будто пульсировала сила. Что-то такое, что Берилл уже чувствовал пару раз, когда Агат создавал простенькие грёзы или когда его тело горело.

— Шиан, это я.

Истинные имена членов императорской семьи оберегались, как сокровища. Считалось, что зная имя владыки, можно наслать беды на землю. Жрецы не одобряли, называли суевериями с древних времен, когда в Ша'хараре сходились торговые пути, и его стены и башни поднимались над нагорьями. Тогда в мире правили иные боги и работала другая магия, утраченная столетия спустя. В то время каждый человек имел несколько имен, истинные скрывались.

Сейчас в такое не верили, грёзы цеплялись к орихалку, а не к именам и тем более живым людям. Но обычай остался и свято чтился имперской аристократией. Все члены императорской семьи при рождении получали как истинное имя, так и публичное в честь драгоценного камня или минерала.

Даже братьям не было известно настоящее имя императора Рубина. Но, конечно, они с детства знали имена друг друга. Хотя наставники много раз напоминали, что называть так они могут только наедине, без свидетелей. Если кто-то узнает, это позор.

Даже Яшма спустя несколько лет в семье не знала их настоящих имен.

— Это я, Шиан. Я здесь.

Он вздрогнул от прикосновения, напрягся, но потом расслабился. Неуклюже повернулся. Волосы еще оставались мокрыми, а взгляд был мутным, как будто Агат не сразу узнал брата и понял, где находится.

— Я хочу исчезнуть, — едва слышно сказал Агат.

Берилл невольно вздрогнул от тусклых слов. Он почему-то вспомнил Алмаза — тот тоже исчез. Но Агат, кажется, имел в виду другое:

— Я как будто не принадлежу этому миру. Лишний здесь.

Берилл снова растерялся, не зная, что сказать. Он никогда не видел Агата... таким.

— Нужно уйти из храма, да?

Этот вопрос был конкретнее, и с ним Берилл уже понимал, что делать. Он кивнул:

— Нас никто не выгоняет, и...

Он запнулся, не зная, что еще сказать. Ему хотелось просто обнять брата, но он не был уверен, уместно ли это. Агат всегда проще выражал эмоции, поэтому сам придвинулся, и Берилл крепко обнял его, чувствуя мокрую одежду и дрожащего от холода Агата. Пульсирующая сила вокруг его тела тоже как будто стихала.

Почти как в детстве, когда маленький Агат хмурился после ритуалов, а Берилл или Алмаз успокаивали его. Чаще Берилл, Алмаз тоже не любил храмы и старался бывать в них как можно реже.

— Что случилось? — мягко спросил Берилл.

— Не знаю. Что-то пошло не так. Меня словно потрянуло, а потом я чувствовал мою силу. Она горела не внутри, а снаружи. Такого раньше не случалось. И мне показалось... ну, будто я тону.

Тогда понятно, почему это настолько повлияло. Берилл подозревал, что сила сама по себе скорее удивила бы Агата, нежели вызвала иные эмоции. А вот если ему показалось, что он снова тонет на ритуале, это могло ужаснуть.

— Я ведь не единственный имперец с дашнаданскими корнями, — сказал Агат. — Почему только на меня ритуалы плохо влияют?

Они правда узнавали, и другие никак не реагировали на обряды очищения. Может, не признавались, что их после этого тоже мучает слабость.

— Вдруг... вдруг я правда какой-нибудь проклятый?

— Не говори ерунды. Всё с тобой нормально. Просто ты более чувствителен к магии, так все грезящие говорят. Пусть не можешь ею пользоваться, но слишком хорошо чувствуешь.

— Возможно, в Ша'хараре будет что-то о таких способностях.

— Значит, у нас появился лишний повод отыскать Ша'харар.

— Спасибо, Дар.

Они использовали истинные имена друг друга бережно, будто драгоценность. То, что показывало степень доверия. Шиан'тар и Дар'тар.

— Прости, — глухо сказал Берилл. — Прости, что не пришел раньше. Мне стоило быть на ритуале. И до него. Ты не должен был быть один.

— Да ничего.

В голосе Агата правда не чувствовалось раздражения и обиды, и от этого Берилл ощутил себя еще поганее.

— Я тебя намочил, — проворчал Агат. — Тебе тоже надо переодеться.

— Распоряжусь. Может, хочешь остаться тут? У них есть покои.

— Нет! Вернемся во дворец.

Агат выглядел уставшим, но Берилл понимал, почему он не хочет оставаться. К тому же у Яшмы ведь есть карета? Скорее всего, в ней Агат и уснет. Тем более, у Яшмы наверняка припасено теплое одеяло или даже настоящая шкура нанской козы. Братья в детстве под такими спали.

Берилл распорядился, чтобы принесли новую одежду и пару полотенец. Братья хорошенько растерлись, и Агат даже улыбнулся, хоть и явно утомленно. Переоделись и после этого вышли к Яшме. Она придирчиво оглядела обоих и, не спрашивая, заявила:

— Распоряжусь о напитках погорячее. Идите в карету, туда всё принесут.

Люди у храма почти разошлись. После пения и благовоний ночь казалась очень тихой и свежей. Агат остановился, чтобы вдохнуть полной грудью, а Берилл не мог сдержать улыбку, смотря на брата. Пусть тот вымотался, но выйдя из храма, сразу как будто приосанился и явно чувствовал себя лучше.

Агат первым заметил скользнувших теней. Тут же встал между ними и Бериллом, доставая кинжал, другого оружия при нем не было. Позади послышался крик и отрывистые команды Салмара.

Берилл на несколько мгновений позже понял, что происходит. Он вытащил меч, но слишком поздно: Агат уже воткнул кинжал в одного нападавшему, охрана разбиралась с остальными. Воины были в черном и с платками, скрывавшими нижнюю половину лица.

Кехты! Умелые, а главное, готовые умереть, выполняя задание.

Их что, послали убить принцев?

Момент выбран удачный, но Берилл лично отбирал людей в охрану, и они были отличными воинами. Возможно, даже удастся захватить одного из кехтов... нанимали их часто не напрямую, но вдруг повезет.

Берилл заметил еще одну тень, выжидавшую, но теперь ринувшуюся в атаку. Пока остальными занимались охрана, этот кехт направился точно к принцам. В едином самоубийственном порыве, не заботясь о себе, лишь бы воткнуть нож в жертву.

Агат кинулся наперерез, плавным движением вонзив кинжал в шею кехту. Если бы не был таким уставшим, всё могло пройти идеально, ну, может, руку бы потянул.

С ужасом Берилл заметил, как падающий кехт с влажным хлюпающим звуком вытаскивает нож из тела Агата. Тот охнул, зажимая рану на животе, и качнулся. Берилл подхватил его, слыша, как позади кричат что-то жрецы или служки.

— Кажется, мне нужен лекарь, — пробормотал Агат, оседая.

8. Берилл

Первая добродетель, провозглашенная жрецами — это честность.

Берилл полагал, он не очень хорошо справлялся. Особенно если дело касалось честности с самим собой. Но сейчас мог признать, что произошедшее и правда раздавило его.

Он сидел в храмовых покоях, которые держали специально для императорской семьи. Не такие пышные, как во дворце, состоящие всего из одной комнаты, зато просторные, наполненные шелками и дорогими вещами, которыми сами жрецы не пользовались.

Предполагалось, что здесь останавливаются члены императорской семьи, когда хотят переночевать в храме. Берилл жил тут сутки, пока Алмаз проходил долгую церемонию совершеннолетия. Он сам проводил ночи в комнатах ожидания, а Берилл как зритель и принц ночевал в покоях.

Насколько он помнил, император жил в соседних покоях и присутствовал на всей церемонии. А вот Агата не пустили, вроде как слишком маленький.

Сейчас Агат спал на большой кровати, укрытый многочисленными одеялами. На столике рядом стоял почти пустой кувшин с водой и поднос с зельями, оставленный лекарями. Бериллу казалось, он с другого конца комнаты ощущает едкие травянистые запахи снадобий и мазей.

Хотя бы не крови.

Берилл потер переносицу, отгоняя сонливость. Он отказался от вторых покоев, заявив, что в одной комнате принцев проще охранять. Салмар, кажется, всерьез обрадовался такому повороту: выставил стражу у дверей и окна. Обычно кехты отправляли одну группу, но Салмар заявил, если кто-то хотел убить принцев, он может попытаться снова. У жрецов нет никакой охраны.

Берилл просто согласился. Салмар как глава императорской гвардии лучше всего разбирался в подобных вещах. Берилл приказал принести в эти покои кушетку для него и положился в охране на Салмара.

Ночью даже не пытался уснуть, а вот днем задремал — и все его сны наполняли кошмары. На этот раз никакого странного огня и разлагающегося трупа. Берилл снова и снова видел тени в отблесках храмовых огней, короткую схватку, которая неизменно заканчивалась кровью.

Во сне Берилл осторожно опускался на землю с раненым братом, только чтобы понять, что он не дышит. В других кошмарах лекари не успевали, и Агат истекал кровью на руках Берилла. Тот пытался зажать рану, и пока изо рта Агата сочилась кровь, он шептал:

— Почему ты не пришел раньше?

Хотя в жизни не было связи, во сне это представлялось Бериллу важным. Он забыл о ритуале, его не оказалось рядом, и теперь Агат снова и снова умирал.

Просыпаясь, Берилл смотрел на спящего Агата. Замирал, чтобы уловить размеренное дыхание или увидеть, как спокойно поднимается и опускается грудь. По кругу спрашивал лекарей, всё ли в порядке.

В жизни прошло не так драматично, как в кошмарах. Агат вполголоса ругался и зажимал рану, пока Берилл вел его к храму. Только на ступеньках он чуть не отключился, и Берилл с трудом удержал. Но тогда не испугался, тем более, тут же подскочили жрецы,

замелькали лекари.

Когда они окружили Агата, Берилл сделал шаг назад и поднял руку — она вся была в крови. Вот тогда он начал осознавать, что происходит. И не с первого раза понял, что обращаются к нему:

— Ваше высочество, вы ранены?

— Нет, — наконец, ответил Берилл. — Что с моим братом?

Лекарский орден не был самым многочисленным — большинство обучались в нем, а потом уезжали именно как лекари, не становясь жрецами. Но в храме лекарей было больше, чем где бы то ни было, так что они быстро осмотрели Агата, перевязали и устроили в покоех.

Каждый раз, когда Берилл, просыпаясь от кошмаров, требовал от лекаря ответа, они повторяли одно и то же:

— Рана хорошая, внутренние органы не задеты. Принцу нужно восстановиться и отдохнуть.

Бериллу было бы спокойнее, если Агат пришел в себя, но его напоили какими-то зельями, так что он проспал всю ночь, ненадолго очнулся утром в окружении лекарей, явно не очень понимая, что происходит, и после порции трав снова уснул.

Поднявшись на ноги, Берилл размялся и отошел от стола. Поняв, что спать ему не стоит, он распорядился, чтобы из дворца принесли бумаги, над которыми он мог поработать, и держали в курсе, что там с изысканиями Каэра. Правда, сосредоточиться не получалось, но это лучше, нежели изводить себя.

Подойдя к постели, Берилл удостоверился, что Агат спит. Ну, просто на всякий случай.

Если бы Берилл присутствовал на ритуале, возможно, Агат не был бы таким уставшим. Или его сила оставалась спокойнее. Это бы не отвадило убийц, зато помогло избежать раны.

На запястье Агата поблескивал орихалковый браслет. Неприятная вещь без украшений, полоска металла, похожая на медь. На самом деле, одна из мощнейших зачарованных вещей, такие могли создавать только грезящие первого ранга. Несколько подобных браслетов имелось в больнице при храме, три лежали во дворце и, кажется, у кого-то из аристократов лежали под замком.

Они умирляли боль, помогали ранам заживать. Берилл помнил, как на его собственном запястье был такой, когда его отравили — может, поэтому он не ощущал боли, как Алмаз. Правда, от яда браслеты не помогали.

Вообще-то подобный браслет должен был быстро поставить Агата на ноги, но пока принц не выглядел выздоравливающим и даже не проснулся.

— Его тело плохо отзывается на грёзы, — говорили лекари. — Вы же знаете.

Берилл знал. Агат чувствовал магию, отзывался на нее, но воспринимал слишком плохо. На него грёзы попросту действовали слабо, в том числе и такие мощные лечебные. Жрецы даже мешкали, не зная, стоит ли надевать на него орихалковый браслет, но Берилл рывкнул, чтобы даже не думали.

Наверное, тогда он выглядел грозно.

Лекари говорили, процесс выздоровления идет, всё в порядке, но медленнее, чем можно ожидать. Берилл молчал, но догадывался, что это из-за ритуала. После него Агат всегда ощущал себя некомфортно, обряды что-то делали с его восприятием силы. Как будто какой-то сбой в теле.

Ничего удивительного, что после такого лечение шло медленно.

Краем глаза Берилл заметил, как мимо окна прошел один из воинов. Салар не скупился на охрану. Что ж, прекрасно. Больше никто не тронет его брата. Никто!

В дверь постучали. Берилл еще несколько мгновений смотрел на спящего Агата, потом подошел к дверям и открыл.

Он ожидал кого угодно, только не Тишин Ташар. Она сменила наряд библиотекарей на темно-зеленое платье, а волосы заплела в замысловатые косы, частью оставив струиться по плечам.

Как ни странно, когда Тишин выглядела как дворянка, она больше походила на брата.

— Вы просили Каэра держать вас в курсе, — спокойно сказала Тишин и протянула тубус с бумагами.

Берилл рассеянно кивнул, удивляясь. Тишин что, сама приехала из дворца, чтобы принести какие-то бумаги?

— Госпожа Яшма и Открыватель небесных врат ждут вас на ужин.

У Берилла ушло несколько мгновений, чтобы понять, что она о Верховном жреце. За окном, конечно, уже не так светло, но неужели время ужина?

— Я не голоден.

Берилл хотел закрыть дверь, но Тишин ничуть не смутилась и не отошла.

— Госпожа Яшма очень настаивала. Сказала, сама за вами придет.

Ну, это вряд ли, подумал Берилл. Яшма оставалась в храме всё это время, часто заходила и, кажется, искренне беспокоилась. Она даже заняла другие покои, не пожелав возвращаться во дворец. Но приходить за наследником, чтобы вытащить его на ужин? Это уж слишком.

— Я не буду ужинать, — резко сказал Берилл.

— Будете, — в тон ему ответила Тишин.

Принц даже опешил от такой наглости. Кажется, Тишин тоже спохватилась, что разговаривает с наследным принцем, но отступить или извиняться не стала.

— Когда вы в последний раз ели?

— Ну...

Во дворце. Сутки назад. Даже больше.

— Госпожа Яшма просила напомнить, что скажет на это Агат.

Назовет его придурком, конечно.

— Я останусь здесь, если позволите, — сказала Тишин. — Понимаю, вы не хотите оставлять брата... я бы тоже не стала. Но вам надо поесть. А я проходила лекарскую подготовку.

— Думал, ты библиотекарь.

— Хотела стать лекаркой, но отец решил, это не подходит дворянке, и мы сошлись на дворцовой библиотеке. Мне не хватает практики, но будь такая необходимость, я бы смогла и рану перевязать.

Яшма определенно знала, кого послать. Тишин не была робкой аристократкой, которая смущалась под взглядом королевской особы. К тому же имела лекарскую подготовку, так что никто не счел бы это неподобающим.

На самом деле, это уместно. Лекарки были вне статусов и могли лечить, исходя из своих умений. А вот те, кто ухаживал за больными, всегда должен быть того же статуса. К принцу нельзя приставить простолюдинку.

Главное, Берилл в определенной степени доверял сестре Каэра. И правда не хотел оставлять Агата одного.

Вторая добродетель — сострадание. Возможно, его у Тишин Ташар достаточно.

Отойдя в сторону, Берилл пропустил девушку в комнату.

— Если он проснется, сразу пошли за мной. Не хочу, чтобы он подумал, что меня снова нет.

Тишин явно удивилась, но промолчала, а Берилл запоздало подумал, что не стоило говорить подобное вслух. Похоже, он и правда устал.

— А еще, Тишин... говоришь, разбираешься в лекарстве? Посмотри на снадобья, которые жрецы дают Агату. Я хочу знать, если заметишь что-то странное.

— Вы не доверяете жрецам?

Тишин, кажется, искренне удивилась.

— Я не доверяю никому, — пробормотал Берилл.

Только не после того, как его брата чуть не убили. Поэтому Берилл вполголоса распорядился, чтобы дверь оставили приоткрытой, и охрана периодически ненавязчиво проверяла, что там внутри делает Тишин.

Берилл тяжелым шагом двинулся по храмовым коридорам, думая, что с состраданием он тоже не очень справляется. Потому что когда узнает, кто нанял кехтов, кто стоит за этой атакой... он заставит их заплатить.

Убьет их всех.

Часть храма, где обитал Верховный жрец, находилось чуть в стороне от прочих орденов. То есть совсем рядом с императорскими покоями. Берилл прошел несколько коридоров, и за его спиной бесшумно шагал охранник. Берилл полагал, в храме это излишняя предосторожность, но Салмар был непреклонен.

Берилл же почти хотел, чтобы на него напали. Чтобы он смог собственными руками выместить на ком-то ярость на нападавших. На тех, кто за всем стоял.

К сожалению, единственный оставшийся в живых кехт перерезал себе горло, пока разбирались с раненым принцем. Так что не осталось никого, чтобы допросить. Это злило.

Ужинали в комнате, которая наверняка принадлежала Верховному жрецу. Небогатая, с большими окнами, выходившими на запад, так что заходящее солнце окрашивало всё в приятные золотисто-желтые тона. Стол, уставленный накрытыми крышками блюдами, травяные свечи на резных полках, многочисленные статуэтки. Ковры с длинным ворсом и узорами на полу. Гобеленов тут не было, зато одну стену целиком занимала мозаика, на которой изображался то ли закат, то ли рассвет. В янтарных лучах она казалась особенно впечатляющей.

Мельхиор и Яшма стояли как раз у мозаики и что-то обсуждали, когда вошел Берилл. Верховный жрец улыбнулся ему и склонил голову. Он был в светлых одеждах с жемчужными нитями, не отличишь от обычного храмового жреца. Только молитвенный браслет не один, а несколько и на обоих запястьях. Наверняка с орихалковыми бусинами.

Яшма выглядела безупречно: темное платье с кружевом и сеткой, покрытое золотистыми узорами. Накидка походила на жреческие и не темно-синего императорского цвета, а припыленно красного. Традиционный «женский» цвет, когда обладательница не хотела подчеркивать статус.

Вуали на Яшме не было, наверняка успела снять, а вот перчатки еще оставались. Берилл

ощутил их мягкие прикосновения, когда Яшма подошла и взяла его за руку.

— Рада, что ты пришел, Берилл, — она придирчиво его оглядела. — Хотя переодеться тебе не помешает. Да и ванную принять.

— Я же не во дворце.

— Ты по-прежнему принц. Или думаешь, Агат скажет по-другому? Выгонит тебя из комнаты, потому что ты похож на сына кузнеца.

Берилл хмыкнул.

— Он проснулся? — спросила Яшма, усаживаясь за стол. Дождалась, когда Берилл покачал головой. — Лекари заверяют, всё в порядке.

— Ты говорила с ними?

Мельхиор издал звук, который мог быть смешком:

— Они скоро будут шараться от жены императора! Она постоянно их мучает.

— Всего лишь держу под контролем.

— Они тебя боятся!

— Отлично, значит, испугаются сделать что-то не так.

Берилл хотел сказать, как благодарен Яшме. Он не сомневался, она беспокоилась об Агате, у Яшмы точно не было проблем с первыми из пяти добродетелей: честностью и состраданием.

Сновавшие вокруг служки подняли крышки с блюд, Берилл заметил запеченные овощи, рассыпчатые крупы и даже рагу из тушеного кролика. Жрецы обычно питались скромно, даже Мельхиор, но для гостей явно постарались. Кролика забили! У храма имелись не только собственные сады, но и фермы. Небольшие.

Только увидев скромную по меркам дворца еду, Берилл понял, что и правда очень голоден. Яшма, как всегда, оказалась права.

Третья добродетель — умеренность. Во всем, в том числе в еде. Поэтому жрецы полагали, что потреблять стоит ровно столько, сколько нужно. Бериллу стало почти стыдно, когда он потянулся за второй порцией рагу.

— Не волнуйся, — сказала Яшма. — Для Агата тоже есть.

— Спасибо.

Это Агат умел выражать свои эмоции, Бериллу же казалось, большинство его слов неуместны. Он понимал, это из-за дурацких вбитых мыслей, что наследник должен следить за тем, что говорит.

— Кстати, император прислал записку, — сказала Яшма. — Хочет, чтобы ты вернулся во дворец.

— Это приказ?

— Нет.

— Тогда пусть катится в бездну.

— А если бы был приказ? — поинтересовался Мельхиор.

— Я бы послушался.

Вспыхнувшая в нем ярость, удивила самого Берилла. Он не вспоминал об отце и понимал, что того вряд ли заинтересует ранение Агата. Но требовать от Берилла возвращения во дворец... нет уж!

— Я вернусь тогда же, когда и Агат, — сказал Берилл.

От сдерживаемой ярости слова казались ледяными.

Что ж, с умеренностью у него тоже явные проблемы.

— Я видел охрану, — Мельхиор деликатно перевел тему разговора. — Думаю, ты абсолютно прав. Мне очень жаль, что это произошло почти что на ступеньках храма...

— Наверняка именно потому, что жрецы не воины. И охраны здесь нет.

— Тебе стоит увеличить собственную.

— Думаешь, они хотели убить меня?

Салмар тоже так полагал. Кехты набросились на всю их группу, но Салмар не сомневался, что целью был именно наследник. Мельхиор кивнул, будто тоже в этом не сомневался. Только Яшма задумчиво качнула головой:

— Или вы оба. Все знали, что Агат будет на церемонии очищения. Ты тоже всегда на них присутствовал. Отличный шанс избавиться от двух принцев. До вас добраться проще, чем до императора.

Берилл пожал плечами. Он не был так уверен.

— Не я лежу раненый.

— Думаешь, они хотели убить именно Агата? — Яшма приподняла брови. — Зачем?

— Понятия не имею.

Еще ночью в комнату явился Янвен. Он всегда предпочитал отчитываться лично Агату, и Берилл говорил с ним всего несколько раз в жизни. Янвен спросил только:

— Мне заняться этим, мой принц?

— Да, — кивнул Берилл.

Он не сомневался, если остались следы, Янвен и его шпионы их найдут. Кехты действовали чисто, но если хоть где-то ошиблись, Янвен сможет вывести на тех, кто их нанял.

— Мне показалось, — Берилл запнулся, — показалось, что кехты шли именно к Агату.

— Или ты просто слишком волнуешься за него, — мягко сказала Яшма.

Она не озвучила вслух, но Берилл и так знал. Помнил, как заметивший опасность Агат тут же сам встал между нападавшими и Бериллом. Они могли ранить его только потому что он стоял на пути. Он даже не думал, просто хотел защитить брата и наследника.

— Мне надо было быть быстрее, — пробормотал Берилл. — А я стоял и ничего не делал.

Перчатки Яшма сняла, так что теперь, когда она мягко коснулась ладони Берилла, он ощущал ее теплые пальцы.

— Агат всегда соображал быстрее. Начинать действовать, когда ты только думал об этом. Зато ты можешь просчитать всё на долгий срок, а он от этого устает, ему неинтересно.

Берилл кивнул. Точно никакой умеренности, потому что он продумывал, как отыскать тех, кто за этим стоял, и подвесить их на собственных кишках.

— Я написала Королевскому алхимику, — сказала Яшма.

Берилл стиснул столовые приборы, надеясь не показать своего волнения. Вот кого он хотел бы увидеть! Звяканье бутылочек Ашнары всегда успокаивало, а она сама уж точно не стала просить вернуться во дворец, скорее, осталась рядом. С ней наверняка бы и кошмары не снились.

Сам Берилл не посмел ей написать. Алхимики редки, и пусть они умели лечить, но размениваться их искусством на плевую рану было бы странно. Если могли справиться лекари, никому бы не пришло в голову звать алхимика.

Ашнара не могла просто так приехать в храм.

— Я потребовала от лекарей список снадобий, которые они дают Агату, — продолжила

Яшма. — Послала его Ашнаре. Она посоветовала убрать одно из успокаивающих зелий, но всё остальное одобрила.

— Спасибо, — с чувством выдохнул Берилл.

Яшма достала что-то из кармана и поставила на стол перед принцем.

— Она просила передать это тебе. Зелье для сна. Похоже, Ашнара знает, что может тебе понадобиться.

Берилл смутился и убрал пузырек. Со стороны Ашнары подобное внимание рискованно, то, что она знает его так хорошо. Хотя всегда можно сказать, что он жаловался алхимику на проблемы со сном. Это даже правда.

— Здесь рядом есть большой молельный зал, — сказала Мельхиор. — Даже принцу уместно там появиться.

— Я вернусь к Агату после ужина.

Мельхиор глянул на Яшму, и она снова очень спокойно сказала:

— Берилл, будет лучше, если тебя увидят в молельном зале. Людям стоит знать, что их принц оказывает почтение богам. Воскури благовония о здоровье Агата.

— Даже если я не верю в их силу?

— Не важно, во что ты веришь. Ты наследный принц. Ты должен делать то, во что будут верить другие, что бы ни творилось на душе у тебя самого.

Смирение. Четвертая великая добродетель — смирение.

Его богиню, воплощение, обычно представляли высокой девушкой в бесформенных одеждах и капюшоне. В виде алтарной статуи она часто стояла с распростертыми руками, будто хотела объять весь мир — или обнять каждого молящегося.

Берилл ее статую терпеть не мог. Он понимал, что смирение нужно при неизбежных вещах. Но ему с трудом удавалось признавать, что есть в мире что-то, над чем он не властен.

В молельном зале группка жрецов перед большим алтарем пела какой-то долгий гимн. Красивый, размеренный, он заполнял каменный зал без окон, отражался от мозаик, подсвеченных фонарями с грёзами и свечей. Народу было много, часть из них то и дело украдкой поглядывала на принца.

Берилл расположился в углу, со стражей за спиной. Перед маленьким алтарем он ставил зеленую свечу с молитвой о здоровье. Она горела, распространяя горьковатый травяной аромат.

Он не хотел быть здесь, но понимал, что Яшма права. Люди должны его видеть. Пусть и не стоит им знать, о чем он на самом деле думает.

На алтаре пять добродетелей и пять пороков стояли друг напротив друга. Дорога к смерти и новому возрождению. Пройдя через бездну, снова рождаешься, мудрее, чем раньше. По крайней мере, к этому следует стремиться. Ведь если пороков в жизни было больше, а добродетели не очень выполнялись, бездна отбросит тебя назад, потеряешь часть разума и снова придется восходить выше.

Честность, сострадание, умеренность, смирение... последнее Берилл ненавидел больше всего и с ним не справлялся сильнее всего.

Даже сейчас, поставив свечу и сложив руки, он думал, что точно не просит о смирении.

Считалось, что дело человека — разжечь благовония и вознести молитву, а кто именно

ее услышит, решат добродетели. О том же здоровье иногда умеренность, чтобы оградить тело от дальнейших стараний. Порой смирение, чтобы не противиться неизбежной смерти.

Стоило постоять хоть немного, изображая молитву, и мысли Берилла вернулись к комнате, где спал Агат. И к тому помещению, где он нашел брата, когда добрался до храма.

Берилл редко задумывался о силе Агата. Он не сомневался, что никаких проклятий не существует. Верил, когда грезящие заверяли, что Агат попросту восприимчив к магии. Такое правда случалось. Знал, что самого Агата расстраивает, что он не может полноценно грезить, так, лишь слабая магия пятого уровня, низшего среди грезящих.

Окутанный благовониями и песнями жрецов, Берилл впервые подумал, что никогда толком не спрашивал у Агата, а что он сам об этом думает. Возможно, догадывался, что того куда больше задевает отсутствие способностей к магии, чем он показывал.

Эта восприимчивость плохо повела себя на обряде. Или он здесь ни при чем, и тело Агата среагировало именно так, потому что сам он испугался? Решил, что снова тонет, а рядом никого не было.

Берилл не мог смириться. Он виноват. Хотел защитить брата, но выходит только хуже. Они отделились друг от друга, и Берилл понятия не имел, о чем на самом деле думал Агат. Но слова, как Агат не ощущает себя частью мира, хочет исчезнуть, ужасали Берилла. Возможно, он не понимал и недооценивал. Слишком увлекся собой.

Не так давно Яшма сказала:

— Ты не сближаешься с ним не ради него, а ради самого себя. Ты не хочешь никого терять.

Она старалась не вмешиваться в чужие отношения и тем более братьев, но тогда почему-то не промолчала. Берилл посчитал, она несет чушь. Он ведь просто хотел, чтобы Агат оставался свободным, чтобы никто не подумал, что он важен для наследного принца.

Только наемные убийцы всегда будут нападать на них обоих. Агат тоже принц, чья бы кровь в нем ни текла. И останется таким до конца жизни. Берилл впервые подумал, что мог быть неправ. А вот Яшма всегда была проницательной.

— Рад видеть вашу молитву, ваше высочество.

Берилл открыл глаза и посмотрел на остановившегося рядом жреца. Средних лет, в песочных одеждах и с уродливым шрамом на лице. Он оставался на почтительном расстоянии, но охрана позади Берилла всё равно придвинулась ближе.

Жрец сделал замысловатый жест пальцами в сторону алтаря. Берилл не очень разбирался, но помнил, что это разновидность жреческой молитвы.

— Я предпочитаю дворцовый алтарь, — сказал Берилл.

По крайней мере, там жрецы не следят, кто и сколько молился.

— Понимаю, — кивнул мужчина со шрамом. — Мне жаль вашего брата. Мы молимся о его скорейшем выздоровлении.

— Вы лекарь?

— О нет, подобными талантами не обладаю. Мое имя На'лах, я Первый среди эльхаров.

Орден пророчеств. Берилл почти ничего о них не знал. Он не доверял молитвенному дыму, слишком эфемерному и нечеткому. Уж точно он не полагался на зыбкие пророчества.

Хотя знал, некоторые считают их сродни грезам и снам. Бериллу такая точка зрения не нравилась.

— Вы знаете предания о разрушителе?

Берилл нахмурился. Как принца его хорошо обучили.

— Легенды о человеке, который может разрушать империи?

— Это не совсем легенда. Всё в мире в равновесии, появляются как защитники, которые ведут к процветанию, так и разрушители. Многие верят, что ваш дед был одним из благословленных богами.

Даже Берилл мог в это поверить. Он никогда не видел деда, но знал, что при нем Шеленарская империя расцвела. Превратилась в центр искусства, торговли и просвещения.

— Тогда мой отец кто, разрушитель? — хмыкнул Берилл.

— Ваш отец жесткий император, но у него просто свои методы. Наши границы расширились, пусть он и не поддержал заложенную вашим дедом деятельность.

На'лах наконец опустил руки, показывая этим, что его молитвы завершены. Он повернулся и посмотрел прямо в глаза Бериллу. Немногие так отваживались.

— Раз в несколько поколений может родиться разрушитель. Он принесет огонь и боль, уничтожит до основания всё, что было заложено. Он не узнает до определенного срока о своем предназначении, но рожден именно ради таких целей. Вы же помните Ашнасса Таррона?

— Кровавый император.

Все знали его историю. Он взошел на престол еще молодым, после странной смерти отца, вроде бы от несчастного случая. Амбициозный Ашнасс учредил культ старой магии, как он ее называл, хотя все историки сходятся в мысли, что никакого отношения к древним этот культ не имел. Зато Ашнасс был его главой и преследовал других жрецов.

Он казнил без разбора аристократов, которые пытались ему возражать, уничтожал храмы вместе со жрецами. А когда в прежней столице ему возразили, Ашнасс спалил город дотла.

Говорили, тогда он призвал разрушительную силу самой бездны.

Город полыхал несколько дней, на Ашнасса устраивали покушения, но каждый раз ничего не выходило. Это было мрачное и темное время.

Ашнасса Таррона прозвали Кровавым императором, и его убил собственный брат, Пирит. После чего отрекся от какого бы то ни было отношения к трону, а спустя пару дней утопился.

После короткой смуты и года четырех императоров на троне воцарилась династия Амадисов. Столицу перенесли в Кахар, культ уничтожили, Ашнасса в истории лишили имени камня и называли только истинным, чтобы подчеркнуть, как он отличался от других. Еще несколько поколений оправлялись от того, что устроил Кровавый император.

— Ашнасс Таррон родился Разрушителем, — сказал жрец. — Когда он взошел на престол, эльхары получили Истинное пророчество о его сути. Но что мы могли сделать? Никто не внял предупреждениям. Только принц Пирит в конце жизни изучал пророчества.

— Зачем вы это рассказываете? Я знаю историю.

— Некоторые полагают, десять лет назад снова зазвучали Истинные пророчества о новом разрушителе. Но быстро исчезли.

— Вы предлагаете мне зайти за пророчеством?

— Только если пожелаете, ваше высочество. Мы, жрецы, всегда призваны спасать. В основном, души. Поэтому я просто напоминаю вам о пути добродетелей. Вы следуете им?

Берилл вспомнил о том, как не справляется с большинством из добродетелей.

— Пытаюсь.

— Отличное намеренье. И не забывайте напоминать вашему брату, что ему тоже

следует.

Берилл возвращался в комнату, думая о встрече со жрецом. Он всегда знал, что эльхары — самый необычный из орденов. Но слова этого На'лаха казались странными, и Берилл не мог понять, что он на самом деле хотел сказать. Десять лет назад зазвучали пророчества, но быстро стихли. Десять лет назад погиб Алмаз. Так жрец хочет сказать, он мог стать новым разрушителем? Чушь какая. И зачем Бериллу об этом знать? Неужели жрецы думают, он вдруг увлечется подобными вещами? Хотя, конечно, влиять на наследника престола через мнимые пророчества — достойная цель для амбициозных жрецов.

Берилл не верил ни в пророчества, ни в разрушителей. Если какой-то император оказался деспотом, это еще не значит, что стоит верить всему.

Охрана у дверей отдала честь, и Берилл вошел внутрь. Застыл на пороге, увидев, что постель пуста, Тишлин тоже не видно.

— Привет, братец.

Агат распахнул дверь, ведущую в ванную комнату и устало привалился к дверному косяку. Он казался удивленным:

— Ты что здесь делаешь?

— А где мне еще быть? — опешил Берилл.

— Ну... во дворце.

Услышать оказалось неожиданно больно. Как будто Агат не предполагал, что Берилл останется с ним. Что ж, кажется, если Берилл кого-то и убедил, что он не близок с братом, так это самого Агата.

Тот как будто смутился и заковылял обратно к кровати. Лекари его раздели, торс плотно охватывали бинты, и Берилл уставился на них, как будто их яркое пятно стало лучшим напоминанием о том, что вообще-то в теле Агата побывал клинок кехта.

Берилл боялся потерять еще одного брата. Но, возможно, отстраняясь просто портил жизнь им обоим.

Спохватившись, Берилл помог Агату добраться до кровати:

— Почему ты вообще встал?

— Как тебе сказать... есть такие потребности организма...

— А Тишлин где?

— Послал ее к лекарям.

— Она ушла?

— Ну, я очень настаивал. Кажется, она поняла, что я просто хочу отлить без свидетелей.

— Она должна была присматривать за тобой.

— Мне что, пять лет? — возмутился Агат и улегся обратно в постель.

— Нет, но ты ранен.

— Из кехтов кого-то взяли живым? Они признались, кто нанял?

— Все мертвы.

— Жаль. Хотя ожидаемо.

— Хочешь есть? Мне позвать лекарей?

— Лучше еще посплю.

Берилл заметил, что на столике среди склянок лежит орихалковый браслет. Он мягко

светился, заряженный мощными лечебными грёзами.

— Ты снял его?

— Ага. На меня не действует, только раздражал.

Берилл не настаивал. Вернул браслет на столик и замешкался. Он ощущал себя уставшим, вымотанным, но не был уверен, стоит ему прилечь и тоже поспать, всё-таки позвать лекарей или еще что-то?

Наконец, Берилл подошел к кушетке, снял камзол и достал из кармана пузырек со снотворным от Ашнары. Покрутил его в руках.

— Поспишь со мной?

Голос Агата звучал невнятно, он явно быстро засыпал. Берилл застыл и подумал, что брат всегда всё умел делать проще. Бросив пузырек со снотворным на кушетку, Берилл подошел к Агату.

— Конечно.

Он улегся позади него на большой кровати, накрылся частью одеял и закрыл глаза, уверенный, что сегодня кошмары не приснятся.

Пятой добродетелью считалась любовь. Берилл хотел бы с ней справиться.

9. Каэр

Каэр всегда чувствовал себя неуютно в компании жениха Тишин. Впрочем, он и во дворце до сих пор чувствовал себя странно.

Крыло картографов — это другое дело. Там традиционно располагались ученые, которые могли за всю жизнь особ королевской крови увидеть только на официальных церемониях. Каэр привык там быть. Но теперь он состоял в исследовательской группе по Ша'харару, что предполагало помещение в самом дворце.

Тишин решила провести встречу в светлой оранжерее. Террасу с двух сторон закрывали огромные окна в пол, сквозь которые проникал солнечный свет. На третьей стене прозрачная дверь вела в другие подобные помещения. А последнюю покрывали всевозможные растения, расположенные на разных уровнях. Они же стояли в кадках рядом с витым столиком и креслами.

Каэру нравились галереи террасных оранжерей. Император Сидерит построил их для любимой наложницы, ставшей женой после смерти императрицы. Конечно же, говорили, будто наложница ее и отравила... Каэр даже мог поверить в то, что это правда. Куда важнее, что оранжереи сохранились и до сих пор поддерживались в идеальном порядке многочисленными садовниками.

Каэр впервые попал сюда, когда его как картографа заинтересовали растения других земель — в оранжереях они имелись. Он показал галереи сестре, и угловая терраса стала любимейшим местом Тишин.

Сегодня она предпочла строгое черное платье с прозрачной накидкой, расшитой звездами. Каэр не сомневался, она бы и вуаль накинула на собранные волосы, но этикет позволял обходиться без нее на чаепитии с женихом. Хотя тонкие перчатки она оставила.

Элам Итанис был вторым сыном лорда Итаниса. Его старший брат еще молод, но не женат и предпочитал военную службу. Поговаривали, что он останется холостяком, а это значит, жена Элама Итаниса однажды станет леди Итанис.

Поэтому отец одобрил этот союз. Он редко говорил вслух, но волновался за будущее дочери. Иногда ворчал, что она слишком взбалмошная и ветреная. А их род не настолько известный и богатый, чтобы дочь заметил кто-то значимый.

Мать не была настолько прагматичной, но ей понравился сам Элам. Высокий, красивый, он умел очаровывать и прекрасно знал, как пользоваться этим умением. Он легко улыбался, отчего на его щеке появлялась ямочка. Взгляд его голубых глаз всегда был как будто чуть распахнутым, словно Эланис смотрел на мир и собеседников с неизменным восторгом. Каэру было любопытно, это отточенное умение или природное обаяние?

И, конечно, манеры. Сейчас, сидя с сестрой и ее женихом, Каэр чувствовал себя деревенским чурбаном. Он прекрасно знал, как нужно брать чашку, как ее пригубить, но собственные действия всегда казались неуклюжими. Он знал, как обращаться с углем, картами и книгами, но для чашек с чаем пальцы вечно казались слишком толстыми.

Тишин умела притворяться. Живая, бойкая и непосредственная, она сидела с идеальной осанкой и отпивала чай мелкими глотками, поглядывая на жениха из-под ресниц. Настоящая леди, достойная однажды возглавить дом Итанисов.

Элам был ей под стать. В расшитом серебряными нитями зеленом камзоле, с идеально уложенными волосами и улыбкой. Они с Тишин вели непринужденную светскую беседу, а

Каэр был вынужден присутствовать, ощущая себя вороненком среди голубей.

— Как продвигаются ваши исследования, леди Тишлин? — вежливо спросил Элам.

— Прекрасно, милорд Элам. Хотя не могу сказать, что это мои и уж тем более исследования. Скорее, я помогаю с библиотекой и книгами. Это исследование моего брата. И проект их высочеств.

Вздвигнув, Каэр устался в чашку, надеясь, что Элам не начнет расспрашивать его. Потому что в искусстве светских бесед Каэр не очень преуспел, зато знал, что Элам не интересуется ни историей, ни древними руинами, ни книгами. Ему наскучит слушать. А поддержать разговор об охоте или очередном бале Каэр не смог бы.

К счастью, Элама больше интересовали другие вещи.

— Я слышал, что случилось с принцами, — сказал он. — Очень прискорбно. Они оба провели несколько дней в храме?

— Почти неделю. Пока лекари не позволили вернуться во дворец.

— До меня также дошли слухи, будто вы часто бывали в храме в это время.

— Конечно, — спокойно сказала Тишлин. — Принц Берилл велел продолжать исследования. Я приносила ему отчеты и рассказывала, как продвигаются дела.

— И помогала принцу Агату.

— Конечно, этого не могли сделать местные лекарки. У них недостаточно высокое положение.

— Но ты собираешься замуж.

— Это ничего не меняет. И я ведь еще не замужем.

Каэр не мог не восторгаться твердостью сестры. Это потом, наедине с ним, она закатит глаза и скажет, что было ужасно сложно. Но сейчас она спокойно смотрела на Элама, а вот он едва ли не зубами скрипел от ярости.

На самом деле, в обычае присматривать за больными была только практичность. Но в случае аристократов считалось, что лечить их может кто угодно, а вот присматривать только соответствующего статуса.

Однажды, когда Каэр и Тишлин были маленькими, мать заболела. Отца в тот момент не было в городе, а болезнь протекала плохо и опасно. Лекарка написала леди Санор, старой подруге матери. Та пришла и присматривала за ней во время выздоровления.

Обычно сиделками становились замужние дамы, но не было никаких ограничений по этому поводу. Каэр даже читал в книгах пару историй о том, как мужчины притворялись больными, чтобы их возлюбленные за ними ухаживали, и они могли остаться подольше наедине.

Поэтому Каэр не мог понять, к чему Элам упомянул замужество. После этого у Тишлин было бы даже больше оснований. А потом украдкой посмотрел на Элама и наконец-то осознал.

Каэр не очень умел разговаривать, особенно красиво и правильно. Отец нанимал лучших учителей, повторяя, что наследнику рода пригодится красноречие. От этого Каэр вообще двух слов связать не мог: он явно не был из тех, кого вдохновляло положение. Наоборот, только больше давило, а он... просто не мог. По крайней мере, когда от него требовали именно светских бесед.

Каэру больше нравилось слушать. Наблюдать. Поэтому он считал, что не так уж плохо разбирается в людях. Наконец-то понял, что Элам попросту ревнует.

Тишлин перехватила взгляд Каэра и едва заметно улыбнулась. Она тоже заметила.

— Я бы предпочел, чтобы такое не повторялось, — холодно сказал Элам.

— Да, я тоже надеюсь, что больше нападений на принцев не будет.

Элам явно подразумевал не это, но как настоящий дворянин сделал вид, что полностью согласен с Тиштин — и перевел тему.

— Это вроде были кехты? Подумать только, на пороге храма!

Элам показательно коснулся молитвенного браслета на руке. Вычурного, с разноцветными бусинами, парочка точно орихалковые. Дорогая вещь, которая прямо-таки показывала, какой набожный Элам. Так что Каэр догадывался, что на самом деле он вряд ли соблюдал пять добродетелей.

Тиштин перед обрядом в храме тоже достала свой браслет и надела на руку, с тех пор и не снимала. Каэр тоже носил свой. Он полагал, это никаким образом не может заменить следование добродетелям. А если он их соблюдает, какая разница, есть у него браслет или нет? Но мать настаивала, что наследнику рода не стоит пренебрегать подобными вещами.

— Кехты, — кивнула Тиштин, продолжая разговор. — Они погибли, так что ничего не смогли рассказать.

— Хорошо, их оружие не было смазано ядом. Кехты любят так делать.

— И правда хорошо. Иначе выздоровление шло бы дольше и пришлось до сих пор ездить в храм.

— На самом деле, это миф, — вставил Каэр.

Элам посмотрел на него с таким презрением, будто таракан заговорил. Тут же взял себя в руки и любезно улыбнулся. Но Каэр заметил. Он вообще давно видел, что Элам тот еще высокомерный нахал.

Что ж, когда о тебе вздыхает половина дам, наверное, можно таким быть. Каэр искренне не понимал, что женщины находят в Эламе Итанисе. Возможно, оценивают только внешние данные или, ну, улыбку.

— Кехты не используют яд, — сказал Каэр. — Это миф. Они просто нападают с оружием. Они не боятся умереть. На самом деле, знают, что их миссия закончится смертью. Поэтому они настолько опасны и считаются отличными убийцами.

— Благодарю за информацию, — сказал Элам. Он картинно вздохнул. — Что ж, вынужден откланяться, меня еще ждут неотложные дела во дворце.

Пытался казаться значимее, чем он есть. Его дело могли обернуться тайной встречей с дамой в саду, а вот Каэра и Тиштин действительно еще ждали бумаги. Но Тиштин вежливо кивнула:

— Конечно. Благодарю за уделенное время.

— Для тебя — в любой момент. Ты же моя невеста.

Элам поднялся и поклонился Тиштин очень изящно, Каэру просто кивнул. Тиштин не оборачивалась, чтобы проследить, как он уходит, но выждала достаточно времени, когда за лордом стукнула стеклянная дверь. После этого наконец-то хихикнула:

— Он ревнует, а!

Как оказалось, сегодня Каэр — тот, кто закатывает глаза:

— Ты просто хотела довести, да?

— Нет, но ты видел! Получилось же. Он так ревновал.

— Он же красивее принцев. И ты дала ему обещание.

— Но они принцы. Тем более, принц Берилл весьма сдержан в любовных делах, а вот у принца Агата было достаточно увлечений.

— Зато он никого не обесчестил, как Элам.

Тишлин помрачнела. Всем было понятно, почему отец Элама скорее хотел женить сына: о его похождениях говорили на всех балах, а с последней девушкой вышла совсем некрасивая история. Каэр полагал, что леди Леливарас отнюдь не такая невинная, как хочет всем показать, но когда она начала распространять слухи о том, что Элам Итанис ее обесчестил и бросил, замаять это удалось, только используя все ресурсы семьи Итанис.

Принц Агат и вправду не позволял себе подобного. На балах вокруг него всегда крутились девушки — отчасти из-за его положения, отчасти из-за того, что он-то умел поддерживать светские беседы и улыбаться. Но в отличие от Элама, делал это искренне.

О принце Берилле же ходили только слухи. На официальных мероприятиях он никогда никого не выделял. Как утверждала Тишлин, последний год или около того у него были тайные отношения с королевским алхимиком.

— К тому же, все судят по себе, — заметила Тишлин. — Элам ревнует, потому что наверняка сам бегает по тайным встречам.

— И тебя это... устраивает?

Поджав губы, Тишлин отвернулась к окну, за которым виднелся небольшой сад. Краем глаза Каэр заметил, как несколько садовников торопливо закрывали крупные растения тканью.

— Я старше тебя, Каэр, — негромко сказала Тишлин. — Еще немного, и мне будет не так просто отыскать мужа.

— Ты всё равно можешь не торопиться.

— Могу. Но мы не такой знатный род, а мой характер... ну, мало кому из мужчин нравится. Итанисы — очень знатный род. Если бы Элам не был таким проблемным, они бы на нас и не посмотрели.

— Но тебе же он не нравится!

Тишлин пожала плечами:

— Элам не такой плохой человек. Да, он ревнив и никогда не успокоится. Но если мы поженимся, я стану леди Итанис, и он будет это чтить.

— Бегая к другим.

— Но я останусь его женой. Он не предаст и позволит заниматься тем, что мне нравится.

— Это неправильно, — уверенно заявил Каэр.

Этот разговор уже происходил у них раньше. Родители не заставляли Тишлин выходить замуж, это было ее решением. Она считала, что это придаст ее жизни надежности, но Каэр боялся, что сестра просто свяжет себя с человеком пусть и знатным, но точно не интересным ей.

— Спасибо, что согласился присутствовать на встрече, — сказала Тишлин. — Иначе я бы умерла со скуки! И с тобой Элам всегда уходит быстрее. Я хочу вернуться к работе.

Порыв ветра стукнул в окно, и Каэр наконец-то понял, почему садовники закрывают растения. С Армаранского нагорья шла буря. Ничего серьезного, но довольно неприятно. Горизонт уже заволокло пылью.

— Тебе ведь необязательно было столько времени проводить в храме, — тихо заметил Каэр. — Принц Агат тоже мог обойтись без твоей помощи. Тем более, там всё время оставался принц Берилл.

Тишлин пожала плечами, по-прежнему смотря не на брата, а в окно, что сказала Каэру

больше, чем ее слова.

— Так ревность Элама не настолько беспочвенная?

— Идем уже.

Она оставила недопитый чай и поднялась с места. Каэр вздохнул. Он знал, что не преуспел не только в светских беседах, но даже в обычных. Его взгляд упал на молитвенный браслет на запястье, и он коснулся черных бусин. Он сам такие выбрал, под цвет любимого угля.

На обряде совершеннолетия Каэр захотел услышать пророчество. Они давались не всегда: большинство людей предпочитали не знать, другим не везло, и эльхары попросту ничего не видели.

Его обряд проводил жрец со шрамом, Каэру потом сказали, что он один из тех, чьи пророчества всегда верны. Каэр же просто хотел знать, оправдает ли он надежды отца, найдет ли свое место?

В душной комнате, в дыму пророческих благовоний эльхар увидел будущее Каэра и заявил:

— Ты тот, кто откроет двери.

И всё. Ничего про величие или хотя бы про то, что Каэр справится со своей жизнью. Поэтому Каэр перестал об этом думать. Он не знал, что заключено в этом пророчестве, но делал то, что мог — так всегда говорила мать. Не следует думать о том, что могло или не могло быть. Мы просто делаем то, что можем. Каждый день. И однажды это приводит к мечте.

Сейчас ему дали заниматься тем, что он всегда хотел. Пусть он не может уговорить сестру не делать ошибку, зато может отыскать Ша'харар.

Буря нагрянула, когда Каэр и Тишлин подходили к комнате, которая служили центром их Экспедиции потерянного города.

Они сворачивали из галереи, когда раздалось далекое и протяжное рычание грома, а в окнах совершенно потемнело, и в стекло бросило пыль.

Внутри уже оказался Берилл. Он сидел за заваленным книгами столом в углу комнаты и задумчиво перебирал бумаги. Каэр сказал искать все упоминания наемников Караниса. Если вычислить, где они ночевали три дня спустя после скалы с пятью «пальцами»... что ж, Ша'харар где-то там.

Стекло содрогнулось от очередного порыва ветра, в комнате стало почти темно. Присев в приветствии, Тишлин тут же начала распоряжаться, чтобы принесли орихалковые лампы. Каэр же последовал к разложенным картам.

— Я нашел два упоминания, — сказал Берилл, протягивая книги.

— О, прекрасно!

Каэр оживился, часть его тут же начала думать о карте, испещренной угольными пометками.

Принц Берилл потянулся и размял шею. Похоже, он сидел тут с самого утра, так что Каэру даже стало немного стыдно, что они с Тиш прохлаждались. После возвращения из храма прошло всего несколько дней, но принц Берилл как будто с двойной энергией принялся за исследования. Словно больше, чем раньше, хотел отыскать потерянный город.

Каэру нравились принцы, хотя в присутствии Берилла он немного робел. Говорили, наследник похож на самого императора, но его Каэр видел только пару раз на официальных церемониях и уж тем более не говорил. Внешне действительно очень похожи. Тот же суровый взгляд, скупые движения.

Правда, Берилл не казался... ну, злым. Скорее, будто он всегда начеку, готов к любому подвоху и боится сделать лишний жест. Отчасти Каэр мог это понять. А еще видел, что принц не требует от других того, что не делал сам.

Вообще-то Каэр думал, принцы будут заниматься своими делами, изредка прося отчеты и повесив всё на ученых. Но оба приняли живейшее участие в исследовании.

Усевшись на пол, Каэр начал читать найденные отрывки и сопоставлять с теми, что отыскивали другие библиотекари. От картографов пришел отчет по запрошенной местности, и Каэр начал наносить на карту новые пометки.

Чего-то не хватало. Какой-то детали. Что-то свербило в голове Каэра, и он знал, когда поймет, что именно, то сможет отыскать Ша'харар.

Ударил гром, и наконец-то вместо пыли в окно ударил дождь. Слуги принесли орихалковые лампы и расставили по всей комнате. Берилл переместился на диван с книгами, Тишин уходила за новыми в библиотеку и возвращалась с отчетами от картографов. Она как раз положила новые бумаги рядом с Каэром, когда дверь распахнулась.

Принц Агат всегда врывался с такой же решительностью, как и буря за окном. Как будто его ничто больше не интересует. Он не тратил время на церемонии — да и кого ты можешь приветствовать как принц? Когда выше тебя только император.

Сегодня Агат влетел и тут же начал в нетерпении мерить шагами ковер. Каэр понятия не имел, что говорили лекари, но подозревал, они вряд ли приветствовали такую активность.

— Что случилось? — спокойно спросил Берилл.

— Два трупа! У меня два трупа грезящих!

— Кто-то убил их?

Агат остановился и наконец-то посмотрел на брата, уперев руки в бока:

— А что, если убили, то это важно, а иначе нет?

Тем не менее, вздохнув, он уселся на диван рядом с братом.

— Никто их не убивал. Похоже, они слишком старались, зацепили какие-то сильные грёзы и не справились с ними. Те сейчас не очень-то стабильны.

Каэр мало что смыслил в грезящих. Его никогда не привлекали подобные вещи, слишком неконкретные. Он знал, что в магии есть своя система, но мало ею интересовался.

Агат картинно вздохнул и водрузил ноги на низкий резной столик, может, желая, чтобы Берилл сделал ему замечание, как обычно. Вместо этого Берилл внимательно посмотрел на брата:

— Когда ты сегодня встал, если успел побывать у грезящих до бури?

— Я не ложился.

— Совсем рехнулся? Что в словах лекарей было непонятным? Они велели тебе отдыхать! Это явно очень далеко от понятия «отдых».

Агат что-то проворчал, но ноги со столика убрал.

— Я неделю ничего не делал, — буркнул он.

— Тогда хотя бы спи и помогай нам с книгами, а не мечись, будто сел на иглохвоста.

Каэр невольно хмыкнул. Он боялся, что с принцами будет ужасно работать, но на самом деле, говорить с ними оказалось так же просто, как с Тишин. Берилл еще пытался сначала

быть строгим и официальным, но Агат сразу отбросил подобные вещи. Он вел себя так, будто они с Каэром были друзьями, и невольно Каэр расслаблялся и правда проникался к принцам искренней симпатией.

У него никогда не было настоящих друзей. Только Тишин. Остальные обычно просчитывали, какие выгоды принесет то или иное знакомство. Среди картографов никто вообще не сблизился, а до этого Каэр не так много общался с другими детьми, больше с наставниками.

Он не мог не признать, что быть друзьями с принцами — немного странно. И в то же время ему было так спокойно. За окном бушевала буря, но в их комнатке, озаренной орихалком и грезами, казалось очень уютно.

Агата не особенно увлекали книги, а позже он вообще задремал на диване. Берилл тихонько вышел, о чем-то распорядился, а потом, когда слуги принесли одеяло, осторожно накрыл им спящего Агата.

Это тоже нравилось Каэру. Он слышал много историй о том, как в знатных семьях братья становились соперниками. Но Берилл с Агатом вели себя... да примерно как сам Каэр и Тишин.

Вскоре слуги принесли закуски, и Каэр полностью забыл и о принцах, и о сестре, и даже о бушующей за окном буре. Он жевал сушеные фрукты и читал, водя пальцами по карте.

Пока гром не зарычал так сильно, что Каэр едва не подпрыгнул на месте. А потом опустил глаза на карту и внезапно понял. Все эти разрозненные сведенья, скудная информация о тех наемниках... никто поэтому и не пытался по их ходу вычислить город. Слишком непонятно. Каэр тоже заходил в тупик, ничего не сходилось.

Они забыли о бурях. Не такие частые в это время года, но позже они случались раз в несколько недель. Что если те наемники тоже попали в бурю? Они не шли по прямой, они сбились с пути.

Воодушевленный Каэр разложил новую карту, заново стал рыться во всех заметках, но теперь смотрел на всё по-другому. Он обратил внимание, что Тишин поставила прямо на полу чашку для него, залпом выпил чай и вернулся к бумагам.

Пока наконец-то всё не сошлось. Картинка выстроилась такой четкой и ясной, что оставалось удивляться, как никто другой до этого не додумался.

— Нашел!

Голос прозвучал хрипло, и Каэр закашлялся. Он поднял голову, мельком подумав, сколько же он тут сидел? Перед глазами всё немного расплывалось. Но это было неважно.

— Нашел! Я нашел место, где могут быть руины Ша'харара.

Все ответы уже существуют, нужно только отыскать вопрос.

Агату очень нравилась эта мысль, вбитая наставниками. Больше, чем он бы признал. Он верил в то, что главное — это правильный вопрос, а ответ не заставит себя долго ждать.

Поэтому он с увлечением читал книги, поглощал новые знания, лез в работу грезящих. Агат хорошо осознавал, что ему не хватает усидчивости. Он не мог бы, как Каэр, долго изучать один вопрос. А может, разница в том, что Каэр был настоящим исследователем, Агат же просто любопытным.

Даже Берилл смог часами просматривать книги, чтобы отыскать строчку упоминаний, Агату же быстро становилось скучно, если в этих книгах не было новых знаний.

А может, он просто не выспался. Но ведь хочется столько всего сделать! Правда, после насыщенных дней чуть не разошелся еще не заживший на боку шов, но Агат решил, что знать об этом стоит только лекарю.

Зато на следующее утро принц по полной прочувствовал восторг и воодушевление: у них есть нужная точка! Они знают, куда идти! Скоро они отыщут Ша'харар!

У Агата хватило терпения побриться, а вот в купальне он со всем справился очень быстро, хотя обычно любил окунаться. Он знал, что позже пойдет к грезящим, поэтому предпочел не камзол аристократа, а простой темный мундир — дворян маги всегда недолюбливали, незачем напоминать им об этом. Но сначала Агат хотел поговорить с братом.

Берилл обычно просыпался с рассветом, но сегодня стража у дверей сообщила, что его высочество еще не посылал за слугами. Поумерив свой пыл, Агат вошел в сумрачные покои брата тихонько, хотя не пытался красться. Пугать он точно не собирался.

Плотные шторы оказались занавешаны, но солнце и так не то чтобы ярко светило. Вчерашняя буря стихла, тянуло приятным свежим ароматом, но еще и прохладой, от которой защищали плотные ткани и ковры.

Агат аккуратно раздвинул шторы, впуская сероватый утренний свет. Если Берилла не разбудить сейчас, потом еще ворчать начнет. Он не любил вставать поздно и, возможно, захочет составить компанию к грезящим.

Берилл пошевелился на кровати и сел, потирая кулаком глаза. Агат дружелюбно поинтересовался:

— Проснулся?

— Наверное...

От Берилла звучало слишком зловеще. Как будто он правда не уверен, проснулся ли, наяву всё это или продолжение мутного сна.

Агат решительно направился к дверям покоев и распорядился, чтобы слуги принесли завтрак для них обоих.

Когда вернулся, Берилл еще сидел на кровати, но явно уже осознающий, что он проснулся. Можно было бы перевести всё в шутку, но Агат подумал, что это слишком эгоистично. Это он не хотел знать о снах Берилла. Как будто можно притвориться, что их нет, тогда всё в порядке. Но сейчас ему казалось, что Бериллу хочется обсудить. Не только с Ашнаррой.

Агат осторожно присел на кровать и тихо спросил:

— Что тебе снится?

— Смерть... — Берилл сделал неуверенную паузу, посмотрел на брата и закончил куда тверже. — Твоя смерть.

Агат растерялся. Он знал, что Берилл видит какие-то ужасы, но не думал, что они связаны с ним, с Агатом. Отвернувшись, Берилл в раздражении провел рукой по спутанным после сна волосам.

— Чаще всего огонь, хотя не всегда. Я вижу мертвую Ашнару, но обычно тебя. И я точно знаю, что ты умер из-за меня.

— Ну... это просто кошмар.

— Разве?

Берилл не повернулся. Положив подбородок на колени, он смотрел в сторону и его взгляд казался полным задумчивости. Сейчас он точно не походил на отца — тот не имел привычки вот так размышлять. Или не показывал этого сыновьям.

— Алмаза отравили, — тихо продолжил Берилл. — И я чуть не умер, потому что случайно оказался рядом. Этот яд до сих пор во мне.

— Этот яд и влияет на сны.

— Да пусть так. Но если кто-то захочет убить меня и заденет тебя? Ты страдаешь из-за меня.

— Ну, это вряд ли.

— То есть не у тебя дырка в боку?

— И что с того?

Берилл нахмурился и наконец-то посмотрел на брата. Агат именно этого и хотел, чтобы Берилл скинул последние отголоски сна.

— Я такой же принц, как и ты, Дар'тар. Ну, только не наследник. Мы всегда будем оба в опасности. Кехты напали на нас обоих. Что ты предлагаешь? Вечно бояться? Сидеть взаперти и повсюду посылать шпионов? Так себе жизнь.

Берилл поморщился:

— Когда ты так поворачиваешь...

— Ты знаешь, что я прав.

— Да, — неожиданно вздохнул Берилл. — Просто я боюсь тебя потерять. Поэтому мне было проще отстраняться.

Агат растерялся. Искренность брата действовала обезоруживающе, слишком давно они вот так не говорили по душам. В храме Агату казалось, что Берилл хочет что-то обсудить, но каждый раз то приходили лекари, то жрецы, то Яшма или Тишлин. Берилл как будто не решался. Агат почти перестал об этом задумываться.

Но в мутном свете утра, после очередного кошмара, Берилла словно прорвало. Он как будто больше не мог молчать.

Агат улыбнулся:

— Но я здесь.

Он потянулся и крепко обнял Берилла. Тот как будто замер, потом нерешительно обнял в ответ.

— Каждому отмерен свой срок, Дар. И мне, и тебе. Однажды мы умрем. Но именно это делает жизнь ярче. И пока этого не случится, я буду рядом.

Агат отстранился, Берилл растерянно кивнул, как будто не находил слов. Агат же искренне улыбался. В последние несколько лет он всё чаще чувствовал, как горел, как сила

иссушала, пока он не прогонял жар холодной водой. Но сегодня внутри разливалось иное тепло. То самое, которое он, как боялся, уже потерял безвозвратно.

Он подскочил с кровати, не в силах сидеть на месте, Берилл тоже потянулся, но остановился:

— Ты знаешь о пророчествах про Разрушителя?

Агат замер:

— Как о Кровавом императоре?

— То есть знаешь. Ты слышал, что эльхары будто бы получили Истинное пророчество о новом Разрушителе десять лет назад?

От необходимости отвечать Агата отвлекли вошедшие слуги. Они скользнули, будто тени, но Берилл тут же замолчал, позволяя им принести подносы с едой. Но вот одеваться не пожелал. Нетерпеливым жестом отослал слуг, натянул штаны и в них и в одной простой рубашке уселся за столик.

Это дало Агату время подумать, но мысли разбегались. Внутри еще царило приятное тепло, которое не хотелось терять — но скрывать что-то от Берилла после его откровений казалось по меньшей мере предательством.

— Я слышал о пророчествах, — вздохнул Агат.

Он взял кусочек сыра и сладкий пирожок, но уселся не рядом, а на кровати. Берилл внимательно смотрел на него и молчал, будто ожидая продолжения. Кусок в горло Агату не лез, поэтому он крутил еду в руках:

— Когда ты выздоравливал от яда, у тебя бывало много лекарей. И жрецов. Я был маленьким, но даже тогда мне показалось странным, что среди них столько эльхаров.

— Может, отец хотел пророчеств о том, выживу ли я.

— Тоже так подумал. Но позже... это не давало покоя. Когда появился Янвен и шпионы, первым делом я поручил ему разузнать об эльхарах и том времени. Было проще, чем я думал. Эльхары не настолько закрыты и скрытны, как могло показаться.

— Ты выяснил об Истинных пророчествах.

— Записи о них, конечно, охраняются жрецами. Но они однозначно говорили о новом Разрушителе, который уничтожит империю, когда станет старше. Позже пророчества называли его имя. Думаю... думаю, это жрецы отравили Алмаза. Они не хотели навредить тебе. Но считали, Алмаз станет Разрушителем и проще убить его сейчас.

Берилл сидел, нахмурившийся и с нечитаемым выражением лица. Агат неуверенно поерзал.

— То есть ты знал всё это, — сказал Берилл. — И ничего не сказал мне. Никому не сказал.

— У меня не было доказательств. Даже если бы император заставил предъявить те пророчества... да хоть бы в них призывали убить Алмаза! Это бы ничего не значило. Не доказать, что эльхары причастны к яду.

— Мне ты тоже не сказал.

— Ты боготворил Алмаза. И как раз тогда отдалился от меня. Я не был уверен, что ты мне поверишь... и вообще не перестанешь разговаривать со мной.

Когда Агат говорил об этом вслух, звучало глупо и по-детски. Но пару лет назад он и правда не решился прийти со всеми находками к Бериллу. Слишком живо представил, как тот выгонит его за дверь, заявив, что он наговаривает на Алмаза и пытается выставить в плохом свете.

— Это было, когда ты говорил мне об Алмазе? — спросил Берилл.

Агат опустил голову и кивнул.

— Через месяц или около того. Я решил, ты опять скажешь, что я просто завидую.

Похоже, оба помнили тот разговор. Агата в то время ужасно штормило, он окончательно понял, что грезящим, как мечтал, ему не стать, а Берилл старался проводить с ним поменьше времени. Агат и высказал, что Алмаз вовсе не был таким уж добродетельным созданием, как представлял его Берилл.

— Ты не вдавался в детали, — сказал Берилл. — Я не стал их слушать.

— Да ничего такого особенного. Алмаз не был плохим. И уж точно никаким не разрушителем. Но и не образцом добродетелей. Меня тогда ужасно взбесило, что ты его таковым считаешь. А я... ну, ты всегда предпочитал мертвого брата, а не живого.

На лице Берилла отразилось несколько быстро сменившихся эмоций, но Агат не успел их распознать. Да и не был уверен, что очень уж хочет.

— А ты откуда узнал? — торопливо спросил Агат. — О тех пророчествах.

— Жрец в храме заявил, что они снова зазвучали.

— Что? Так они теперь будут считать разрушителем тебя?

— Или тебя.

— Упоротые фанатики. Я поручу Янвену узнать больше. Что ж, уехать сейчас с экспедицией может быть не такой уж плохой идеей. Я всё подготовил!

— Уже? Каэр вчера определил нужную точку.

— Ну, я знал, что рано или поздно он отыщет. Всё почти готово, через пару дней сможем выйти. Оказаться подальше от города может быть полезно. Пока мои шпионы узнают детали об этих жрецах. Я не дам им снова тебя отравить.

Берилл не ответил. Отвернувшись, он пил чай и задумчиво намазывал мёд на сдобу. Агат тоже хотел промолчать или рассказать какие-нибудь незначительные детали об экспедиции, но слова Берилла вселили тревогу. Агату казалось, что то тепло, которое только-только поселилось внутри, может быть сметено какими-нибудь фанатиками.

— Ты знаешь, что Алмаз умер не сразу?

Берилл вздрогнул и покачал головой.

— Тебе могли не сказать, — продолжал Агат. — Он был жив еще какое-то время. Он кричал... как только может кричать человек в агонии. Я слышал эти крики. Пока он не охрип, пока наконец-то не затих. Ты тоже кричал в ту ночь после яда. Я боялся... боялся, что ты тоже умрешь.

— Извини.

Агат с удивлением глянул на Берилла. Тот так и держал в руках сдобу и ложечку с мёдом, но намазывать не пытался. Он смотрел на Агата, и его взгляд сочился болью.

— Извини, Агат. Я всегда думал, что ты был маленьким и ничего толком не видел. Я не думал, каково было тебе. И потом, когда я долго не поправлялся. Может, так бы и не встал на ноги, если бы тебя не было рядом.

Агат смущенно улыбнулся и пожал плечами:

— Поэтому давай не дадим этим жрецам снова применить яд, хорошо? Или что угодно еще. Янвен поможет вывести их на чистую воду.

— Кончено. Агат... ты пытался рассказать мне об Алмазе. Что-то о нем и об отце. Сейчас я готов это услышать.

Агат не был уверен, что готов об этом говорить, особенно сейчас, но молчать было бы

странно. Ему было неприятно думать и говорить об этом, но он решился:

— Дар, ты ведь никогда не видел, как отец бьет меня.

Берилл вздрогнул. Никогда. Он бы вряд ли смог просто смотреть — отец тоже знал это.

— А вот Алмаз мог. Смотрел каждый раз.

К грезящим принцы отправились вместе.

Официально Обитель грёз считалась частью дворца, но на самом деле, просто располагалась на его территории, никогда не являясь частью дворцовых зданий. Чуть в стороне, дальше от города, за собственным высоким забором и воротами, где стояла вовсе не императорская гвардия.

Воинов у грезящих было мало, но все они подчинялись не монарху и не принцам, а Первому среди грезящих. Делами Обители тоже занимались исключительно сами грезящие. Агат знал, что император считал это неправильным, но лезть в дела магов не решался даже он.

На самом деле, Агат всегда удивлялся, как его приняли грезящие. Его, не просто аристократа, а члена императорской семьи! Как он подозревал, у них попросту не было выбора. Оставлять необученного принца с силой опаснее, чем пускать его в Обитель.

Перед ними без проблем распахнули ворота, хотя попросили ограничиться минимальной охраной, так что принцев сопровождало всего двое воинов, которые чувствовали себя так же неуверенно, как и Берилл.

Агат видел, как брат с опаской оглядывался, пока шагали по двору. Он представлял собой нечто среднее между аккуратными императорскими садами и территорией храма с дорожками, выложенными плиткой. Никаких фонтанов, которые любили императоры, заросли цветов казались неухоженными — на самом деле, за ними вправду мало следили, позволяя расти почти как вздумается. Нужные грезящим растения выращивали чуть дальше, в стеклянной оранжерее.

Обитель грёз казалась небольшой по сравнению с остальным дворцом. Всего два этажа, но сколько их скрывалось под землей, не знал никто.

Именно так строили города древние люди: не возносили их, а зарывали в землю. Поэтому так сложно отыскать Ша'харар — большая его часть где-то под землей. На месте же Кахара у древних не было города, только небольшая станция для исследований, обитель магии. Именно ее и заняли грезящие.

— Мне всегда тут не по себе, — пробормотал Берилл.

— Обрати внимание на здание. Когда мы найдем Ша'харар, его наземная часть будет выглядеть примерно также. Только разрушенная.

Архитектура отличалась неуловимо. Больше плавных линий, как будто бы обтекаемых углов. Цветная мозаика на покатой, очень округлой крыше. Даже окна в камне вырезались овалом в верхней части.

Их уже ждали на пороге Обители. Агат надеялся на Кфара Шемета, своего учителя, с ним всегда проще ладить. Он и вправду стоял в ожидании, но рядом с ним — сам Первый из грезящих, Келнар Данокар. Агат с трудом удержал вздох разочарования: конечно, логично, что обоих принцев да перед их экспедицией встретил главный в Обители. Но это значило, что никуда первого помещения их не пустят.

Это были официальные залы, куда разрешалось заходить пришедшим. Агату дозволялось чуть больше.

Оба грезящих стояли в традиционных синих камзолах, полы которых подвязывались на поясах. Кожаные штаны и рубахи, а вот масок для грёз не видно, капюшоны на голове. Принцев встречали официально.

Кфар был смуглым и тонким, будто высохшим, с испещренной морщинами кожей. Он подал Агату неуловимый знак, особым образом сложив пальцы, который обозначал, чтобы он задавал вопросы. Значит, сегодня можно не изображать смирение, а Келнар Данокар готов отвечать.

Первый среди грезящих поклонился и после официальных приветствий заметил:

— Рад, что оба принцы почтили нас визитом, но не думаю, что мне есть что рассказать вам.

— Мы хотим знать, что выяснили об орихалке, — сказал Берилл. — Перед тем как отыщем Ша'харар. И я слышал, у вас двое мертвецов. Мы хотели бы осмотреть их.

Агат знал, что брат не рассчитывал что-то увидеть у трупов, но хотел проникнуть внутрь. Он не понимал знаков грезящих и не знал, какой сигнал подал Кфар, но действовал также.

Келнар помедлил, но кивнул:

— Наши мертвецы лежат вне ранговых залов. Вы можете их осмотреть.

Он повернулся спиной к принцам, за что любого аристократа могли бы вмиг выпороть, и повел их через полукруглые двери внутрь Обители.

Берилл поравнялся с ним, чтобы выспросить об орихалке, но Агат всё это уже слышал и знал, что ничего нового Келнар не расскажет. Поэтому он чуть подотстал, чтобы идти вровень с Кфаром.

Среди грезящих встречались аристократы, но как в империи они составляли меньшинство, так и здесь. В основном, все грезящие вышли из простых сословий. Кфар, например, родился в семье гончара. Именно так его и заметили: на свои первые кривобокие блюда он невольно накладывал грёзы. Вообще-то ему повезло: если бы его не обнаружили и не обучили, мог бы однажды войти в транс за гончарным кругом и больше не очнуться.

Именно Кфар пришел к Агату в детстве после его первой горячки. И спокойно сказал:

— Идем.

Он привел его в Обитель и с тех пор считался учителем.

— Твой брат сегодня настойчив, — заметил Кфар шепотом.

Его говор звучал очень необычно, он произносил слова с ритмом западных провинций. Вообще-то там имелись свои Обители, но в столичной собирались самые мощные грезящие. Агат не знал, какой ранг у Кфара. Вряд ли высший, но достаточный, чтобы обучать принца со странной силой.

— Мы уезжаем послезавтра, — также тихо ответил Агат. — Надеюсь, что в нашу следующую встречу я буду рассказывать тебе о тайнах Ша'харара и о том, как решить проблему с орихалком.

— Не понадобится. Я пойду с вами.

— Правда? Первый среди грезящих отправит тебя с экспедицией? Я думал... ну, что твой ранг слишком высок для таких вещей.

— Именно поэтому. Он верит, что Ша'харар может преподнести сюрпризы. Вам понадобится опытный грезящий.

— А еще наверняка Первый хочет, чтобы в экспедиции были его люди.

Кфар хмыкнул и не стал отнекиваться:

— Никогда не сомневался, что ты достаточно проницателен... Есть и еще одна причина, почему отправляют меня в составе грезящих.

— Потянуло на приключения после десятков лет сидения в Обители?

— Мы с тобой ладим.

Это имело смысл. Грезящие никогда не отличались общительностью, они держались особняком. Но Кфар знал Агата с детства, принц тоже ему в известной мере доверял.

Они прошли через большой зал, которым обычно и ограничивали посетителей. Простые каменные стены, никаких ковров или мозаик, только колонны притягивали внимание. Узкие внизу, они расширялись кверху, облицованные плиткой с изображением чернильных деревьев, будто светящихся изнутри.

Келнар повел их дальше, через неприметную дверь в углу.

— Я хочу осмотреть твою рану, прежде чем вы уйдете.

Агат глянул на Кфара с удивлением. Тот не был лекарем. Удивительно, что его вообще это волновало.

— Зачем? Всё почти в порядке.

— Мне интересно, почему на тебя так плохо действуют грёзы. В том числе заживляющие.

— Не ты ли убеждал, что это из-за моей крови?

— Конечно. Но мне интересно разобраться в механизмах.

— Видимо, скоро я пойму, что ты пошел с нами в экспедицию, только чтобы проверить свои теории.

— У всех свои изыскания, принц Агат, — хмыкнул Кфар.

По узкой лестнице они спустились под землю, в небольшое круглое помещение со сводчатым потолком, который будто пронизывали слабо светящиеся прожилки. Когда-то Агат мечтал выяснить, как создаются подобные грёзы, но это выходило за рамки его умений. Далеко выходило.

Лампы не требовались, жилы давали много света. В пустом помещении сейчас стоял шкаф и несколько столов с накрытыми простынями телами. Агат подошел ближе, когда Келнар показывал их. В отличие от Берилла, ему не было интересно, он хотел удостовериться, что не знал этих людей.

— Что с ними случилось? — спросил Берилл. — Двое сразу!

— Грёзы бывают разными, ваше высочество, — ответил Келнар. — Это грезящие высокого ранга. Они зачерпнули сильные грёзы, но те вышли из-под контроля.

— Так может, не с орихалком что-то не так, а с грёзами?

— Всё взаимосвязано. Раньше и то и другое было податливым, будто масло. Сейчас же превратилось в камень, которому плевать на наши усилия. Грёзы не даются, орихалк не хочет их держать.

Берилл быстро переглянулся с Агатом. Об этом грезящие не доложили императору. Что ж, принцы тоже не жаждали.

Келнар ненавязчиво указал рукой на выход:

— Снаружи трое грезящих, которые вместе с Кфаром Шеметом отправятся с вами. Несколько орихалковых вещей, которые могут пригодиться в экспедиции. Пойдемте, я покажу.

Кфар неожиданно сказал:

— Я бы хотел, чтобы до ухода принц Агат помог с грёзами.

Келнар нахмурился. Это не было чем-то необычным, но Кфар выбрал странный момент. Агат тоже не понимал. То ли Кфар хотел проверить, как сейчас справится Агат... то ли показать Бериллу, как это происходит. Тот видел, конечно, но крайне редко.

Или просто желал напомнить Агату, что он тоже грезящий. Пусть и немного.

— Сейчас? — нахмурился Берилл. — Вы сами говорите, что грёзы ведут себя нестабильно, и тут же предлагаете принцу попробовать?

— Это грёзы... не того ранга, ваше высочество.

Что в очередной раз напомнило Агату, что он может лишь самую малость.

— Идем, — грубовато сказал он. — Я хочу это сделать.

Келнар как Первый среди грезящих мог бы приказать, но не стал. Он вывел их в большой зал, потом снова спустился под землю, в совсем маленькое помещение, где обычно тренировался Агат. Хотя сам он всегда предпочитал большую площадку за Обителью. Именно там учились остальные грезящие.

Келнар остался стоять в дверях, но не уходил. Берилл замер рядом с ним, скрестив руки на груди. Агат мог поспорить на что угодно, что брату не нравилось происходящее. Агат понимал его, тем более, после их разговора... но отчасти именно из-за этого хотел немного погрезить. Этот процесс всегда успокаивал, приводил мысли в равновесие, а сейчас он чувствовал себя слишком растерянным.

К тому же, вряд ли скоро представится шанс погрезить.

Кфар взял костяную маску со столика, но надевать не стал. Собирался направлять и подстраховать в случае чего, но не грезить. Агат взял собственную маску и надел ее — вырезанная кость плотно прилегала, скрывая нижнюю часть лица. Считалось, что грезящие привлекают смерть, поэтому нужно скрывать лица, чтобы она не узнала. Сами грезящие посмеивались над суеверием, но считали, что маски придают их образам загадочности.

— Что будем делать? — спросил Агат.

На столе лежала целая россыпь бусин, простеньких колец и амулетов. На них обычно тренировались. Были и деревяшки, на которых предполагалось пробовать зачарованный огонь. С этим Агат справлялся отлично и даже сам использовал палочку с орихалковой вставкой, которую загресил: она могла разжигать огонь.

Кфар указал на небольшую пластину металла, вполовину ладони:

— Ша'харар под землей, нам понадобится защита против обвалов.

Агат понял, чего хочет учитель. Пластины орихалка зачаровывались и нашивались на одежду, так что если случался обвал, чары защищали от повреждений. Против тяжелого камня, конечно, ничего не сделают, но против мелких — это лучшее средство.

А еще это чары следующего ранга. Агат с трудом добрался до него, они выходили, но официально еще никто не подтвердил его право.

Так вот оно в чем дело. Перед экспедицией Кфар хотел показать умения Агата. Первый среди грезящих признает новый ранг.

Агат мог отказаться, выбрать другую вещь, но кивнул:

— Конечно.

Усевшись посреди комнаты, он скрестил ноги и положил на них орихалковую пластину. Закрыв глаза и отрешился от окружающего мира. Сосредоточился на дыхании, чтобы считать вдохи и выдохи. Чтобы остальной мир перестал существовать.

Сегодня вышло не так быстро, но Агат и не сомневался, что у него слишком много мыслей. А потом Агат будто соскользнул, начиная ощущать мир магии.

Воздух как будто становился плотнее. Открыв глаза, он видел вокруг нити и разводы фиолетового тумана. Грёзы.

Говорят, раньше, когда существовал Ша'харар, магия была другой. Но ее тайны канули вместе с теми городами — Агат хотел отыскать их, в том числе надеясь найти противоядие для Берилла.

Тогда магию тоже называли грёзами, но управляли ею иначе. Теперь же маг будто замирал между реальным миром и тем, что постоянно окружал и являлся в трансах. Агат поднял руку, подцепил нужные призванные грёзы и приложил их ладонью к пластине — в реальном мире он продолжал сидеть неподвижно, только его кожа слегка мерцала.

Среди грезящих царила четкая иерархия в зависимости от силы. Существовало десять рангов, и Агат вечно топтался именно на десятом, самом низшем. Сегодня он творил грёзы девятого.

Открыв глаза, Агат заметил Берилла, кажется, он подошел ближе. Но предстояла главная магия: привязать грёзы к орихалку.

Пластина мерцала сине-фиолетовым, но Агат знал, стоит убрать руку, грёзы исчезнут. Он поднял вторую руку и начал вычерчивать в воздухе замысловатые движения, переплетать пальцы и складывать их в нужные фигуры.

Большинство грезящих долго учились входить в транс и призывать грёзы. У Агата это выходило будто само собой — вот его сила, чутье магии, проявление дашнаданской крови. Но привязывать грёзы у него выходило плохо и далеко не всегда.

Он чуял магию, но не мог ею управлять. Вечно на десятом ранге, подмастерье по меркам грезящих.

Почти каждый раз в Обители Агат ощущал стыд, здесь он тоже не был своим. Но раз за разом возвращался, потому что ему слишком нравилась магия.

Отец мог бить сколько угодно, пока не трогал руки. Те пальцы, которыми Агат сейчас вычерчивал в воздухе узоры. Он прикусил губу, чувствуя, как по виску катится пот. Грёзы сопротивлялись, дыхание сбивалось, раненый бок начал ныть. Агат не сдавался и продолжал.

Пока не ощутил, что грёзы впитались в орихалковую пластину, стали с ней единым целым.

Выдохнув, Агат наконец-то позволил себе расслабиться, полностью вернуться в реальный мир. Он выпрямился и тут же зашипел от боли. Схватился за бок и ощутил влагу на пальцах. На темном мундире в сумрачной комнате видно не было, но Агат чувствовал, что шов снова разошелся. Его не такая уж серьезная рана никак не хотела заживать.

11. Ашнара

Взяв со столика маленькую деревянную баночку, Ашнара открутила крышку. Тут же ее окутал тонкий смолистый аромат, в котором чудились северные ягоды и нежные розы.

Осторожно взяв на палец ароматной мази, Ашнара нанесла ее на сгибы локтей и за уши.

Она любила благовония. Как и любые другие изысканные вещи. Даже собираясь в экспедицию к Ша'харару, она не забыла положить склянки с ароматной водой и керамические баночки, богато украшенные золотом и резьбой. Хотя большую часть ее вещей, конечно же, составляли алхимические принадлежности.

— Аккуратнее, — бросила Ашнара.

В зеркале она видела, как стражники берут ее мешки и коробки, чтобы отнести во двор к остальным вещам. Воин, небрежно подхвативший расшитый яркими нитями мешок, вздрогнул и понес его очень осторожно. Ашнара усмехнулась: наверняка решил, что там как минимум взрывчатый порошок или тенарийская настойка, которую делали из ядов пяти змей.

Ашнара не стала разубеждать. Пусть эти мужланы боятся, если это заставит их осторожнее обращаться с ее вещами. Хотя на самом деле в мешке лежали корни и порошки для опытов.

Взрывчатое Ашнара хранила в другой коробке. Надежно обитой мягкой тканью и с несколькими уровнями предосторожностей.

Ей уже казалось, что даже оборудование, упакованное с такой же тщательностью, воины разнесут на кусочки. Что за неаккуратные люди! Будет очень печально, если ее колбы пережили путешествие в империю, но разобьются на дворцовой лестнице.

Поднявшись от туалетного столика, Ашнара скрестила руки, сурово смотря на воинов, которые подхватывали оставшиеся вещи. Экспедиция выходила завтра на рассвете, поэтому сегодня все спешно собирали вещи и делали последние приготовления.

Берилла ждать не стоит, он слишком занят со сборами. Впрочем, это и к лучшему, он бы не одобрил последнее дело, которое осталось у Ашнары до отправления.

Она надела традиционные имперские перчатки и накинула шелковый плащ на легкое, струящееся платье черно-синего оттенка. Почти на грани с приличием, синий цвет считался королевским. Но Ашнаре слишком нравилось, что платье выглядит, будто расплавленное ночное небо. Очень... нездешнее. Ашнара не упускала возможности напомнить, что она не местная.

Она алхимик. В стороне от жрецов и грезящих. Служащая — в данный момент — императорской семье Амадисов.

Коридоры сменяли друг друга, пока Ашнара не оказалась во дворе, но с другой стороны от сборов экспедиции. На самом деле, ей было бы любопытно посмотреть, что там происходит, будто бы случайно коснуться Берилла... но стоило поддерживать образ. А значит, она увидит всё только на рассвете, когда с гордым и независимым видом выйдет из дворца.

Королевские гробницы стояли чуть в стороне, рядом с крылом картографов и библиотекарей. Ашнара находила удивительным и волнующим, насколько в империи уважали ученых — они работали не в отдельном здании, а прямо во дворце! Хотя скорее всего дело в обычном и практичном контроле.

Спустившись по пологому холму, Ашнара подошла к роскошной гробнице из камня, сплошь в резьбе и скульптурах, частично покрытых золотом. Около входа примостился дракон, в чьих глазах поблескивали рубины.

Ашнара кивнула стоявшим стражам и едва заметно коснулась дракона, когда проходила — на удачу.

Небольшой коридор спускался под землю и выводил в крипту, где сейчас горело больше факелов, чем обычно. Стражи не было, Агат явно всех выпроводил. Сам он ходил из стороны в сторону, скрестив руки.

— Что ты такой нервный? — усмехнулась Ашнара.

Остановившись, Агат взглянул на нее с раздражением:

— Наконец-то! Давай быстрее покончим с этим. Мне не по себе от того, что ты хочешь сделать.

Усмехнувшись, Ашнара двинулась вдоль стены, ведя пальцами по каменным плитам с выбитыми именами членов императорской семьи.

— Что, неужели никогда не расхищал гробницы?

— Прекрати, — пробормотал Агат.

Он сделал охранный жест малафисов, жрецов, отвечающих за смерть. Принц Агат никогда не был набожным, но на смерть в Шеленарской империи всегда смотрели с почтением и благоговением. Такое отношение воспитывалось с детства. Ашнара находила это забавным, особенно с учетом того, что они верили в перерождение. К чему тогда трястись над трупами.

Тем не менее, она уважала чужие культуры и мировоззрения. Поэтому Ашнара замолчала и больше не пыталась поддеть Агата. В конце концов, он хотя бы согласился ей помочь. Берилл бы никогда на такое не пошел. Да и стражу Агат не просто так оставил у дверей — никто не должен знать, чем они тут занимаются.

Крипта полностью принадлежала роду Амадисов. Пока занятых ниш было не так уж много, по историческим меркам довольно молодая фамилия. Но именно поэтому даже дальним родственникам и умершим в младенчестве пока отдавались отдельные альковы.

Ашнара остановилась перед нужным. Провела кончиками пальцев по имени и повернулась к Агату:

— Давай. Чем быстрее закончим, тем быстрее вернешься к своим делам.

Она прекрасно знала, что принц организует экспедицию едва ли не больше Берилла. Тем более ценила, что он согласился отвлечься и помочь ей.

Сняв перчатки, Агат засунул их за пояс и достал из кармана небольшое устройство: костяной нож, сплавленный с орихалком. Дорогая и редкая штука, которую грезящие дали экспедиции, потому что в руинах Ша'харара могло понадобиться то, что режет камень.

Агат что-то прошептал, то ли молитву, то ли ругательство. Ашнара не разобрала. Правой рукой принц воткнул нож в камень, левой придерживая плиту посередине. Орихалк засветился, и Ашнара почувствовала легкое покалывание, какое всегда ощущалось при работе сильных грёз.

Нож вошел в камень и осторожно двинулся по периметру плиты, пока она не дрогнула. Агат едва успел подхватить ее и, охнув, опустить на пол. Он шагнул назад, не очень-то желая заглядывать в нишу и тем более доставать то, что там находилось.

Это дело Ашнары, ее трупы ничуть не смущали, тем более кости. Она взяла один из факелов и заглянула внутрь, где на богатой — и порядком истлевшей — ткани лежал

миниатюрный скелет.

Принц Лазурит, старший брат Берилла и Агата. Сейчас он мог быть наследником престола — если бы прожил дольше, чем пару недель. Достаточно для того, чтобы получить императорское имя, но недостаточно для того, чтобы сейчас о нем хоть кто-то вспоминал.

Народ Ашнары придерживался иных верований. Кости — это всего лишь останки, и они должны служить людям. Это не бремя, это честь и долг. Поэтому из костей родственников делали украшения, их нашивали на одежду и прикрепляли над порогом. Ашнара выросла под перестук костей.

Она провела пальцем по миниатюрному черепку, мысленно вознося короткую молитву на родном языке. А она-то думала, что давно всё позабыла. Но видимо, это уже в ее собственных костях.

Достав из сумки на поясе стеклянную банку, Ашнара положила туда несколько фаланг и плотно закрыла ее, снова спрятав.

— Закрывай.

Агат стоял в стороне, отвернувшись. Тут же подхватил плиту, с усилием поднял и водрузил на место.

Орихалковые грёзы не могли снова сцепить камень, но для этого у Ашнары имелось собственное средство. Достав еще одну баночку, алхимик сняла перчатку и нанесла мазь вдоль всего разреза. Потребовалось несколько минут, чтобы раствор схватился и потемнел. Никто и не разглядит, что гробницу вскрывали.

Правда, если что, второй раз Ашнара сможет проделать такое и одна, у нее есть средство, растворяющее мазь. На случай если сразу с костями ничего не выйдет, она не собиралась еще раз кого-то просить.

Утерев пот со лба, Агат вздохнул, но явно почувствовал себя спокойнее, когда они закончили. Похоже, сами по себе кости мертвого брата в сумке Ашнары его не очень смущали.

— Лучше б еще раз с моей кровью попробовала.

— Ничего же не вышло, — пожалала плечами Ашнара.

— Думаешь... это из-за дашнаданской части?

— Нет. Алхимии плевать, кто твоя мать, пока у вас с Бериллом общий отец. Была какая-то другая причина. Я обязательно до нее докопаюсь, но сначала хочу найти противоядие для Берилла.

— Кости помогут?

— Если с кровью брата зелье не вышло, возможно, сработает с костями брата.

Главное, не рассказывать Бериллу, что он будет пить. В этом плане он еще щепетильнее Агата. Он бы и на вскрытие гробницы никогда не согласился, пусть даже это могло спасти его жизнь.

Кивнув Ашнаре, Агат направился к выходу, но Ашнара его остановила:

— Подожди, я хочу осмотреть твой шов.

Принц глянул с удивлением, и Ашнара вздохнула:

— Я не доверяю вашим лекарям. Тем более, тебе сейчас пришлось опять таскать камень.

Он пожал плечами и вернулся, усевшись прямо на постамент, куда после смерти и до погребения клали тело. Похоже, к этому Агат никакого благоговения не испытывал.

— Я не хотел, чтобы стража знала, чем мы тут занимаемся, — сказал Агат.

— Справедливо. Спасибо, что помог.

— Я хочу, чтобы ты отыскала противоядие.

— Как ты веришь в мое искусство.

— Больше, чем в молитвы жрецов или кудахтанье лекарей.

— Но с последним стоит мириться. Иначе бы завтра ехал верхом.

Агат помрачнел:

— Уже слышала, да?

Вообще-то ей рассказал Берилл. И о том, как после грёз снова разошлась рана Агата, и как заявил, что верхом брат в экспедицию не поедет. По правде говоря, Берилл был готов настаивать, чтобы Агат остался во дворце, но приказать мог только император, а он не стал бы. К тому же Берилл опасался новых покушений. Он не рассказал Ашнаре всего, и она не винила, но поняла, что он считает, за этим стоят жрецы.

Агат задрал рубашку, Ашнара взяла факел и придирчиво осмотрела шов.

— Ваши лекари знают свое дело, но в пути я сама займусь твоей раной. У меня есть отличная мазь.

— Если она не из костей младенца, то всё в порядке.

— Из слизняков.

Агат издал какой-то сдавленный звук, и Ашнара рассмеялась:

— На самом деле, всего лишь травы и немного минералов. Но я хочу, чтобы на время пути ты снял весь орихалк и не грезил.

— Что?

— Ты всегда не очень-то поддавался воздействию грёз, но у меня есть подозрения, что сейчас они могут в любом виде плохо на тебя влиять.

Сжав губы, Агат кивнул, но заметно помрачнел. Избавиться от всего орихалка для имперца было странно, а уж запрет грезить для Агата совсем тосклив. Он слишком любил это дело.

Берилл заставил его ехать в одной из повозок, а не верхом. Теперь Ашнара хотела лишить его грёз. Хотя Агат научился маскировать эмоции, Ашнара слишком хорошо его знала, поэтому догадывалась, что он чувствует.

Она выпрямилась, отводя факел и вздохнула:

— Немного грезить точно сможешь. Просто не безконтрольно. И дай хотя бы ране зажить до конца.

Собрав принесенные факелы, Агат двинулся к выходу, и Ашнара следовала за ним. Она помнила Агата маленьким мальчиком, который один из немногих не боялся алхимика и с упоением лез в ее дела. Он родился и вырос здесь, несмотря на кровь матери, он был имперцем, плоть от плоти этой земли, пропитанный ее верой и ее историями. И в то же время для остальных он оставался таким же нездешним, как сама Ашнара. Только она заворачивалась в инаковость, будто в изысканный плащ, Агат же не понимал, что с этим делать.

— Зато сможешь помочь с зельем, — сказала Ашнара, пока они шагали по коридору. — Раз уж тоже будешь в повозке.

— А можно?

Он вырос, но всё равно звучал порой как тот робкий мальчишка, который с широко распахнутыми глазами тянулся к булькающим колбам.

Ашнара не сомневалась, если бы Агат не чуял магию, не стал учиться у грезящих, из

него мог бы выйти отличный алхимик.

— Если ничего не разольешь.

Письмо из Круга алхимиков ожидало Ашнару, когда она вернулась в свои покои. Ворон сидел на подоконнике, не желая проникать внутрь, но и не улетающая прочь. Ашнара нахмурилась: об экспедиции она написала сразу, но надеялась, раз принцы так спешат, она уйдет до того, как доберется ответ из Круга.

Что ж, игнорировать их всё равно не выйдет. Хуже, если бы ворон отыскал ее в пути. Вроде птицы на это не способны, но Ашнара не удивилась бы.

Она сняла с птицы небольшой футляр и достала тонкую бумагу, плотно исписанную символами. Каркнув, ворон тут же взмахнул крыльями и сорвался с окна. Ответа явно не подразумевалось.

Кинув письмо на стол, Ашнара позволила себе некоторое время его игнорировать. Сняла перчатки и плащ, приказала слугам принести легкую закуску и чай, который в империи пили постоянно. Ароматный и некрепкий, совсем не то же самое, что в родном краю Ашнары, где заваривали сильные травы, смешивали с молоком и зачастую туда же добавляли крупу.

В последнее время Ашнара чаще, чем раньше, вспоминала прошлое. Ей это не нравилось. Хотя в глубине души она знала, в чем причина — в Берилле. Он заставил ее не просто скользить в течении времени, выполняя свою работу. Он напомнил, что она тоже живой человек — в каком-то смысле.

Круг алхимиков утверждал, что от человеческого она отказалась очень давно.

Усевшись за рабочий стол, Ашнара достала ключ к шифру и начала методично разбирать послание. Птицы не могли переносить тяжелые футляры, так что приходилось экономить место сложной шифровкой. Даже имея ключ, нужно обладать определенными знаниями.

Круг алхимиков не хотел, чтобы их тайны узнал кто-то посторонний.

Грезящие существовали во многих странах, и везде маги подчинялись королям — хотя бы формально. Со жречеством Ашнара сталкивалась разным, например, в Эллемире правил король-жрец и прежде всего он был именно религиозным лидером. А в мелких княжествах севера существовали грезящие, но жрецов почти не было, жители сами справляли обряды и пользовались услугами шаманов.

Хотя те же имперцы верили, что везде речь идет об одних и тех же богах. Кроме Дашнадана, конечно же, который они почему-то считали забытым богами. Ашнара полагала, это любопытно и как раз хотела отправиться в Дашнадан, закрытую страну, но по преданиям, именно ее основали потомки исчезнувшей цивилизации, туда унесли свои знания. По идее, Дашнадан должен быть живой страной, представляющей собой такое же хранилище знаний, как мертвый Ша'харар.

В Круг алхимиков поступила просьба от императора Шеленара. Он хотел нанять опытного алхимика — тогда Ашнаре пришлось отложить мечты об изучении Дашнадана. Слишком давно Круг хотел отправить своего человека в империю, но Амадисы всегда отказывали.

Ашнара даже уточнила, не алхимики ли причастны к смерти принца Алмаза — с

Внутреннего круга стало бы организовать смерть от яда, чтобы император вызвал алхимика. Но они не признали причастность. Даже наоборот, просили по мере возможности разобраться в этом деле.

Закончив с расшифровкой, Ашнара откинулась на стуле. Взяла листок бумаги и прочитала полный текст письма.

Ничего нового ей не сообщалось. Круг жаждал получить знания Ша'харара и советовал следить за безопасностью принцев. Что ж, Ашнара не сомневалась, что здесь исключительно практичные соображения: если еще одного наследника убьют, император может и отказаться от услуг алхимиков. К тому же, это пошатнет общую политическую ситуацию.

Ашнара вздохнула и поднялась. Подошла к окну, чтобы полюбоваться закатом.

Когда-то, когда она была юной и воодушевленной, во время такого же заката она добралась до Башни алхимиков. У нее оказались определенные таланты и ей честно сказали об условиях. Люди считали алхимиков загадочными существами и были не так уж далеки от правды.

Ашнара помнила, как стояла на коленях перед членами Внутреннего круга. Как с жаром клялась искать новые знания, познавать суть вещей и выходить за грани привычного мира. Как пообещала отдать за долгую жизнь человеческие стремления. Потом ей подали золотой кубок с отваром, который изменил ее тело.

Она получила доступ к знаниям. Она жила долго, чтобы успеть изучить и познать. Она стала одной из лучших. Она десятилетиями проводила исследования. Пока маги грезили, надеясь на духовные силы, пока жрецы молились о богах и добродетелях, алхимики изучали науку. Свойства вещей и реакции, яды и лекарства.

По сравнению с библиотекой Круга алхимиков, книги императорского дворца и все его библиотекари — дети, играющие с песчинками.

Всего дважды в жизни Ашнара жалела о выбранном пути.

Впервые — когда поняла, что Круг алхимиков занимается не только наукой, но и политикой. Они стояли в стороне от королевств и в то же время влезали в дела каждой из стран. Именно поэтому так жаждали вернуться в Шеленар — здесь было слишком мало их шпионов и осведомителей. И никого близко к власти.

Что ж, от Ашнары всего лишь требовали докладывать, что происходит в империи, но ничего не приказывали. Круг предпочитал наблюдать и хранить знания, но не управлять. По крайней мере, пока не считал ситуацию достаточно значимой.

Второй раз Ашнара пожалела о выборе пути именно в империи. Когда Берилл перестал изредка мелькать во дворце, а появился у нее на пороге. Юный, сильный и заставивший Ашнару вспомнить, что в Башню она пришла слишком молодой, не успевшей узнать обычной жизни. Той самой, что запрещена для алхимиков.

Вступая в Круг, ты служишь знаниям, а не себе. Ты забываешь о собственных желаниях. Они запрещены. Ты — воплощенное стремление к знаниям, двигатель науки. Больше не человек.

Ашнара долго им не была. И до сих пор не могла бы сказать, что в юном принце такого, что заставило ее забыть о принесенных Кругу обетах. Но сейчас она бы точно предпочла не держать в руках расшифрованное письмо, а обсуждать в объятиях Берилла экспедицию.

Только последние строки письма заставили Ашнару нахмуриться. Она не могла понять, к чему они, и что значат. До этого Круг много раз писал о Берилле — конечно, он же наследник престола. Но никогда не упоминал о младшем принце. Теперь же настойчиво

просил следить за Агатом.

Что алхимики знали такого, что неизвестно самой Ашнаре?

12. Берилл

Экспедиция вышла на рассвете.

Это казалось Бериллу настоящим чудом. После всех сборов, после того как буквально каждая деталь пошла наперекосяк, они всё-таки вышли в срок. Хотя Берилл незлобно костерил Агата, который захотел «вот прямо сейчас», а не затягивать подготовку, Берилл не мог не признать, что это правильное решение.

Указанная Каэром точка находилась всего лишь в нескольких днях пути — ну, может, неделя, учитывая неторопливость и неуверенность, где именно искать. Не так долго, чтобы затягивать. Тем более, пока погода позволяла.

К тому же, когда Берилл смотрел на экспедиционный караван, неторопливо потянувшийся из дворцовых ворот, он не мог избавиться от ощущения, что всё правильно. Как и должно быть.

Они взяли приземистых коренастых лошадок, которые ничуть не походили на племенных жеребцов, зато славились выносливостью и могли легко преодолеть дни дороги по пустошам. На одной такой сидел Берилл, наблюдая за крытыми повозками, которые тянулись через ворота. В большинстве везли необходимые вещи и припасы, в других ехали непривычные к верховой езде лекари, несколько ученых, включая Тишин. У Ашнары имелась собственная повозка.

Вдоль каравана и впереди выстроились воины. Среди них виднелся и Каэр, явно воодушевленный и на удивление уверенно державшийся в седле. Берилл сам себя отругал: да с чего бы Каэру плохо ездить верхом? Берилл привык воспринимать его как картографа, ученого, но он аристократ и наследник рода Гашаров. Он и на балах танцевать умеет.

Грезящие ехали в собственной повозке, там же хранились многие орихалковые устройства и зачарованные вещи. К удивлению Берилла, только один грезящий остался верхом: Кфар Шемет, наставник Агата очень высокого ранга. Берилл не удивился бы, если узнал, что третьего или даже второго.

Расстраивало, что пришлось взять жрецов. Ни Берилл, ни Агат не хотели этого, но император настоял. Берилл хорошо понимал причину: наверняка Мельхиор не желал, чтобы открытие Ша'харара произошло без его людей. Императору же приходилось идти на уступки, чтобы не потерять поддержку жрецов.

Император хотел поговорить с обоими сыновьями, но Берилл ловко избежал встречи. Он и правда был очень занят, а отец не настолько настаивал. Вряд ли он хотел сказать что-то по делу, скорее, очередные бессмысленные наставления.

Бериллу только утром доложили, что принц Агат встречался вечером с императором — то ли не смог избежать, то ли решил принять огонь на себя. Может, поэтому на встрече с Бериллом отец так не настаивал.

Но сегодня Агат был мрачнее тучи, перекинулся с Бериллом всего парой слов и без лишних вопросов залез в фургон Ашнары — она уже во всеуслышанье заявила, что принц будет помогать ей с зельями. Почему-то все восприняли это как само собой разумеющееся.

Берилл нахмурился. Что там успел наговорить отец Агату? Или... неужели повоспитывал напоследок?

Караван замыкали слуги и воины, конь под Бериллом терпеливо ждал команды седока. Принц обернулся на замок, почти ожидая увидеть сурового отца, который смотрит за их

отходом. Но его не было. Зато на балконе стояла Яшма. За вуалью невозможно было разглядеть ее выражение лица, но Берилл мог поспорить, что она улыбается. Он поднял руку в прощании, и она кивнула ему.

Напутствие Яшмы заметно улучшило настроение Берилла, и он ткнул коня пятками.

Только к полудню караван экспедиции прошел через городские предместья, пересек реку и добрался до пустошей Армаранского нагорья. Если раньше Бериллу казалось, что именно дальше будет сложная часть, то теперь он полагал, что тут проще. Хотя бы никаких горожан.

Дорог, правда, тоже не было, и Каэр постоянно сверялся с каким-то прибором и направлял идущих впереди. Хотя караван принадлежал принцам, именно Каэра назначили настоящим руководителем.

Берилл поравнялся с ним, но Каэр, кажется, даже не заметил. Он смотрел на стрелку компаса, опустив орихалковое приспособление, и хмурился.

— Что-то не так? — спросил Берилл.

Каэр тряхнул головой и улыбнулся:

— Нет, мы идем правильно. Но очень медленно.

— Если загоним лошадей, ничего хорошего не выйдет.

— Нет-нет, я и не предлагаю! Просто хочется скорее дойти до места.

— А там что?

— Начнется настоящая работа. Если бы вход в останки Ша'харара сопровождала приветственная табличка, его бы уже нашли.

Берилл предоставил знающим людям вести их в нужном направлении. Сам же он наслаждался простором. Местность тут была холмистой, но хорошо просматриваемой. Каменистую землю покрывали пучки трав и метелки многолетников. Берилл знал, что именно они пойдут на корм лошадям.

Агат тоже вылез из повозки и взобрался на коня. Он ужасно разозлился на Берилла, который не хотел позволять ему скакать верхом, но лекари поддержали, и Агат сдался. Но сидеть всё время в повозке он, конечно же, не мог. Поэтому тут же пришпорил коня и ускакал вперед, а пыль из-под копыт окутала повозки.

Южнее пустоши переходили в плодородные земли, которые засеивали зерном, но дальше на востоке лежали песчаные пустыни. Точка Каэра находилась близко к ним, но, к счастью, еще в степных пустошах.

После обеда солнце окончательно перестало показываться из-за облаков, Берилл опасливо посмотрел на небо и заметил высоко кружившегося ястреба.

— Дождя не будет, — сказал Каэр. — Бури обычно приходят с севера. Считается, что с нагорья, но на самом деле, это не совсем так.

— То есть их бояться не стоит?

— Ближе к пустыне можем попасть наоборот в суховей, но я могу ошибаться. Я не погодник.

Такие ученые у них тоже были. Берилл справедливо рассудил, что для первой экспедиции они пригодятся больше, чем многочисленные историки.

— Своеобразное место для города, — усмехнулся Берилл. — Ша'харар строили в

пустошах.

Каэр пожал плечами:

— Кахар стоит не так далеко от него. А это столица империи.

— Да, и постоянно страдает то от бурь, то от засухи. Но река дает ключ к торговле, зерно с юга, другие государства на севере. У Ша'харара таких преимуществ нет.

— Он не был столицей. Скорее, большой библиотекой, центром мудрости древних. Всё хранилось под землей, поэтому не боялись погоды. Может... может, там даже есть что-то, что позволит узнать тайну исчезновения древних.

Берилл улыбнулся:

— Когда Агат был маленьким, он очень хотел выяснить. Потом вырос и узнал, что над тайной бились ученые, но никому она не далась.

Каэр пожал плечами:

— Ша'харар до нас тоже никто не находил.

Берилл задумался. Он никогда не жаждал биться над загадками. Конечно, его тоже интересовало, почему исчез могущественный народ. Но он знал, что империи возникают и разрушаются, это естественный ход вещей. Вызывало любопытство, почему столько древних городов оказались брошены, исчезли ритуалы и целая культура, даже магия стала другой.

Но Берилл не знал ответов на эти вопросы и не думал, что станет счастливее, если отыщет их. Куда больше его интересовала нынешняя проблема с орихалком. Или жрецы, которые ради веры в свое пророчество готовы убить принца. Конкретные вещи и проблемы, которые Берилл хотел решить.

Та цивилизация называлась Гленнохарской империей и считалось, что ее остатки ушли на восток, где то ли основали Дашнадан, то ли слились с местными дашнаданцами. А здесь всё развалилось на мелкие королевства, которые долго грызлись между собой, прежде чем шеленарские владыки не смогли объединить большую часть в новую империю.

Каэр снова достал орихалковое устройство и что-то в нем подкрутил. Берилл знал, что оно как-то связано со звездным небом и отражает созвездия даже при солнечном свете.

— Мы можем остановиться? — Каэр обернулся к Бериллу. — Или я просто догоню. Мне нужно свериться с картами.

— Устроим привал. И лошадям, и людям надо отдохнуть.

Берилл отдал команду, и она по цепочке передалась вперед по каравану. Тут же лошади остановились, повозки поставили полукругом, слуги начали разводить костры, и Берилл подумал, что и сам ужасно голоден и не отказался бы от горячей еды.

Ашнара сидела на ступеньках своей повозки, такая же красивая, как и всегда. Для поездки она сменила вычурные платья на традиционное имперское, темное и глухое, никаких воздушных тканей или узоров. Правда, имперские женщины носили не так много украшений, а на груди Ашнары покоилось несколько кулонов из необработанных камней. Светлые волосы она собрала в небрежный хвост, перевязанный лентой.

Прищурившись, Ашнара посмотрела на Берилла:

— Мне нужна медуница.

— Это что-то живое?

Ашнара фыркнула:

— Не надо казаться глупее, чем ты есть. Тебе не идет.

— Я всё равно понятия не имею, как выглядят эти цветы. Зачем тебе?

— Для вкуса. Зелье, над которым я работаю, получится мерзким.

— Так оно для меня?

— Конечно. Ты же не думал, что я прекращу попытки?

— Оно же не на крови Агата?

— О нет. Твой брат просто мне помогает. Я бы не доверила кому-то другому.

— Где он?

— Ушел.

Ашнара махнула рукой, и Берилл наконец-то спешился. Он хотел провести больше времени с Ашнаррой, но сначала нужно отыскать Агата. Что наговорил ему отец, тяготило Берилла, он предпочитал выяснить.

Отдав коня слугам, Берилл скользнул между составленными повозками, но не сразу заметил Агата. Или, точнее, не понял, что тот делает. А когда осознал, Берилл остановился, не желая подходить ближе и тревожить.

Агат сидел спиной, но так, что Берилл видел перед ним медную чашу, в которой ровно горел огонь. Приложив левую руку к груди, правой Агат брал с блюда кусочки ароматного дерева и кидал их в пламя. Густой дымок поднимался вверх.

Берилл узнал щепки — латмаран, дерево памяти. С ним совершались вот такие короткие огненные жертвоприношения, когда не было возможности или желания ставить свечи на алтаре в храме.

Агат проводил ритуал памяти. Обычно они совершались после смерти родственников, чтобы дать им дополнительную энергию для перерождения. Иногда могли и сильно позже, как знак того, что об умершем до сих пор помнят.

Пока кто-то сжигает ароматное дерево, а его дым устремляется к небесам, в памяти хотя бы одного живого сохраняется мертвец. И это дает ему силы следовать путем пяти добродетелей в новом рождении.

Берилл осторожно шагнул назад, тихонько, не желая мешать брату. Ни он, ни Агат не были религиозны, но это не значит, что они ни во что не верили. Развернувшись, Берилл зашагал между повозками, думая о том, кому Агат мог посвятить ритуал. Недавно никаких смертей не происходило.

Обычно огненное жертвоприношение совершали по родственникам. После гибели Алмаза, когда Берилл наконец-то встал на ноги, он ставил свечи в храме и сам тоже провел несколько уединенных ритуалов. Неужели Агат вдруг решил вспомнить Алмаза?

Берилл много думал о том, что сказал Агат. Как Алмаз смотрел за его наказаниями. Берилл предположил, что отец мог его заставлять, считать, что так воспитывает наследника, и это не значило, что Алмазу нравилось.

Агат пожал плечами. Не возражал.

— Я был маленьким, — сказал он. — Не помню деталей. Даже боли особо не помню. Только обиду, я не понимал этих наказаний. И того, почему мой старший брат так спокоен.

Берилл подозревал, Алмаз вряд ли мог что-то сделать. Но думать об этом всё равно неприятно. Берилл мог понять обиду Алмаза.

Впервые сам Берилл задумался, что его старший брат не был таким идеальным, каким стал казаться после смерти. Безусловно, благородный наследник империи, верный и добрый. Но в то же время именно Алмаз часто отмахивался от Агата, заявляя, что тот еще слишком маленький для «взрослых дел». Берилл этого не понимал, ему было интересно с Агатом. Но на самом деле, это благодаря Бериллу они дружили втроем.

А еще Алмаз был самым религиозным из них. Агат вообще не ходил в храм без

необходимости. Бериллу тоже не нравился удушливый аромат благовоний — и он видел, как жрецы мучили Агата, поэтому не доверял им. Но Алмаз часто бывал в храме, постоянно цитировал Заветы добродетелей, и молитвы удавались ему лучше уроков фехтования.

Как-то раз Алмаз с тоской сказал, что если бы его жизнь не была predetermined с того момента, как он родился первенцем императора, он бы наверняка занялся наукой или ушел жрецом в храм.

Когда он заявил об этом отцу, тот взбесился. Алмаза он и пальцем не тронул, но нашел слова, которые смогли его обидеть. Это Берилл и Агат потом успокаивали брата и все трое уснули в его покоях на большой кровати.

Алмазу тогда начали сниться странные сны. Он утверждал, что в них видит будущее — и его это страшно пугало. У Берилла не очень получалось успокаивать, он не находил слов, а вот Агату всегда удавалось.

Это началось незадолго до смерти Алмаза, так что Берилл почти позабыл.

— Могла бы предупредить, — проворчал Берилл, вернувшись к Ашнаре.

Он не сомневался, у кого Агат взял кусочки латмарана, а значит, Ашнара прекрасно знала, чем он там занимается.

Она изящно выгнула бровь:

— Зачем? Ты сам увидел и сократил время на разговоры.

— Но потратил его на ходьбу.

— Ладно, извини, мне стоило сказать. Но я не настолько хорошо соображаю в начале путешествия.

— Тебе удобно? — Берилл заколебался. — Я думал, алхимики привычны к дороге.

— Да, но с возрастом любые перемены воспринимаются всё сложнее.

Берилл молча смотрел, как слуги в стороне проворно подвешивали над разгоревшимся огнем котелки.

— Ты никогда не говорила, сколько тебе лет.

— Больше, чем тебе.

Они не поднимали этот вопрос. Всё, что связано с алхимией и природой Ашнары, она обсуждать не хотела и сразу четко это обозначила. Только сказала, что по правилам Круга их отношения запрещены и стоит держать их в тайне.

Ашнара любила рассказывать о том, что знала. Еще больше любила слушать Берилла. Причем, казалось, ее интересовало всё: не только как он управляет дворцовой гвардией или решает городские проблемы, но и что думает по тому или иному философскому вопросу, как оценивает исторические события. Берилл всегда радовался, что образованию принцев уделяли большое значение, а наставники заставляли думать и анализировать.

Сейчас Берилл перешел черту, но не мог сдержаться. Он хотел знать об Ашнаре больше. Знать всё.

Она поднялась со ступенек повозки и легко тронула его за локоть:

— Люди привыкли считать жизнь прожитыми годами. На самом деле, они не так важны.

— А что важно?

— Опыт. Знания. Я прекрасный алхимик и мне известны те области науки, о которых ты не имеешь представления. Мне приходилось распутывать клубки интриг при королевских дворах. И в то же время я ничего не смыслю в обычных человеческих отношениях, в этом у меня опыта меньше, чем у тебя. Так разве тут важно число прожитых лет?

Голос Ашнары звучал спокойно, но в то же время удивительно печально. Она взяла Берилла под руку, а он тихонько накрыл ее ладонь своею.

— Мы не можем уединиться, мой принц... но можем вместе пообедать. Расскажи мне о Ша'хараре.

— Ты знаешь больше меня.

— Из архивов алхимиков. Но расскажи легенды империи.

Ашнаре нравились истории. Она утверждала, что ей еще и нравится, как их рассказывает Берилл. Она прижалась чуть теснее, чем позволяли приличия.

— Расскажи, что вы думаете о бурях. Или о песках. О птицах в небе и ветре. Почему на некоторых лошадях вне повозок колокольчики? Они отпугивают местных духов?

Берилл улыбнулся:

— Мы не верим в духов. Колокольчик привязан к тонкой веревке меж лошадей, что идут с поклажей. Если с одной что-то случится, веревка легко рвется, колокольчик перестает звенеть.

— Ты уже ходил с караванами?

— Немного. И участвовал в стычках на границе. Я не провел всю жизнь во дворце.

Берилл отвел Ашнару к другому костру, который служил не для приготовления еды. Там собрались в основном воины, мелькнул и грезящий Кфар Шемет, а вот лекари и жрецы предпочли держаться от них подальше.

Тишшин заваривала в котелке травы для чая, и от него уже пахло чем-то приятным. Каэр суетился вокруг, одновременно пытаюсь и помочь сестре, и что-то посмотреть на приборе. Пока Тишшин на него не шикнула, тогда Каэр отошел в сторону и начал расстилать карты и сверяться. Позже Тишшин сама принесла ему миску с похлебкой.

Слуги как раз подали еду Бериллу с Ашнарой, когда пришел Агат. От него пахло горьковатым дымом, но выглядел он весьма довольным. Вытянул ноги и тоже слушал, как Берилл рассказывал Ашнаре легенды о Ша'хараре и пустошах.

Ветерок ласково трепал волосы Берилла, костер потрескивал, а воины смеялись, что-то обсуждая. Позади всхрапывали лошади, а впереди, где не стояли повозки, виднелись холмистые пустоши до самого горизонта. Рядом сидели Агат с Ашнарой, и Берилл чувствовал запах травы, а похлебка казалась такой вкусной, какой не бывала и более изысканная еда во дворце.

— Может, ну его всё? — усмехнулся Агат. — В бездну потерянные города, останемся жить тут. Простор, природа...

— Вот сам и говори Каэру, что искать Ша'харар не будем.

Агат покосился на Каэра, которые сидел прямо на земле, между карт, и не отрывал от них взгляд, даже пока ел.

— Нет, я не рискну вставать у него на пути. Значит, придется найти этот город! А идея ведь ничего была...

Берилл помолчал, но всё-таки решился спросить, что его мучило:

— Что сказал отец? Он говорил с тобой.

— Да, — Агат помрачнел. — Конечно, был в очередной раз недоволен. Он узнал, что я перешел на следующий ранг грезящих, снова высказал, что принцу не пристало подобным заниматься. Но его сейчас больше экспедиция волновала. Заявил, как найдем город, чтобы я лично к нему с отчетом вернулся. Представляешь? Вы будете изучать древние тайны, а мне надо ему доложить!

— Ты говоришь, он был недоволен. Он...

Агат подскочил на месте, чуть не пролив остатки похлебки в миске:

— Пойду-ка посмотрю, как у Каэра дела. Ему иногда нужно напоминать, что всё можно сделать проще.

Агат не хотел говорить, и Берилл понимал почему. Даже если отец его не трогал, он придумал наказание похуже. Агату придется либо послушаться приказа императора, либо вместо великолепных открытий возвращаться во дворец.

— Ша'харар дождется его, — негромко сказала Ашнара. — Вряд ли мы сразу найдем что-то этакое.

Берилл пожал плечами. Он понимал, что дело не в самих открытиях. И про себя решил, что поедет вместе с Агатом. Они оба доложат императору, что нашли.

Если найдут.

Словно вторя подпортившемуся настроению Берилла, с неба начал накрапывать дождик. Экспедиционный караван собрался и снова вытянулся, неторопливо двигаясь в указанном Каэром направлении. Ашнара ушла к себе, Агат последовал за ней.

— И почему он с тобой в одной повозке нормально, а я — сразу поползут слухи? — проворчал Берилл.

Ашнара рассмеялась и похлопала его по руке:

— Потому что Агат грезящий и может мне помочь. А ты одну колбу от другой не отличишь.

Бериллу пришлось натянуть капюшон и уныло плестись верхом рядом с повозками. Предложение тоже забраться в одну из них, он отклонил. Правда, еще и голова начала болеть. Пульсирующая боль нарастала, и Берилл размышлял, не попросить ли зелье у Ашнары. Вместо этого он велел лекарям проверить рану Агата. Вернулись они очень быстро.

— Леди алхимик меня выгнала, — сообщил лекарь. — Заявила, что сама следит за раной. Кажется, ей очень не понравилось вмешательство, они с принцем как раз что-то настаивали в колбах.

Берилл вздохнул и молча кивнул. Помассировал виски, но легче от этого не стало. Он стиснул зубы и упрямо продолжал движение, хотя казалось, что от каждого шага коня в голову вонзали штыри.

Когда от боли начало подташнивать, Берилл наконец-то сдался. Он передал поводья слугам, а сам забрался в повозку Ашнары. Как принц, он не должен был стучать — хотя покой алхимика нарушать не хотелось.

Она устроила себе стол, занявший всю дальнюю часть повозки. Сейчас там были разложены книги, какие-то колбы. Агат сидел на полу, прислонившись спиной к стенке и устроив себе гнездо из одеял и подушек. Он читал книгу, знаки в которой выглядели точно как в алхимической.

— Фу, какой ты мокрый! — Агат поднял голову. — Хочешь, чтобы я тоже прогулялся?

Берилл не сразу понял, о чем говорил брат. Потом до него дошло, что он ненавязчиво предлагал оставить их с Ашнарой наедине.

— Нет. Голова разболелась.

Он стянул мокрый плащ и уселся рядом с Агатом, бесцеремонно забирая у него часть подушек. Ашнара подала ему какое-то зелье:

— Поможет от боли.

После горькой настойки и вправду стало легче, а размеренный ход повозки убаюкивал.

Берилл быстро уснул, хотя тут его не ждал покой.

Он снова видел огонь и не мог проснуться. Стоял в круге, а вокруг творилось настоящее безумие, и Бериллу казалось, оно проникает внутрь него самого, просачивается сквозь поры кожи, оседает в легких с дымом, которого он не мог ощутить.

На этот раз Берилл стоял в одиночестве. Никаких разваливающихся трупов, никого, кто представлялся знакомым и обвинял его в своей смерти.

Никого, кто бы еще умер.

Берилл сел на землю и закрыл глаза, про себя повторяя одну и ту же фразу:

— Я хочу проснуться. Я хочу проснуться. Проснуться.

Он вздрогнул, открывая глаза. Пахло горькими травами, мягкое тканое одеяло касалось рук и шеи, повозка равномерно покачивалась, вздрагивая на ухабах. Одно из задних колес поскрипывало.

Берилл понял, что лежал в повозке Ашнары, и его голова покоилась на коленях Агата. Пошевельвшись, он ощутил, как брат мягко гладит его по волосам:

— Ш-ш-ш. Всё хорошо.

Берилл расслабился. Краем глаза он видел Ашнару, сидевшую за столом, откуда потянуло кисловатым запахом зелий.

— Всё в порядке, — сказал Агат. — Это был кошмар. Всего лишь кошмар.

Они стали повторяться слишком часто. По словам Ашнары, яд оставался в теле Берилла, застрял в костях и тканях. Он не был уверен, как это работает, но знал, что в последнее время стало сильно хуже. Словно яд всего лишь отложил на десять лет свое действие, но теперь пришла пора платить по счетам.

— Просто кошмар, — пальцы Агата снова проšliсь по волосам Берилла, но внезапно зарылись и крепко, болезненно ухватили. — Или настоящая жизнь тоже может быть кошмаром?

Холодея, Берилл вырвался и вскочил, только чтобы уставиться на мертвеца с гниющей плотью. Его зубы скалились в улыбке, котоую можно было легко увидеть через разваливающуюся челюсть.

Берилл завопил и шарахнулся назад, больно ударившись спиной о стенку повозки, так что в глазах на миг потемнело.

Он вздрогнул, открывая глаза. Пахло горькими травами, мягкое тканое одеяло касалось рук и шеи, повозка равномерно покачивалась, вздрагивая на ухабах. Ни одно из колес не поскрипывало.

— Берилл? Что такое, опять кошмар?

Обеспокоенный Агат сидел перед ним, Ашнара тоже оставила свои зелья и повернулась.

— Да, — выдохнул Берилл. — Кошмар. Я же проснулся, правда?

Он заметил мелькнувший на лице Агата ужас, но тот сразу взял себя в руки и мягко сказал, коснувшись его плеча:

— Конечно. Мы здесь.

Проблема в том, что и во сне всё казалось таким реальным! Берилл вздохнул, осознавая, что сейчас правда проснулся. Но не решаясь закрыть глаза, вдруг этот мир тоже рассыпется, исчезнет.

Именно этого боялся Берилл больше всего. Он мог пережить и головные боли, и даже кошмары. Но все они лишь следствие, лишь проявления яда.

Который сводил его с ума.

13. Агат

Мир состоит из историй.

Агат всегда так думал, но не мог сформулировать, пока не появилась Яшма. В ее родной стране любили собираться и рассказывать истории, причем не только детям. В Шеленарской империи Яшма так и не смогла показать прелесть этого обычая, аристократы поджимали губы и вежливо отказывались. По правде говоря, Агат тоже с трудом мог бы представить дворян в застегнутых до горла строгих мундирах, которые начали рассказывать сказки.

В школе Яшмы в храме у детей не было предубеждений. Они обожали дни, когда жена императора приезжала, чтобы собрать их в круг и рассказывать истории родной земли.

Агат любил ездить с ней. Садиться прямо на пол и слушать.

Для него мир тоже состоял из историй. У каждого есть своя личная, другие связаны с окружающими и разделяются. Но бывают и такие, сюжеты которых важны слишком для многих.

Поиски Ша'харара были такой историей.

Агат не любил и не понимал скучные ученые книги, но дышал историями, которые разворачивались в жизни. Поэтому каждый новый день экспедиции Агат воспринимал как настоящее чудо. История, в которой он тоже участвует.

Постоянно скакать верхом лекари не позволяли, как подозревал Агат, в основном из-за страха перед Бериллом. После мазей Ашнары рану нещадно жгло, зато она быстро зарубцевалась.

Агат мог настоять на езде верхом, но не хотел волновать Берилла. Тот много хмурился, и его кошмары становились тяжелее. Хорошо хоть, не снились каждую ночь.

Так Агат себя и успокаивал. Думать о том, что Берилл может совершенно в этом потеряться, не хотелось.

Он вздохнул, сейчас сидя верхом на приземистой лошадке. Скользнул взглядом по каравану и остановился на повозке Ашнары. Она совершала какие-то сложные действия с зельем, которые не позволялось видеть посторонним. «Высшая алхимия», сказала она.

Они с Бериллом оставались наедине в этом путешествии, да и внутри самой повозки Агат мог наконец-то воочию увидеть, какие взгляды они друг на друга бросали. Когда он снова помогал Ашнаре, держа колбы с ингредиентами, названий которых даже не знал, Агат тихо спросил:

— Алхимикам запрещены отношения?

Он видел, как Ашнара замерла, потом продолжила вливать рубиновую жидкость в сиреневую и сказала как будто совершенно спокойно:

— Запрещены. Считается, они отвлекают от нашей главной задачи. От знаний.

— Зачем знания, если вас лишают эмоций?

— Никто не заставляет. Это выбор, на который мы пошли сами.

— А если ты нарушишь правила?

На губах Ашнары мелькнула тень улыбки:

— Уже нарушаю.

— Я имею в виду, если твои алхимики узнают?

— Меня выгонят из Круга.

— И что это будет значить?

— Никакого доступа к знаниям алхимиков. Меня лишат всего, что составляет мою сущность.

— Но... может... ну, иногда же есть вещи, которые стоят того. Неужели никто из алхимиков не уходил?

— Уходили, конечно. За это не убивают. Я сама знала алхимика, которая влюбилась и добровольно покинула Круг.

Что-то в тоне Ашнары дало понять Агату, что ничем хорошим эта история не закончилась. Но если никакого физического наказания не следует, что такого могло произойти? Агат не отличался терпением:

— Что случилось?

— Сначала всё шло неплохо. А потом она возненавидела мужа. Потому что из-за него ее жизнь стала бессмысленной. Она не могла заниматься своим любимым делом.

— Есть же и другие...

— Конечно. Но если ты алхимик сотни лет, а потом это отбирают? Это как если бы ты посвятил всю жизнь грёзам, а после их забрали. Это как отобрать часть тебя. Значительную.

Агат мог это понять, но больше его зацепили другие слова. Он даже дрогнул и плотнее перехватил колбу. Не хватало еще разлить. Прочистив горло, спросил:

— Сотни лет?

— А ты считаешь, сколько мне?

— Не думаю, что хочу знать, — пробормотал Агат.

— В этом состоит другая проблема. При посвящении в алхимики мы не только приносим обеты. Мы принимаем зелье, которое позволяет не стареть и жить долго, чтобы накапливать знания. Меня легко убить, как обычного человека. Но вообще-то я могу жить бесконечно долго. А Берилл будет стареть.

— Ничего себе зелье...

— Соединение алхимии и магии. Осколок древних знаний Гленнохарской империи.

Если они могли творить подобные вещи, что же может скрываться в их библиотеке, в Ша'хараре? Но больше Агата заботило другое:

— Но можно ведь создать свое противоядие?

— Некоторые пытались. Его не существует. Действие зелья необратимо.

Ашнара взяла из рук Агата колбу и стала осторожно вливать ее содержимое в маленький котелок. Агат догадывался, что ответ ему не понравится, но всё равно спросил:

— Что случилось с той твоей знакомой?

— Она возненавидела мужа, но одновременно с этим по-прежнему его любила. А потом он начал стареть, и это оказалось последней каплей. В тот день, когда он умер, она убила себя.

История девушки закончилась трагично. Но Агат верил, что у Ашнары будет иначе. Пока не представлял, как именно, но надеялся, она не разобьет сердце Бериллу.

Пустоши вокруг расстилались, покуда хватало глаз. В первый день они приводили Агата в восторг, но к пятому приелись. Они обладали собственной суровой красотой, но когда пейзаж казался неизменным, Агат не мог отделаться от ощущения, что их караван тоже попал в какой-то бесконечный сон, где дни идут по кругу, и так и будут идти вечно, потому

что люди тоже приняли какое-то странное зелье.

Тряхнув головой, Агат подумал, что стоит меньше слушать сказок о магии и проклятиях. Тем более, когда тут рядом вполне реальные истории.

Агат нашел взглядом Берилла, тот скакал впереди вместе с Каэром. Последний выглядел усталым, но неизменно воодушевленным. Тишин день назад приходила к Ашнаре, чтобы попросить зелье для сна, как раз для брата.

— Он настолько взбудоражен, что с трудом засыпает.

Сейчас он что-то рассказывал Бериллу, тот слушал спокойно. Скорее всего, слишком погруженный в свои мысли, а Каэр всё равно говорил об одном и том же по кругу.

Агат хотел бы помочь брату. Провести рукой и смахнуть яд с его костей, чтобы он не путался в реальности, спал и не мучился головными болями. Но сделать это не в его силах. Возможно, когда настоится зелье Ашнары.

В собственной истории Агат вообще оказался на удивление бесполезным. Он не мог помочь брату, только стискивал кулаки, когда наказывал отец, а его собственные таланты состояли исключительно в том, чтобы мешать творить грёзы. Даже в делах он оставался всего лишь вторым принцем. Здорово, конечно, восстановить шпионов, но на так-то он всегда на подхвате. В тени просто потому, что ему нечего делать на солнце.

Возможно, когда Берилл избавится от яда и сам засияет в полную мощь, Агат окажется недостаточно хорош для него. Со своей проклятой кровью и горячкой вместо нормальной магии.

— Я знаю это выражение лица. Принц Агат погрузился в раздумия, которые точно не несут ничего хорошего.

Кфар Шемет поравнялся с Агатом и смотрел на него с усмешкой. Агат фыркнул:

— Размышляю о будущем. Мы почти пришли и Ша'харар должен быть близко.

— Если найдем его.

— Не веришь в наше предприятие?

Кфар пожал плечами. Прищурившись, он смотрел вперед, крепко ухватив поводья. В седле он держался не так хорошо, как аристократы, но не жаловался.

— Жизнь научила меня ничего не принимать на веру, — сказал Кфар. — Всё может быть не таким, как кажется, пока не разберешься. Как в плохую, так и в хорошую сторону. Люди, поступки, события. Даже нахождение Ша'харара может быть как хорошим, так и плохим.

Агат помолчал, не уверенный, стоит ли говорить о грезящих. Кфар всегда охотно давал ученику новые знания, тем не менее четко оберегал тайны магов. Порой Агат почти физически ощущал стену, за которую ему не позволяли соваться. Во многом, конечно, из-за низкого ранга. Он подозревал, в основном из-за того, что он принц. Грезящие любили свою независимость от аристократии и не хотели изменять принципам.

Но сейчас проблемы орихалка касались всех.

— Грёзы ведут себя нестабильно, — всё-таки начал Агат. — Орихалк плохо держит. Император надеется, что мы отыщем решение проблемы в древних знаниях. А на что надеются грезящие?

— Почему ты думаешь, что мы придаем значение кучке камней и пыли?

— Потому что здесь трое из вас. И ты. Я знаю, что среди грезящих ты второй после Келнара Данокара.

Кфар молчал, и Агат решил, что так и не дождетя ответа... неожиданно наставник

негромко рассмеялся.

— Ты наблюдательный для принца, Агат. Мы оберегаем свои тайны, но ты слишком грезящий, чтобы не видеть однозначных вещей.

На миг Агата затопила гордость: наставник почти что сказал, он один из них. Почти! Усилив воли Агат заставил себя вернуться к теме разговора. Он оказался прав. Его наблюдения в Обители грёз не прошли даром.

Магов не так много. То, что они послали с экспедицией трех и одного из самых мощных в империи — да, это явно знак того, что они заинтересованы в исходе.

— Первый среди грезящих согласен с императором, — сказал Кфар Шемет. — Будто бы в библиотеках Ша'харара могут найтись ответы. Ты же и сам прекрасно понимаешь, всё взаимосвязано. С грёзами какая-то проблема, поэтому и орихалк их не держит.

— А что думаешь ты?

— Вряд ли ответ принесут на блюдечке. Возможно, если мы его отыщем, он нас не устроит.

Агат нахмурился:

— Думаешь, всё настолько плохо?

— У меня есть предположение. Всё в нашем мире циклично, смерть и перерождение, смена времен года. Магия тоже может быть циклична, и сейчас наша угасает. Чтобы исчезнуть совсем или вновь взойти.

— То есть ничего делать не нужно?

— Это не в природе людей. Да и я не готов сидеть и ждать.

— Рад, что ты здесь.

Агат говорил искренне. Ему нравился Кфар, с ним забывалось, что Агат ненастоящий грезящий и никогда не станет полноценным. Если бы его способности были больше!

— Как думаешь, — Агат запнулся. — Как думаешь, из меня выйдет когда-нибудь грезящий?

— Нет.

Кфар ответил легко и сразу, а внутри Агата будто что-то оборвалось. Он подозревал, но не так же резко. Краем глаза заметил, что Кфар наконец-то посмотрел на него с тонкой улыбкой:

— Я думаю, из тебя выйдет нечто совсем иное, просто мы еще не знаем, что именно.

— Надеюсь, — проворчал Агат, но улыбку сдержать не смог. — Я и сам хочу узнать, в чем будет заключаться моя история.

Неожиданно для самого себя его мысли вернулись к зелью, настаивающемуся у Ашнары. Кости Лазурита полностью растворились, слились с вязкой жижей, которая спустя дней десять должна стать прозрачным зельем, которое излечит от яда.

Лазурит прожил совсем недолго, но даже после смерти продолжилась его история. Из него тоже не вышло грезящего... или даже ребенка. Зато вышло что-то иное. Конечно, Агат надеялся, что у него обойдется без лишнего трагизма.

В тот первый день, когда они вышли из Кахара, Агат попросил у Ашнары щепки лагмарана и совершил ритуал памяти по маленькому и давно умершему Лазуриту. Сейчас он был бы старше Агата. Грусть оказалась светлой, терпкой и чуть щекочущей, как тот дымок, что поднимался к нему. Агат надеялся, что обряд почтил память мертвого брата и дал ему энергию в новом рождении. Где-то в мире существовал человек с душой Лазурита. И у него шла новая история.

— Что происходит? — нахмурился Кфар.

По каравану будто пошла рябь, колокольчики замолкали, повозки останавливались, слова передавались от головы к хвосту. Агат широко улыбнулся:

— Мы прибыли.

Они нашли Ша'харар на закате.

Повозки поставили кругом, лошадей распрягли. Слуги тут же начали суетиться, ставя палатки и разжигая костры. Берилл организовал воинов проверить пространство, хотя никого, кроме пары сусликов, они не нашли.

На взгляд Агата, это место ничем не отличалось от любого другого. Только в котловине между холмами поблескивало озеро. Как говорил Каэр, оно пересыхало часть сезона, поэтому и оказалось сложным определить местонахождение. А еще, конечно, тот факт, что небольшое озеро в пустошах оставалось безымянным.

Каэр раскладывал карты, изучал каждый камень и с восторгом показал какую-то плиту рядом с озером. Она действительно была обтесана не природой.

— Это останки надземной части! — восторгался Каэр. — Терраса у воды. Где-то здесь должен быть вход!

Время шло, ничего хотя бы отдаленно похожего на ворота не было, и первые эмоции постепенно угасали. Устроенный между холмами лагерь успокаивался и начинал жить обычной жизнью с приближением сумерек. Все готовились к длинной стоянке.

Агат же сел перед костром, смотря на пламя. Когда чуть позже приготовили ужин, он так и не встал, чтобы взять свою порцию. Краем глаза увидел Берилла с Ашнаррой, но не пошел к ним.

— Тоже чувствуешь? — Кфар Шемет устроился рядом.

Агат кивнул. Он словно опять был тем мальчишкой, который не знал, что делать с бушующим внутри жаром. Сейчас ощущения чем-то походили.

— Как будто что-то скребется. Только не изнутри, как у меня обычно, а снаружи. Что-то щупает нас и не хочет, чтобы мы здесь были.

Кфар посмотрел на него долгим и немного удивленным взглядом:

— Я ощущаю иначе. Как покалывание, будто перед грозой. Остальные грезящие тоже.

— Это грёзы?

— Скорее, древняя магия. Вряд ли они оставили Ша'харар незащищенным. В наших библиотеках были записи о подобном.

— Ну, значит, мы в нужном месте.

— Да...

— Что-то не так?

— В наших записях это называют защитой древних. Ее чувствовали во многих местах. Но ни разу не удалось за нее проникнуть.

Агат знал, что руины находили. Некоторые без особых проблем, но там и внутри ничего интересного не оказывалось. Ходили легенды, будто и на Ша'харар и подобные ему города натыкались... да вот даже наемники, о которых вычитал Каэр. Но не было легенд о самих городах.

Может, потому что внутрь никто так и не проник.

Агат зажмурился. Ощущение было странным, не боль и не зуд, скорее, неуютность.

— Почему я чувствую не так, как другие грезящие? — спросил Агат. Собственное отличие могло бы отдаться большей печалью, если бы странное ощущение не мешало думать.

— Возможно, из-за крови, — сказал Кфар. — Гленнохарская империя рухнула после неких событий внутри нее, магия и культура исчезли. Остатки людей ушли в сторону Дашнадана и осели там. Возможно, в тебе тоже есть частичка их древней крови. И ты чувствуешь магию. Поэтому настолько ярко воспринимаешь.

Агат обхватил себя руками и хотел сказать, что предпочел бы вообще не чувствовать. Даже здесь его проклятая кровь умудрилась напортачить! Это раздражало, но еще больше бесило то, что никуда от этого ощущения не деться.

Отсветы костра играли на лице Кфара, мир вокруг скрадывался сумерками, погружался в тени, но Агат заметил, как рядом уселся Берилл. Он держал две миски и протянул одну Агата, но тот помотал головой и зажмурился.

— Как будто волны, — пробормотал он.

— Подожди-ка! — Кфар оживился. — Если ты ощущаешь именно так, может, найдешь источник? Это должна быть дверь.

Подобная мысль не приходила в голову Агату. Что ж, если это поможет отыскать город... скинув плащ, Агат поднялся и глубоко вздохнул. Он не стал сопротивляться, позволил себе ощутить это неприятное чувство, свернуть волну до нити.

Агат пошел по ней.

Он не задумывался и не сомневался, просто шагал по линии, как он быстро понял — к озеру. А потом за него, гораздо дальше. По твердой почве до другого холма, до камня, который буквально пульсировал. Не задумываясь, Агат нажал на него.

Увы, давящее чувство не исчезло, даже не стало слабее. Первые мгновения ничего не происходило, и Агат подумал, что в очередной раз ошибся. Но потом земля дрогнула, что-то заскрежетало, почва под ногами начала осыпаться. Берилл едва успел оттащить Агата, когда из-под земли показалась каменная глыба и поползла вверх.

Она скрежетала и росла, пока не замерла. С поверхности еще сыпались комья почвы, кто-то принес факелы, и на фоне темнеющего неба можно было рассмотреть каменные ворота размером с обычную дверь и будто бы грот за ней.

— Вход! — завопил Каэр. — Вот он!

Запертый, конечно же. Агат мог поспорить, Берилл уже прикидывал, сколько потребуется воинов, чтобы взломать этот лаз, но ворота казались слишком внушительными. Агат не представлял вес этих створок.

Берилл зашел со стороны, кулаком постучал по гроту:

— Камень.

— Наверняка зачарованный, — сказал Кфар. — Так просто его не взломать.

Агат и не заметил, как большая часть лагеря оказалось рядом с ними. По крайней мере, ученые точно. Каэр бесцеремонно прошел вперед, взяв факел, рассмотрел дверь и ткнул куда-то, где могла быть ручка. Агат увидел, что там изображение ладони.

Каэр поднял руку и почти приложил собственную, но потом нерешительно оглянулся на Берилла:

— Ваше высочество, это ваше право...

Берилл качнул головой:

— Нет. Это твоё открытие.

Лицо Каэро просияло. Он перехватил факел покрепче и приложил левую ладонь к изображению.

Агата будто обдало тем самым мерзким ощущением, придавило, а в глазах потемнело. Он услышал вопль Каэра. Зрение вскоре прояснилось, магия ослабла, и Агат перевёл дыхание.

Каэр по-прежнему вопил.

Он сидел перед каменной дверью, скрючившись, сжавшись, рядом стояла Тишлин, суетился ещё кто-то, звали лекаря. Охваченный дурным предчувствием, Агат тоже шагнул вперед и наконец-то рассмотрел.

Уже совсем стемнело, факелы освещали равнодушный камень врат и угловатыми тенями высвечивали скрючившегося на земле Каэра. Он прижимал к груди левую руку — высохшую, потемневшую и негодную.

Конечно же. Как они наивны! Не только Агат мог обнаружить камень с механизмом. Если бы Ша'харар открывался так просто, он не стал бы настолько загадочным. На его дверях тоже защита. Та самая, которая давила на Агата.

Но если он чувствует её иначе, может, его кровь и тут сгодится? Возможно, как потомок тех, кто установил защиту, как чувствующий грёзы, он сможет и снять.

Когда Агат шагнул к двери, на плечо тяжело легла рука Берилла, как будто он понял, что собирается сделать брат.

— Всё получится, — уверил его Агат.

Он не испытывал такой убежденности, раненый Каэро по-прежнему поскуливал. Поэтому Агат не оставил себе времени на размышления. Достав нож, полоснул по пальцу, размазал кровь по ладони и решительно приложил её в очерченный контур.

Дверь дрогнула.

А потом проход в Ша'харар начал медленно открываться.

14. Агат, Берилл

Агат думал, Ша'харар поразит его. На самом деле, он действительно впечатлял, но ощущение смазлось.

Древний город больше походил на запутанное хранилище. Каменный коридор, открывшийся от врат, привел в огромную пещеру со сложно организованными помещениями. Часть проходов вела в пустые комнаты, которые наверняка когда-то использовались, но сейчас лишь стали пристанищем для пыли.

Другие оправдали ожидания, открыв высокие полки с книгами.

Сама пещера тоже не была безликой. Ученые пришли в восторг от изваяний с глазами из цветных камней, от изящной резьбы, которая сплошь покрывала колонны. От скользящих ступенек и вырубленных перил, от истлевших останков ковров и гобеленов.

Агат же понял, что не любит пещеры. Его больше привлекали просторы пустошей или привычные дворцовые замки, в которых всегда много света и воздуха.

Больше древних знаний Агата волновали люди. Берилла не трогала находка, зато он хмурился, жестко допрашивал Кфар Шемета и постоянно выяснял у Агата, как ощущения. Не говорил вслух, но ему явно не понравилось, что кровь Агата воздействовала на врата.

Кфар терпеливо объяснял, что раз предки Агата построили это место, ничего странного в том, что он, чувствующий магию, смог снять эту защиту. Агат в свою очередь уверял, что больше никаких неприятных ощущений — он ничуть не лукавил. Стоило открыть дверь, всё правда стихло. А вот волнение Берилла, похоже, только нарастало, и Агат не знал, как его успокоить. По крайней мере, Берилл занялся обустройством лагеря в Ша'хараре, и у него осталось меньше времени думать. Особенно когда чуткая Ашнара загрузила его помощью ученым.

Волновал Агата и Каэр. Лекари осмотрели руку, но не смогли ничего сказать. Грезящие выразились более конкретно: воздействие защитной магии. Обратить ее не могли, ткань отмерла.

Лекари смогли унять боль и заверили, что скоро она пройдет. Каэр по-прежнему оставался ошарашенным, но постепенно начал приходить в себя.

К нему Агат и направился, когда наконец-то организовали лагерь. Устроить его решили в главном зале, отгородили место между резными колоннами, правда, грезящие заявили, что не нужно трогать каменные изваяния. Жрецы с ними согласились. Если последние опасались древних идолов, грезящих больше волновала возможная магия. Она пропитывала здесь всё, но ее описывали как искаженные грезы.

Кфар Шемет и его люди тут же занялись этим, усевшись в центре зала на полу. Вокруг них распространялось сияние, добавляя к расставленным повсюду факелам.

Обойдя сновавших слуг и большой костер, Агат краем уха слышал, как Берилл отдает приказы, назначает часовых, другим воинам Ашнара поясняла, на что обращать внимание при обыске помещений.

Нырнув за большую поставленную палатку брата, Агат оказался в тихом уголке. С двух сторон каменные стены, испещренные облупившимися изображениями и символами, с третьей парусина временных жилищ. Двое лекарей разложили инструменты, один из них пересчитывал склянки в коробке.

Каэр сидел на ящике в одной рубашке, прижимая к груди изуродованную руку,

вытащенную из рукава. Она казалась высохшей, будто веточка дерева, и скрюченной. Бледность лица Каэра только оттенялась его темной, испачканной рубашкой. Впрочем, у них всех сейчас одежда казалось грязной. Стоило спуститься в Ша'харар, они тут же покрылись пылью.

Тишин сидела рядом с братом и что-то вполголоса говорила, помогая врачам раскладывать бинты. Даже Агату было очевидно, что Каэр ее не слушает, но скорее всего это успокаивало саму Тишин. Возможно, Каэру нравился звук ее голоса.

Заметив принца, Тишин торопливо поднялась и поклонилась. Каэр даже не посмотрел, погруженный в себя.

Кивнув Тишин, Агат придвинул еще один ящик и уселся на него, так что теперь лицо стало вровень с Каэром.

— Как себя чувствуешь?

Каэр покосился на Агата, а потом странно повернулся и опустил взгляд.

— Простите, ваше высочество, я подвел...

— Ничего подобного! — горячо возразила Тишин.

Агат не сразу понял, что Каэр прижал к себе руку и попытался сесть так, чтобы ее было не видно. Словно он стыдился ее или правда считал, что в этом есть его вина.

— Что ты мог сделать? — искренне удивился Агат.

— Понять, что не может Ша'харар стоять без защиты. Если бы я об этом подумал, мы бы дали грезящим посмотреть. Вы бы не подверглись опасности, я бы не стал уродцем.

— Не говори глупостей, Каэр. Никто не мог предположить. Грезящие вряд ли бы смогли понять. И твоя рука... не прячь ее.

Агат легко мог понять Каэра. Он сам всю жизнь стыдился того, кто он, своей проклятой крови. Он бы не хотел, чтобы Каэр начал стесняться увечья.

— Когда вернешься во дворец, не скрывай свою руку, — твердо сказал Агат. — Пусть все аристократы видят! Она лучше чего бы то ни было покажет, что пока они нежились в интригах и ели щербет, ты занимался чем-то таким, о чем они прочтут только в книгах. Ты ведь отыскал его, Каэр! Ты нашел Ша'харар.

Агат сделал широкий жест, имея в виду всю окружающую их пещеру. Древнюю и пыльную, куда сотни лет не ступала нога человека.

— Ты первый, кто отыскал Ша'харар. Ты заплатил за это знание высокую цену. Но оно ведь стоило того?

Каэр встрепенулся и как будто в первый раз поднял голову и огляделся. На его лице показалась неуверенная улыбка.

— Да, — тихо ответил он. — Стоило. Уже занялись делом?

— Ученые ахают и охают. Тебе придется направить их энергию в нужное русло. Но они подождут тебя столько, сколько нужно.

— Я... да. Спасибо.

Каэр рассеянно погладил изуродованную ладонь. Агат слышал, что больше этой конечностью Каэр ничего не чувствовал.

— Эльхар сказал, я тот, кто откроет двери, — неожиданно сказал Каэр.

— И он был прав. Ты открыл двери Ша'харара. Ты привел нас сюда. Город ждет тебя.

Каэр снова кивнул, хотя пока не спешил подниматься, словно собирался с силами. Агат прекрасно понимал, что ему нужно время, кинул взгляд на Тишин и знаком показал ей отойти в сторону.

Оставив брата у лекарей, Тишлин последовала за принцем. Они прошли по лагерю и свернули к сидевшим грезящим. Агат лучше других знал, что пока они щупают магию, окружающий мир для них будто не существует.

— Как его рука на самом деле? — спросил Агат.

— Плохо. Ничего не чувствует, не работает. Хуже всего, ему больно. Лекари дали снадобий, но говорят, что-то там с нервными окончаниями. По хорошему, ему надо показаться храмовым врачам, использовать орихалковые вещи, которых нет с собой. Но я боюсь даже предложить такое Каэру... вместо исследований Ша'харара.

Агат нахмурился. Он вспомнил, что отец приказывал явиться во дворец и доложить. Делать этого не хотелось, но Агат догадывался, что иначе даст лишний повод для ярости.

Возможно, Агат решился бы нарушить прямой приказ императора. Остаться пока здесь... но если Каэру нужен лекарь и орихалк, это более весомый повод вернуться.

— Я поеду в Кахар, — сказал Агат. — В ближайшие дни. Думаю, смогу захватить что требуется.

— Ты так заботишься о подчиненных, принц Агат?

— Каэр наш главный исследователь Ша'харара, он должен быть в порядке.

Император всегда говорил, что тому, у кого власть, не стоит показывать слабости. Он далекий и непоколебимый, иначе его уничтожат.

Агат сам на себя разозлился за эти мысли. Может, как император отец и состоялся, но как человек он тот еще урод. Точно не тот, на кого стоит ориентироваться.

Опустив скрещенные руки, Агат признал:

— Я и сам недавно был ранен. Я знаю, что это такое, когда нет возможности заниматься тем, что тебе нужно.

Жрецы организовали небольшой переносной алтарь и уже возжигали на нем свечи. Поморщившись, Агат ненавязчиво отгеснил Тишлин в сторону. Чего ему точно не хотелось, так что жреческих благоволий.

К тому же, упоминание Каэром провидцев-эльхаров и того, что их слова сбылись, напомнило Агату о том, что и против него с братом жрецы могут что-то замышлять. Из-за пророчеств.

— Спасибо, принц Агат, — искренне сказала Тишлин. — У моего брата мало друзей, которые могли бы разделить его... стремления. Никогда не думала, что его другом может быть принц.

— Поверь, у принцев еще меньше друзей.

— Не находите общий язык с аристократами?

В голосе Тишлин слышалась усмешка, и Агат тоже улыбнулся:

— Моими лучшими друзьями всегда оставались братья.

Свечение от сидевших грезящих как будто собиралось и чуть заметно тянулось в один из темных тоннелей, в которые еще даже факелы не успели принести. Походило на дым на сквозняке. Нахмурившись, Агат шагнул в сторону тоннеля.

— Что такое? — спросила Тишлин.

— Не знаю. Вообще-то это дело грезящих.

Хмыкнув, Тишлин подхватила факел и уверенно зашагала в тоннель. Можно было не сомневаться, что она и вправду сестра Каэра.

Узкий, даже тесный проход чуть изгибался и вёл дальше. Агату показалось, что стоило им ступить в коридор, как что-то вокруг изменилось. Магия тихонько сдавила, белесое

мерцание грезящих у ног заклубилось. А главное, кольнул порезанный перед дверью Ша'харара палец. Как будто что-то здесь отзывалось на кровь Агата, и он мог узнать это из-за своей чувствительности к магии.

Будь он один, несомненно, пошел бы вперед. Но Агат не знал, насколько это опасно, ставить под удар Тишин не хотелось. Он осторожно тронул ее за плечо:

— Вернемся.

Ему лучше отвести ее обратно и взять с собой Кфар Шемета. Тишин обернулась и нахмурилась:

— Да мы немного прошли. Неужели тебе не интересно, что может скрывать проход Ша'харара?

Она снова пошла вперед, и Агат запоздало подумал, что Тишин всё-таки никогда не общалась с магами, она не знала, что если они чего-то опасаются, лучше их послушать. Агат же слишком привык, что это не требовало пояснений. Он пытался сформулировать, не отставая от Тишин, которой явно овладел исследовательский интерес.

Свечение грёз у ног внезапно взвихрилось и растаяло без следа, свет факела тоже дрогнул. Агат ощутил толчок магии — как будто то, что здесь царило всё это время, привлекло грёзы, а потом столкнулось с ними.

Агат едва успел утянуть Тишин вперед, когда за их спиной дрогнул камень.

— Ваше высочество! Один из проходов завалило!

Берилл про себя выругался, но вслух ничего не сказал. Повернулся к испуганному слуге:

— Там кто-то был?

— Мы не знаем... рядом сейчас грезящие.

— Значит, оставим им. Сообщите, если что выяснят.

Торопливо поклонившись, слуга тут же убежал, а Берилл устало потер переносицу. Весь этот Ша'харар внушал ему смутное беспокойство. Казалось, будто кто-то следит с полустертых мозаик на стенах, шепчется по углам. Берилл ни на секунду не расслаблялся, хотя ждать опасности было глупо. Живого здесь давно не осталось, а против грёз он ничего не мог. Агат описывал давящую магию перед воротами, здесь же Берилл ощущал, будто на него самого давит Ша'харар постоянным беспокойством.

Куда вообще подевался Агат?

Берилл решил отыскать брата. Неудивительно, если он предпочел улизнуть из поля зрения бдительного Берилла, но тот ничего не мог с собой поделаться. Хотя Алмаз никогда не интересовался историей и вряд ли жаждал спускаться в потерянный город, именно здесь создавалось впечатление, будто его дух витает рядом.

Возможно, из-за защиты и магии — того, что Берилл никак не мог пощупать, выставить против воинов или сделать хоть что-то.

Он бессилен.

Как и в тот момент, когда Алмаз бился в агонии, а сам Берилл ощущал нарастающую слабость. Лучше бы он тогда отключился. Но он видел и слишком хорошо запомнил это чувство липкого, мерзкого бессилия, когда ты можешь только смотреть, как уходит жизнь из близкого тебе человека.

Рука Каэра живо напомнила Бериллу это ощущение. Где-то внутри притаилось чувство,

что он мог бы остановить Каэра, дать грезящим проверить. Он будущий император, его обязанность — видеть вероятности. А он попросту предложил Каэру попробовать.

Хуже всего, когда вперед пошел Агат. В тот момент Берилл не очень понимал, что происходит, но позже, когда проход открылся, и они пошли вниз, он не мог отделаться от призрака Алмаза. А если бы эта магия, наоборот, восстала против крови Агата? И он бы тоже корчился от боли там, на земле... или что похуже.

А он, Берилл, снова ничего не мог сделать.

Больше никогда. Насколько это будет в его силах, больше он никогда не будет обессиленный смотреть. Он не смог помочь одному брату тогда, но точно не допустит, чтобы что-то случилось со вторым.

— Берилл, — Ашнара легонько коснулась его локтя. — Не знаю, о чем ты думаешь, но помни, что твои мысли могут путаться.

Из-за яда, конечно. Который отравлял сны, бился в висках болью. Берилл кивнул и глубоко вздохнул, прикрыв глаза. Он не смог бы избавиться от тревоги, но нет смысла изводить себя или брата. Лучше успокоиться и держать в руках. Стоит проверить Каэра и поинтересоваться, что уже нашли в городе.

— Ваше высочество!

Тот же слуга подбежал к ним с Ашнарой.

— Ваше высочество! Тот коридор, где случился обвал! Там принц Агат с леди Тишлин.

Агату приходилось и с лошади падать, и пальцы ломать, и даже бывать раненым в приграничных стычках. Правда, он обходился царапинами, которые в лучшем случае приходилось зашивать — настоящую рану получил только от нанятых каш'шинов на ступеньках храма.

Каждый раз Агат усмеялся, что он крепкий. Правда, в полной мере проверить удалось только в подземном коридоре Ша'харара.

Он очнулся от того, что кто-то звал его по имени и хлопал по щекам. Открыв глаза, Агат моргнул пару раз, а потом сощурился. Тишлин успела отыскать факел или умудрилась не выронить его. Огниво у всех без исключения имелось при себе, так что узкий коридор высвечивался трепещущим пламенем.

Тишлин выглядела грязной, с мелкими камушками и пылью, запутавшейся в распущенных волосах. Но ран видно не было, по щекам она хлопала энергично, а на лице застыло беспокойство, а вовсе не выражение боли.

Пока Агат не пришел в себя полностью, его почему-то больше всего поразили именно распущенные волосы. В экспедиции женщины предпочитали собирать их — все, кроме Ашнары, разумеется, которая руководствовалась собственной модой на прически.

— Красиво, — сказал Агат. — Тебе так больше идет.

— Что?

— Распущенные волосы.

Тишлин нахмурилась. Она помогла Агату усесться, а потом заставила прислониться к стене, следить за светом факела, заглядывая ему в глаза и уточняя, болит ли голова, чувствует ли он что-то странное.

Агат уже достаточно пришел в себя, чтобы от всего отмахнуться:

— Я крепкий. Ты ранена?

— Нет, у меня же орихалковая пластина в одежде. У тебя разве нет? Не похоже, чтобы по тебе хотя бы мелкие камушки не попали.

Агат пощупал лицо, чувствуя порезы, скула ныла, тело тоже болело от синяков. Он вспомнил, как сам зачаровывал орихалковую пластину в Обители грёз перед сбором экспедиции. Они вшивались в одежду всем участникам как раз против подобных обвалов. Если камень разmozжит голову, не спасут, но от мелких — вполне.

— У меня нет орихалка, — сказал Агат. — На меня грёзы всегда плохо действовали, но в последнее время совсем бесполезны.

К счастью, помимо синяков и ссадин он и правда не чувствовал каких-то повреждений. Поднялся на ноги, и Тиштин посветила на завал. Выглядел он грозно и плотно, так что с той стороны не раздавалось ни звука.

— Берилл взбесится, — пробормотал Агат.

— Надеюсь, он не решит, что ты помер, и можно нас не искать?

— У грезящих есть орихалковые устройства... в общем, они смогут определить, что мы живы. Но не более того. Берилл знает, что при мне орихалка нет. Они скоро разберут завал.

Агат подумал, что ему стоит уговорить Берилла вернуться в Кахар вместе с ним. Ша'харар плохо на него влиял, он только сильнее беспокоился, а теперь наверняка решит, что они тут ранены и истекают кровью. Он вообще весь город разберет!

— Грезящие смогут избавиться от камней, — сказал Агат. — С чем не справится магия, сделают обычные руки.

— Каэр с ума сойдет от беспокойства.

— Поверь мне, он еще не сходит с ума, — пробормотал Агат.

Он понял, что если так и будет стоять и пялиться на завал, то начнет в красках представлять, как Бериллу сносит крышу. Поэтому он развернулся и посмотрел вглубь темного коридора:

— Раз уж мы здесь, и у нас есть время... давай не будем мучиться, представляя себе наших братьев. Лучше узнаем, что же такого в этом проходе.

Тиштин смотрела на него, явно размышляя. С распущенными волосами, в грязной одежде она казалась на удивление привлекательной и... близкой. Как будто камни смахнули привычные маски.

Наконец, девушка кивнула и первой пошла в коридор, светя факелом. Без былой решительности, куда аккуратнее.

Самый обычный коридор, Агат не ощущал в нем чего-то особенного. Коснулся пальцами тонкого узора, который вился на высоте человеческого роста. Будто кто-то выбил каменную тесьму, которая наверняка многое означала для древних.

Узор из непонятных черточек будто дрогнул под пальцами Агата. Он тут же отдернул руку и не решился на эксперименты. Только не сейчас.

Вместе с Тиштин Агат двинулся дальше, в глубину тьмы.

Коридор шел с пологим уклоном, явно под землю. Агат рассчитывал, что он выведет в очередную комнату, полную книг, но вместо этого проход внезапно оборвался во тьму. Похоже, дальше оказалось какое-то большое помещение, но факел Тиштин не мог его осветить.

Они замерли, и Тиштин неуверенно обернулась на принца:

— Пойдем вдоль стены?

— Нет. Лучше посвети мне. Здесь наверняка должна быть система освещения.

— Возможно. На грёзах.

— Эй, я почти грезящий!

Пока они разговаривали, Тиштин светила факелом на стену рядом со входом, Агат же сам не знал, что искал... пока не наткнулся взглядом на небольшое углубление правильной округлой формы. В стороны от него будто бы уходили тонкие каменные прожилки. У грезящих свет выглядел не совсем таким, но похожим образом. Принцип наверняка один. Оставалось надеяться, что за сотни лет не все чары исчезли.

Агат поднял ладонь к углублению и сосредоточился. Если направить нужные грёзы, то они активируют свет, разнесут его по всей поверхности, с которой связано устройство. В Обители грёз так заставляли слабо светиться сами стены.

Подобные чары не были сложными, но грезящие тщательно их оберегали. Для обычных людей они предпочитали зачаровывать отдельные предметы, шары и лампы. Мелкая работа, приносившая постоянный доход.

Агат опасался не столько того, что здесь не сработает, сколько того, что грёзы ему не отзовутся. Не здесь, в Ша'хараре, где явно действовали свои законы. Он приготовился долго сосредотачиваться, но к его удивлению, магия прильнула к ладони легко и непринужденно — так, как никогда раньше. Он успел лишь подумать, а магия уже скользнула в устройство. Странная, не похожая на привычные грёзы, но отзывчивая.

Углубление засияло ровным белым светом, и он понесся по многочисленным каменным венам, распространяясь по стене и дальше — на потолок, соседние стены, дальше и дальше.

Тиштин ахнула.

Они стояли не в большом зале, а в огромном, размером с дворцовый двор, не меньше. Испещренные прожилками стены светились, красиво подсвечивая многочисленные проходы, украшенные арками, каменные столы, лавки, изящно вытянувшиеся к потолку колонны. Всё покрывала богатая резьба, на стенах слабо светились мозаики.

А в центре зала находилась окружность, из которой возносилась украшенная орнаментами и письменами стелла. Она засветилась последней, а спустя мгновение из нее стала бить вода, тоже слабо мерцающая серебристым светом.

— Это фонтан, — благоговейно прошептала Тиштин. — Каэр говорил о легендах, будто под Ша'хараром целая система подземных вод.

— До этого мы нашли приемные помещения. А здесь на самом деле вход.

Тиштин кивнула и указала в сторону. Завороженный светящейся водой, наполнявшей емкость фонтана, Агат не сразу сосредоточился на том, что она показывала. Потом понял, что на дальней стене прожилки составляют хорошо организованный узор с древними надписями.

— Карта Ша'харара! — воскликнула Тиштин и радостно рассмеялась, не в силах сдерживать эмоции. — Каэр будет в восторге!

Она резко замолчала и даже отступила на шаг. Искоса посмотрела на Агата:

— Давай вернемся и дождемся, когда проход откроют. Не хочу заходить раньше Каэра.

Агат еще несколько мгновений стоял на пороге огромного зала. Он хотел остаться здесь, вместе с Каэром изучать карту, узнать, холодна ли вода в фонтане, удобно ли читать книги за этими столами? Но не сможет. Когда перенесут лагерь, ему стоит отправиться к императору. Не нарушать приказ. К тому же, Каэру нужны снадобья, а Бериллу — если он согласится поехать с Агатом — передышка.

Агат салютовал залу и прошептал одними губами:

— Никуда ты от меня не денешься.

Пока шагали обратно, им еще долго не был нужен факел, свечения за спинами хватало. Но в коридоре световых прожилок не было, у завала стучалась тьма, и факел не был лишним.

Нерешительно остановившись, Тишлин прислушалась, и Агат тоже почти сразу как будто услышал отголоски разговоров.

— У нас есть время, — заявил он, усаживаясь на пол и прислоняясь к стене.

Вытянув ноги, Агат хотел потереть глаза, но вовремя вспомнил, какой он грязный. Может, и стоило хотя бы вымыть руки в том фонтане. Тишлин положила факел на землю и уселась рядом — ближе, чем позволяли приличия.

— Что скажет твой жених? — усмехнулся Агат. Он и сам не знал, насколько всерьез спрашивал.

— О, будет ревновать, конечно! Он и в экспедицию отпускать не хотел.

— Из-за ревности?

— Отчасти. А отчасти... ну, это брак по расчету, предполагается, мы составим друг другу хорошую партию. В таком случае я должна быть образцовой леди. Выращивать розы, например. Заниматься книгами в чопорной дворцовой библиотеке. Не трястись с повозками по пустошам.

— Да-да, Элам Итанис тот еще скучный тип. Не выходи за него.

Агат сам не ожидал, что скажет это, но отступать тоже не собирался. Тишлин нахмурилась:

— Из-за него?

— Из-за себя. Я понимаю, зачем это, но ты можешь позволить себе жить так, как хочется.

— Не думаю...

— Не забывай, я принц. Имею право не только перебивать в разговоре, но и, не знаю, награждать. Ты и твой брат и без того знатного рода, но титулы еще никому не были лишними. Как и земли. Тебя ждет Ша'харар, тут изучения не на одну жизнь! Если ты хочешь заниматься именно этим, не слушай никого.

Мысль о том, что Тишлин выходит замуж только по расчету, почему-то обрадовала едва ли не больше, чем нахождение огромного зала. Он, конечно, всего лишь принц с порченной кровью, но зато принц! У него есть шанс.

Со стороны зала словно пошла рябь, и Агат вздрогнул.

— Что такое? — нахмурилась Тишлин. Она явно ничего не почувствовала. — Ты всё-таки стукнулся головой?

Агат знал, что это другое. Поднялся и снова коснулся кончиками пальцев вырезанной на стене каменной тесьмы. Уловил ту странную вибрацию и наконец-то смог оформить в слова то, что ощутил еще в светящемся зале:

— Что-то хочет вырваться.

— Ты о чем?

— Это не только библиотека. Это тюрьма. Для чего-то, что заперто в местных камнях.

Берилл не позволил никому отдыхать.

Грезящие сжимали орихалковые устройства и те плавил камень. Осторожно и бережно, ведь они не хотели, чтобы всё снова рухнуло. Агат и Тишин могли быть под завалом.

Слуги утаскивали камни прочь.

Коридор оказался слишком узким, так что выходило медленно. Берилл всех подгонял, не мог оставаться на одном месте, и руки у него подрагивали. Ему казалось, его обступила вязкая пелена, границы между снами и реальностью смазывались, особенно в узком каменном коридоре с дрожащим светом факелов.

Берилл смаргивал видения с полуразложившимся трупом Агата, который скалился в улыбке.

Каэр не уходил, держал изувеченную руку и с благодарностью принимал отвары Ашнары, от которых отмахивался Берилл. Он не знал, сколько прошло времени, когда один из грезящих опустил орихалк и устало сказал:

— Почти.

Последние камни оттаскивали вручную, тихо и сосредоточенно. Берилл никому бы не позволил влезть первым, поэтому сразу ринулся в образовавшийся проход.

Агат сидел у стены, Тишин устроилась рядом, положив голову ему на плечо. На миг Бериллу показалось, что они мертвы, два трупа, и к горлу подкатила тошнота. Но потом Агат поднял голову, сонно моргая. С трудом сдержал зевок и невнятно сказал:

— Долго же вы.

Он аккуратно потянулся, но Берилл с облегчением выдохнул. Тишин тоже зашевелилась, особенно когда Берилл опустился в грязь, чтобы крепко обнять Агата.

На какое-то время реальность снова стала устойчивой и внятной.

15. Берилл

Берилл просыпается от очередного кошмара. Ночь липкая, вязкая и душная — почти как несколько месяцев назад, когда погиб Алмаз. Берилл моргает и стискивает зубы. По крайней мере, теперь у него выходит молчать, до этого он просыпался с криками.

Бериллу четырнадцать, он оправляется от яда и пока не покидает комнату. Кошмары постепенно слабеют, теперь не мучают каждый день. Лекари говорят, что через пару месяцев совсем исчезнут. Силы тоже возвращаются — может, отчасти из-за того, что в покоях принца слишком часто находятся жрецы, которые шепчут молитвы и окуривают дымными травами. От их благовоний хочется как можно быстрее выбраться наружу. Днем это представляется простым, но порой ночами ощущение, будто время не идет, и это одна растянутая кошмарная тьма.

Во сне Берилл обычно видит смерть Алмаза. Проснувшись, продолжает слышать его крики, полные боли. Пару раз, как и сегодня, он видел закрытый саркофаг с похорон брата. Сам не мог там присутствовать, но Агат рассказывал.

Ярко светит луна, и Берилл видит, что младший брат тоже здесь.

Когда Берилл очнулся впервые, по-настоящему очнулся после яда, он чувствовал себя отвратительно, а перед глазами стояла смерть Алмаза. Он сам хотел просто исчезнуть, перестать существовать в этой боли.

Агат развлекал его чтением и разговорами, потом заставлял играть с ним, вставать. Теперь строил планы о прогулке. Берилл чувствовал себя вполне способным на нее. Это лекари перестраховывались, но сам Берилл считал себя выздоровевшим.

Он больше не хотел исчезать.

У Агата имелись собственные покои, но в последнее время он часто ночами проскальзывал к Бериллу. Отчасти из-за самого Берилла, отчасти не хотел больше спать в прежних комнатах. Проговорился, что слышал там Алмаза, когда тот вопил от боли и умирал.

Отец отказал Агату, когда тот попросил о других комнатах.

Агату одиннадцать, и сейчас Берилл видит, что брат снова пробрался к нему и свернулся клубочком в ногах огромной постели.

Что-то не так.

Берилл чует это нутром, хотя всё тихо, в полумраке видно, как шевелится от размеренного дыхания Агат. Ничего необычного в его приходе тоже нет. А кошмары Берилла постепенно исчезают, они уже не такие страшные, чтобы будить всех вокруг.

Он всё равно уверен, что-то не так.

Берилл вылезает из-под одеяла и ползет по кровати к Агату, легонько трогает его за плечо, и только тут понимает — тело брата горит.

— Эй, Агат, просыпайся! Нужно унять жар.

Такое случалось, хотя обычно Берилл не присутствовал. Он знал, что чувствительность Агата к магии проявляется именно так. Слишком много грёз.

— Шиан!

Тот шевелится, открывает глаза и непонимающе смотрит на брата. От его тела как будто исходят волны жара, он почти обжигает Берилла.

Во мраке комнаты ему кажется, он сидит в огне.

— Тебе тоже снится, как магия всё убивает? — невнятно говорит Агат.

Берилл его не понимает. Его сны уж точно другие.

— А тебе снится?

— Сейчас приснилось. Так жарко...

Агат снова закрывает глаза и бормочет что-то бессвязное, а Берилл впервые за последние месяцы всерьез пугается. До этого ему снились кошмары, но в них был прошлый ужас, он отравлял, но уже свершился. Теперь Берилл впервые думает, что Агат смертен.

Он тоже может умереть.

Берилл зовет слуг, стражу, хоть кого-то, кто сможет помочь. В его голосе паника. Тут же комнату наполняют огни и люди. Агат моргает, явно не понимая, что происходит, и цепляется за Берилла. Тот не отпускает брата, пока слуги не наполняют ванную, а один из пришедших грезящих не уговаривает их окунуться.

Вздвогнув, Берилл проснулся. Похоже, он успел задремать у огня, и в том странном состоянии, когда еще не отключился, но сознание уже поплыло, видел не сон, а воспоминание.

Тогда вода действительно помогла, жар Агата исчез. А Берилл на всю жизнь запомнил это ощущение страха. Он подумал, что больше никогда не будет слушать крики боли брата, как с Алмазом, не станет беспомощно смотреть.

Жрецы почитали пять добродетелей и говорили о пяти пороках. Одним из них был эгоизм. Что ж, Берилл понимал, что его желания эгоистичны. Да, он переживал за близких. Но больше боялся собственной новой боли. Он не хотел отпускать.

Обратно во дворец они скакали вместе с Агатом.

Он сидел по другую сторону от костра, задумчиво смотрел на него, подперев голову кулаком. Вокруг во мраке маячили воины, всхрапывали лошади. Слуг с собой не брали, пошли налегке, чтобы добраться быстрее. Лекарши позволили Агату скакать верхом, заявив, что его рана зажила.

Они остановились на ночную стоянку в одном дне пути от Ша'харара. Если будут также гнать лошадей, через день-другой вернутся в Кахар. Берилл хотел как можно быстрее покончить с отчетом отцу, взять необходимое, распорядиться об отправке в найденный город еще ученых. И убраться из дворца.

Это тоже эгоистично. Берилл не хотел там находиться. Пусть Ша'харар давил, но в нем осталась Ашнара.

Хотя похоть — еще один из пяти пороков.

— Ложись, — Агат, похоже, заметил, что Берилл очнулся. — Ты же спишь на ходу.

— А тебя дорога не вымотала?

— Еще как. Но из-за этого наоборот не могу уснуть.

Берилл потянулся, ощущая ноющие мышцы, но это приятная боль, напоминающая о том, как трудилось тело.

— Помнишь, как мне снились кошмары? — спросил Берилл. — После яда.

— Еще бы. Сейчас похоже? Это ведь снова яд.

— Ага. Только сны другие. Тогда я постоянно видел смерть Алмаза.

— А теперь?

Берилл смутился. Ему казалось неловким рассказывать об огне и мертвом Агате. Яд усиливал страхи, которые поселились после смерти Алмаза и так и не исчезли за прошедшие годы. Жрецы с их угрозами только увеличивали беспокойство.

Агат уловил колебания, поэтому сделал вид, что последнего вопроса не прозвучало. Выпрямился и вздохнул:

— Ладно, пошли спать. Завтра еще один долгий день дороги.

Они поставили одну большую палатку, где расположились оба принца — чтобы быстрее сложить лагерь, и чтобы Агат мог помочь с кошмарами Берилла, разбудить, пока не заметили воины. Они расположились вокруг, и Берилл отдал распоряжения, прежде чем нырнул внутрь палатки вслед за Агатом.

Брат сидел на своем спальнике, но вместо сна изучал какую-то книгу при отблесках единственной свечи.

— Мы же налегке пошли! — удивился Берилл. — А ты потащил с собой книгу?

— Одну же. Кфар дал. Какой-то ученый пытается воспроизвести магию Гленнохарской империи, но изыскания у него откровенно так себе. Никто не знает, какими были грёзы древних, но точно отличались от наших. В Ша'хараре может быть именно старая магия, вот я и попросил у Кфара.

Берилл покачал головой, предпочитая крепкий сон сомнительным ученым. Он залез в свой спальник и вспомнил, как к нему самому подошел Кфар Шемет перед тем, как принцы отправились в столицу.

Грезящий поклонился. Он всегда делал это так, как требовалось по этикету, но Берилл всё равно ощущал, будто Кфар не считал его выше себя по положению.

— Я должен предупредить вас, ваше высочество. Магия принца Агата может быть... нестабильной.

Берилл нахмурился, не очень понимая, к чему клонит грезящий. Обычно невозмутимый Кфар Шемет сейчас будто чувствовал себя не совсем удобно.

— Что ты имеешь в виду?

— Принц Агат вряд ли сам осознает, но его силы резонируют с этим местом. Отзываются. Это может влиять на его магию.

— Что ты предлагаешь? Взять с собой грезящего?

— Мы знаем не больше самого принца. Я просто предупреждаю об этом вас. Будьте внимательны.

Сначала Берилл разозлился, потому что подумал, Кфар Шемет подразумевает то же, что и жрецы: принц может быть опасен. А потом осознал, что вот так неловко Кфар попросту говорит присмотреть за Агатом. Они сами не знали, что и как сейчас может воздействовать на грёзы, особенно у него.

Кфар Шемет по-своему переживал за ученика.

Берилл кивнул:

— Я услышал вас.

Так же он услышал Агата ночью.

Проснулся не от кошмара, а от звуков, но почти сразу понял, что это. Он знал негромкие стоны, будто бы полувздохи. Берилл на ощупь нашел свечу и зажег ее — быстрее был бы

орихалковый светильник, но Кфар Шемет посоветовал Агату по-прежнему избегать любых грёз.

Присев рядом с братом, Берилл уже знал, что происходит, но всё равно коснулся кончиками пальцев лба Агата — он горел.

— Проклятье, — пробормотал Берилл. — Эй, эй, Агат, ты меня слышишь?

Называть истинным именем не решался, слишком тихая ночь, их могут подслушать. К тому же Берилл прекрасно видел и слипшиеся от пота волосы Агата, и его мутный взгляд, когда он открыл глаза. От его тела шел сильный жар, и вряд ли Агат мог отличить, как именно его зовут.

Во дворце с подобным справлялись холодной ванной, в походах рядом был кто-то из грезящих. Однажды Агат горел несколько дней, но только отмахивался: он вполне мог это пережить, ощущалось, как обычная болезнь, а потом жар уходил. Но сейчас Берилл не был уверен, что после Ша'харара будет так просто. А главное, жар слишком сильный.

— Пойдем-ка.

Агат позволил поднять себя на ноги, хотя вряд ли мог нормально соображать. Стиснув зубы, Берилл старался не думать о том, что такая горячка и мозги расплавить может. Он вытащил Агата наружу, не обращая внимания на зашевелившихся воинов. Открутил прихваченную из палатки фляжку, опустил голову Агата и вылил всё ему на загривок.

Агат закашлялся, смешно отфыркиваясь от воды. Воины раздули почти погасший костер, и Берилл мог видеть мокрого брата — но жар явно спал.

Пробормотав какие-то витиеватые ругательства, Агат вытер лицо ладонью и молча исчез в палатке. Берилл повернулся к стоявшему рядом воину:

— Всё в порядке.

Агат сидел на своем спальнике, медленно вытираясь какой-то тряпкой. Он хмуро глянул на вошедшего Берилла, но тот спросил первым:

— Лучше?

— Да. Обычно горячка не начинается так резко и сильно.

— После Ша'харара всё возможно. Нам вернуться?

— Нет. Я переживу пару дней, а в Кахаре к моим услугам все купальни.

Если бы Берилл был уверен, что грезящие, оставшиеся в Ша'хараре смогут помочь, он бы настоял на возвращении. Но на самом деле, они тоже ничего не могли, кроме тех же ванн. То, что происходило с Агатом, его чувствительность и жар, не повторялись ни с кем больше.

Берилл уселся на свой спальник и вздрогнул: по странному совпадению, Агат сидел, скрестив ноги, как обычно представал полуразложившийся труп в кошмарах Берилла. Но реальный Агат ничего не утверждал, ни в чем не обвинял. Он с какой-то грустью комкал в руках мокрую тряпку.

— Внутри меня огонь, — тихо сказал он.

— Я верю в тебя. И я рядом.

Утром жар Агата снова вернулся, хотя и не настолько сильный. Ехать пришлось медленнее, чем рассчитывали, но Агат уверенно держался в седле. Берилл пару раз сам чуть не задремал, но успевал очнуться, а видений и снов не было. Похоже, он слишком сосредоточился на Агате, чтобы видеть собственные кошмары.

Когда солнце клонилось к закату, Агат заметно устал, и ехавший рядом Берилл почти ощущал, что горячка брата возвращается. Когда Агат чуть не вывалился из седла, Берилл

приказал разбивать лагерь — за пару часов до того, как планировали.

Всю ночь Берилл почти не спал. Положив голову Агата на колени, он смачивал тряпку оставшейся водой и обтирал лихорадившего брата.

Они прибыли в Кахар в первой половине дня. Берилл ощущал себя измученным и сонным, Агат тоже выглядел помятым, но после ночи жар почти утих — может, никакие холодные ванны не понадобятся. Он привставал в стременах и с широкой улыбкой смотрел сначала на пригородные деревни, а потом и на сам город.

Торговцы спешили от городских стен, продавшие товар тем, кто повезет их на рынки и ярмарки. Разносчики оставляли у дверей домов молоко. Несколько жрецов торопились мимо, видимо, после ночных ритуалов. Где-то в стороне надрывался петух и коротко обменивалась командами стража.

— Хорошо быть дома!

Берилл кивнул, скрыв зевок в кулаке. Он не хотел, чтобы это видел Агат, тот и так всё утро чувствовал себя виноватым, только прибытие в Кахар его расшевелило.

— Нужно отправить распоряжения в храм, — сказал Агат. — Пусть подготовят снадобья для Каэра. И небольшой караван, пойдём обратно с ним или быстрее. Ещё ученые?

Он строил планы, а Берилл поддакивал в нужный момент и отослал одного из воинов в храм со списком, скрепленным печатью принца. Терять время не хотелось, как только они доложат императору и отдохнут, можно двинуться в обратный путь.

Помимо эгоизма и похоти, третьим пороком жрецы провозглашали жадность. Берилл хотел бы считать себя щедрым, но на самом деле ему претила мысль, что открытиями Ша'харара нужно делиться с императором.

Их отец, владыка Шеленарской империи будет считаться в истории открывшим древний город.

Каэр лишился руки и выяснил расположение города. Агат мучился от горячки после соприкосновения с магией. Берилл помнил зал, в который перенесли их лагерь, горящие глаза Ашнары и собственный абсолютно детский восторг при виде светящихся каменных вен.

Он не хотел делиться этим с отцом. Ни единой крупницей того, что произошло, когда их кони ступили на землю пустошей. Это не принадлежало отцу. Они не принадлежали отцу.

Но он оставался их императором.

— Через пару часов? — спросил Берилл, спешиваясь на брусчатку дворца.

Агат как будто смутился:

— Я бы предпочел разделаться побыстрее. Переодеться и к императору.

— Твоя горячка...

— Сейчас такого жара нет, я могу подождать. О... — Агат совсем смутился. — Если ты хочешь отдохнуть, давай позже. Или я могу доложить один.

— Нет. Ты прав. Покончим со всем быстрее.

Во дворце, конечно же, ничего не изменилось за время отсутствия принцев. Бериллу казалось, что прошло так много! Но слуги по-прежнему сновали в коридорах, солнце ярко светило через широкие окна, а в собственной комнате со стены смотрела неизменная мозаика.

Скинув пропитанную пылью и потом одежду, Берилл принял ванную, побрился и облачился в чистый новый мундир.

Агат ждал его перед кабинетом императора. Внешне спокойный, тоже успевший привести себя в порядок и переодеться, но Берилл видел, как брат нервно сцепляет и расцепляет пальцы.

Кабинет императора был выдержан в тусклой охряной цветовой гамме. У окна стоял огромный стол, вырезанный из цельного куска камня и заваленный документами. Украшения не изобиловали, изящно вплетаясь золочеными подсвечниками и тяжелыми тканями. На стене красовалась яркая и детализированная мозаика Гершаланского сражения. Одна из первых побед нынешнего императора, которую он приказал запечатлеть на стене своего кабинета.

Сам Рубин сидел за столом и не поднялся при виде сыновей, только глянул на них из-под бровей.

Крепкий, мускулистый, в темном мундире с золотым шитьем — император любил напоминать, что его правление построено на военной мощи. Грубые и жесткие черты лица, рано поседевшие волосы. Больше всего пугали его глаза — хищные, с тяжелым взглядом.

Берилл ненавидел, что унаследовал их.

Оба принца одновременно приложили руки к груди и преклонили колено как знак глубокого уважения и покорности.

— Докладывайте, — бросил император.

Они поднялись, и Агат начал коротко и по делу отчитываться, не упуская ничего, но и не вдаваясь в детали. Берилл стоял молча и заметил, как Агат переступает с ноги на ногу, будто ему неудобно. Вряд ли он плохо себя контролировал... сначала Берилл подумал, что возвращается горячка, но потом понял.

Кабинет император напичкан орихалком. Не только печать на его пальце, но и предметы на столе, артефакты... даже в мозаике орихалковые кусочки, наверняка с какими-нибудь вплетенными чарами.

Агат избегал грёз, а здесь всё ими пропитано! Берилл невольно сжал кулаки. Отец не мог не знать. Скорее всего, даже не подумал.

К счастью, уточняющие вопросы Рубина звучали коротко и нечасто, Берилл тоже молчал, надеясь, что скоро принцы смогут уйти.

Агат сбился.

Берилл замер: это плохо, очень плохо. По-прежнему сидевший за столом император в нарочитом удивлении вскинул бровь. Он терпеть не мог вот такие... несовершенства.

Тяжело сглотнув, Агат попытался продолжить, но Берилл почти сам ощущал, как на брата давят орихалковые грёзы. Он хотел сам рассказать, но император жестом велел замолчать. Неторопливо поднялся, нависая над столом.

Покачнувшись, Агат чуть не рухнул, но Берилл успел подхватить его. Даже через плотную ткань мундира он чувствовал, что жар Агата вернулся.

Рядом стояла маленькая кушетка, и Берилл усадил на нее Агата. Обернулся, сам не зная, что хочет сказать отцу, но император уже поднялся из-за стола. Его лицо оставалось таким же мрачным и непроницаемым, как и всегда.

— Что за представление?

От спокойного тона даже Бериллу стало не по себе.

— Простите, ваше величество, — пробормотал Агат, не поднимая головы. — Я

виноват...

— Ни в чем ты не виноват! — Берилл повернулся к отцу. — Ему нужно отдохнуть.

— Ему нужно научиться быть принцем.

Агат, кажется, пришел в себя, потому что буквально подтолкнул Берилла в сторону выхода из кабинета:

— Поговорим позже.

Так уверенно, что Берилл даже сделал несколько шагов по направлению к двери, но потом замер и нахмурился. Он плохо понимал, что происходит, но прекрасно знал, что их отец суровый и не терпящий слабости человек.

— Когда-то проклятая дашнаданка соблазнила меня, — сказал император. — Но я надеялся, ее сын станет лучше. А ты решил устроить драматичное представление. Думаешь, так можно скрыть, что вы ничего не нашли?

Берилл аж задохнулся от возмущения:

— Мы нашли Ша'харар!

— Пока вы нашли руины с парой пыльных книг. О чем они?

— Ученые занимаются.

— То есть вы не знаете. Возможно, в этих руинах ничего нет.

Император говорил так уверенно, что на миг даже Берилл засомневался. Вообще-то они и правда нашли несколько помещений с книгами, но уехали, оставив Ашнару, Каэра и ученых. Не исключено, что никаких полезных сведений не только об орихалке, но и вообще, там не будет.

Для Берилла это было не так важно. Но отец поворачивал всё, будто это неудача принцев.

Агат сидел, дрожа и не поднимая головы, а Берилл некстати вспомнил, что подчинение чужое воле — тоже один из пяти пороков. Почему Агат не возразит? Почему молча терпит унижение? Его магия открыла двери города, но об этом Агат даже не упомянул, будто не считал важным. Не возразил, когда отец буквально обвинял его сейчас во вранье и в том, что он изображал, как ему плохо!

Внутри Берилла клубился гнев. Почему Агат подчиняется?

— Ты разочаровал меня, Берилл, — коротко бросил император. — Я ожидал подобного от Агата, но не от тебя.

Простые слова почему-то ударили сильнее, чем мог предполагать Берилл. Ему казалось, он взрослый и самостоятельный, не зависящий от чужого мнения. Он принц, в конце концов! Наследник империи. Но сейчас ему стало обидно, как будто он снова маленький мальчик, который растет без матери и жаждет одобрения отца.

Для которого никто и никогда не будет идеальным.

Агат сжался, и Берилл понял, почему он не возражал. Он с таким сталкивался не впервые, как Берилл, а постоянно. С этими нахмуренными бровями отца, который не забывал напомнить младшему принцу, что он недостоин. Примерно всего.

И всё-таки Берилл не ожидал. Не мог поверить, хотя видел. Отец подошел к сидевшему, сжавшемуся Агату и, не останавливаясь ни на миг, крепко ударил его. Голова Агата дернулась, но сам он не издал ни звука.

Запоздало Берилл понял, что император может использовать не только прут, чтобы оставлять шрамы на спине. На самом деле, его он брал в исключительных случаях.

— Эй!

Берилл сделал несколько шагов к отцу, сам не зная, чего хочет. Агат поднял голову и посмотрел на него со страхом. Сейчас он не был принцем, который чувствовал магию в древнем городе. Он тоже был мальчишкой, который не мог ответить императору и знал, что всегда будет недостаточно хорош.

— Берилл... прошу тебя... уйди.

Он не хотел, чтобы Берилл смотрел. Не хотел еще одного брата, стоявшего в стороне.

Берилл никогда не был хорошим с точки зрения жрецов. Потому что пятый порок — гнев. Он мог захватывать, завладевать.

Император поднял руку, то ли желая снова ударить, то ли еще что, но Берилл перехватил. Взгляды отца и сына скрестились и вряд ли бы хоть один из них уступил.

— Смеешь перечить мне? — тихо спросил Рубин. — Никто не смеет. Я твой император.

— Ты мой отец. Ты наш отец.

Берилл не сразу понял, что произошло. Вот он смотрит на отца, а вот свободная рука того уже взметнулась и крепко приложила его в ухо. От неожиданности Берилл отшатнулся, отпустив императора. В голове зазвенело, но тут же прошло. И в звенящей тишине Берилл отчетливо услышал слова.

— Не смей. Его. Трогать.

Агат поднялся. В его голосе звучала затаенная, рокошущая в земле ярость. Пыль древних гробниц. Обещание боли. Ненависть. Агат терпел такое отношение к себе, но когда увидел подобное по отношению к брату, Берилл почти физически почувствовал, как внутри Агата что-то сорвалось.

Берилл никогда не был чувствительным к магии. Он наблюдал за грёзами со стороны, но ничего такого не ощущал. Да, порой сильные орихалковые вещицы вызывали что-то вроде дрожи на кончиках пальцев, но так бывало у всех людей.

В этот момент Берилл ощущал магию брата. Это не было грёзами. Что-то другое. Сильное, мощное и опасное, как обоюдоострый клинок, распустивший крылья, чтобы снести всё вокруг.

Берилл ощущал эту силу, которая наконец-то перестала гореть внутри Агата. Она вырвалась из него, подчинилась, ластясь к рукам, и последовала приказу.

Император отшатнулся, захрипел, схватившись за горло и выпучив глаза. Как будто не мог дышать. Или, скорее, как будто жар проник в его собственное тело, заставил кровь бурлить. Сделав несколько шагов назад, император упал на колени. Хрипя, он отпустил горло и схватился за грудь.

— Не смей. Его. Трогать.

Слова Агата звучали не громче шепота, но такие отчетливые. Он стоял и смотрел на упавшего императора, а потом всё разом стихло. Берилл ощущал себя так, будто вокруг него резко улеглась буря. Император лежал, не двигаясь, и сложно было понять, он мертв или просто отключился.

Берилл в растерянности смотрел на него и не мог отвести взгляд. Не зная, то ли стоит проверить императора, то ли подойти к брату.

Послышался странный звук.

Берилл не сразу понял, что этот звук — смех. Какой-то скрежещущий, болезненный. Агат поднял ладони и посмотрел на них, возможно, ощущая ту странную силу, которую спустил с цепи. Но выражение его лица было таким, будто его сейчас били или пытали. Словно он увидел и ощутил нечто ужасное.

— Зато теперь нет сомнений, что я монстр.

Берилл хотел ответить, но Агат махнул в сторону лежавшего императора, как будто хотел, чтобы брат проверил его. Берилл кивнул.

Когда он опускался на колени около императора, то услышал, как открывается дверь кабинета, и Агат стремительно уходит.

Бывший бродяжка сидел в полутемном храмовом помещении. Сладко пахло благовониями, а сытый желудок ощущался так приятно. Картины прошлой жизни порой мелькали перед глазами, но чаще он видел будущее.

Неясные тени, четкие указания. Служка стоял рядом, готовый записывать новые Истинные пророчества.

— Он уже здесь, — шептал бывший бродяжка, пока перед ним мелькали картины. — Принц, которому предназначено разрушить империю. Он всё уничтожит. Утопит в крови и огне.

16. Берилл

Однажды наставники сказали Бериллу, что помимо знаний, в принцах, как и во многих аристократах, воспитывают кое-что еще. Способность принимать решения в критических ситуациях, не терять присутствия духа, даже если мир вокруг рушится. Потому что кто-то должен отвечать, вести за собой.

Берилл не был уверен, что так уж хорошо справлялся.

Он рассеянно потер глаза, посмотрел на окно и с удивлением заметил, что уже смеркалось. В голове пульсировала притаившаяся боль, на столе лежали пачки документов, с которыми стоило разобраться, но мысли путались. На самом деле, Берилл не мог толком определить, чем и правда стоит заняться немедленно, а что вполне подождет.

В дверь постучали, и Берилл выпрямился за столом, позволяя войти.

Его кабинет не был особенно роскошным. Небольшой, без мозаик на стенах и драпировок, зато с изящными вазами, статуэтками и несколькими мечами на стене, которые представляли собой не оружие, а произведение искусства.

Даже в небольшом кабинете принца помимо рабочего стола нашлось место обеденному с двумя стульями. Порой вечерами Берилл именно здесь ужинал с Агатом, который в любое время предпочитал не сидеть на одном месте и уж тем более не запирается в кабинете.

Слуги проворно проскочили с подносами и начали расставлять блюда на столе. Следом вошла Яшма. Спокойная, невозмутимая — вот уж кто точно всегда владел ситуацией, даже когда казалось, что всё идет из рук вон плохо.

Закрытое имперское платье, стянутые в узел волосы — только на пальцах Яшмы красовалось несколько колец, в остальном же она избегала украшений. Считалось, что в трудные времена стоит отказаться от пышности.

Она тепло улыбнулась Бериллу:

— Так и думала, что ты себя изводишь и наверняка не ужинал. Составишь компанию?

— Еще дела...

Яшма подошла к столу и бесцеремонно взяла первую попавшуюся бумагу. Вскинула идеально очерченные брови:

— Прощение Анарского каганата? Ты же знаешь, что их послы смогут подождать? Просто хотят воспользоваться ситуацией и урвать послабление пошлин.

Берилл слабо улыбнулся:

— Ты явно понимаешь в этом больше меня.

— Потому что я сплю, — весело сказала Яшма. — А ты себя изводишь. Давай-ка, жаркое само себя не съест.

Спина действительно болела от долго сидения за столом, бумаги всё равно путались, да и в голове неприятно плыло, так что Берилл счел за лучшее согласиться. Жаркое пахло потрясающе, на маленьких тарелочках подали закуски и овощи. Хотя вместо вина слуги налили сок, это не укрылось от Берилла. Что ж, Яшма права: возможно, после вина он и смог бы уснуть лучше, но голову хотелось иметь ясную.

Кошмары мучили Берилла каждую ночь. К счастью, во дворце оставалось немного алхимических снадобий Ашнары, которые помогали. Они не могли полностью избавить от плохих снов, но хотя бы позволяли спать.

— Как император? — тускло осведомился Берилл.

На самом деле, ему не было интересно. Яшма пожала плечами:

— По-прежнему. Около него постоянно один из лекарей, жрецы окуривают помещение... ничего не меняется. Как и раньше, будто в склепе.

Берилл был у отца только в первый день. После того как сбежались воины, лекари. Императора перенесли в его покои, где Берилл бывал всего пару раз в жизни. Сначала все суетились, бегали, а Берилл пытался отыскать взглядом Агата, но брата не было.

Потом успокоились. Император дышал, но так и не приходил в себя. Окна его покоев занавесили, поставили лекаря. Берилл была благодарен Яшме, которая уверенно отдавала приказы, пока он сам пытался осознать, что произошло.

Чуть позже пришли лекари и грезящие с точными орихалковыми инструментами. Они смогли определить состояние императора.

Как ни странно, всех удовлетворила версия Берилла о том, что у отца что-то с сердцем. Лекари заявили, что его величество жив, но вряд ли очнется.

— Его душа перешла к новому рождению, — сказал один из жрецов. — Хотя тело по-прежнему живо.

Берилл растерялся от новостей. Так его и нашла Яшма, положила руку ему на плечо и мягко погладила:

— Ты ведь понимаешь, что это значит, Берилл?

Он промолчал, не уверенный, помнит ли, как произносить слова.

— Ты наследный принц, Берилл. Пока не умрет владыка, тебя не коронуют. Но ты будешь заниматься всеми делами Шеленара. Император во всем, кроме короны.

Наверное, ему сразу следовало взять себя в руки и начать быть таким же собранным, как Яшма. Отдать необходимые распоряжения... Бериллу стоило сосредоточиться. Вместо этого он выдал:

— Мне нужно поговорить с Агатом.

Только Агат с ним говорить не желал. Вообще с кем бы то ни было. Он заперся в своих покоях — впервые на памяти Берилла заперся. Конечно, мог бы просто сломать дверь, но нарушать таким образом желание брата не хотелось. Чем бы тогда Берилл отличался от отца?

— Поговори со мной, — просил Берилл сквозь закрытую дверь, утыкаясь в нее лбом.

— Не сейчас.

Голос Агата звучал ломко, но категорично. Берилл знал, что брат может быть не менее упрямым, чем он сам... да и сил спорить не осталось.

— Я поговорю с Турмалином, — сказала Яшма, отрезая кусочек мяса в тарелке. — Они слишком тебя нагрузили.

Первого советника императора чаще всего выбирали из семьи, считая, что так надежнее. Турмалин приходился то ли троюродным братом Рубину, то ли таким же дальним родственником. Деятельный сухонький старик, который с готовностью ввел Берилла в курс дела и вот уже несколько дней подкидывал документы.

— Я сам захотел, — возразил Берилл.

Ему так проще не думать о происходящем, сосредоточиться на делах и наконец-то осознать, что император не придет в себя. Особенно после того, как уехал Агат.

— Почему он даже не поговорил со мной? — Берилл не сразу понял, что задал вопрос вслух.

Агат не взял воинов. Только несколько лошадей и отправился в Ша'харар. Берилл узнал

об этом от Яшмы — с ней единственной брат всё-таки беседовал.

— Он боялся, — мягко сказала Яшма.

— Чего?

— Себя. Как я поняла, он хорошо контролирует странную силу, но всё равно опасался, что может навредить. А еще он боялся тебя.

— Меня? — опешил Берилл. Он опустил кусок жаркого, которое так и не донес до рта. С изумлением посмотрел на спокойную Яшму.

— Не тебя самого. Он боялся, что твое отношение к нему изменится.

— Из-за того, что он сделал?

— Из-за того, что ты его друг. Его старший брат. Возможно, единственный, чье мнение для Агата действительно важно.

Тогда, сидя у покоев императора и осознавая сказанное лекарями, Берилл пробовал отыскать в себе сочувствие к отцу, но не находил его. Рубин всегда был больше императором, нежели отцом. Берилл жалел его, как жалел бы любого человека, который заболел, но не смог молиться о его выздоровлении.

Яшма словно бы поняла это. Когда жрецы установили переносной алтарь и начали возжигать благовония, они предложили и Бериллу свечу о выздоровлении. Он смотрел на зеленый воск, чувствовал запах трав, но не мог заставить себя взять.

Яшма тогда забрала свечу и пояснила жрецам, что «принц слишком ошарашен».

Позже, наедине, Берилл рассказал ей обо всем произошедшем. Он просто не мог держать это в себе, Агат же разговаривать отказался. Яшма выслушала, не перебивая, задала несколько вопросов, но не начала бегать и кричать.

— Я плохой сын? — спросил тогда Берилл.

— Вовсе нет. Император не пытался быть вашим отцом. Его больше заботили завоевания и то, какие из вас выйдут воины. Мне жаль, что с ним произошло... такое. Но я понимаю вас. Если бы кто-то стал угрожать моим близким, я бы поступила так же.

Поэтому Берилл радовался, что позже Агат поговорил хотя бы с Яшмой. Она наверняка смогла отыскать правильные слова.

Яшма внезапно спросила:

— Ты ведь знаешь, что все считали Агата проклятым?

— Из-за дашнаданской крови.

— Да. Император никогда не пытался пресекать разговоры. Наоборот. По крайней мере, именно так рассказал мне Турмалин и другие. Алмаз был любимцем и наследником, ты тоже вполне удовлетворял императора, но не Агат.

Берилл кивнул. Он знал всё это.

— Я рада, что вы оба открылись мне, — продолжала Яшма. — Но ты знаешь, чего больше всего боялся Агат? О чем переживал?

Берилл покачал головой.

— Что окажется недостаточно хорошо для тебя, его брата и наследного принца.

Бериллу нечего было ответить.

— Я не имею представления, что у него за сила, — продолжала Яшма. — Но она явно поразила вас обоих. Агат боялся, что ты отвернешься от него. Что в твоих глазах он увидит, что ты его ненавидишь и считаешь проклятым. Как он сам считает.

— Он? Но это же не так! Не знаю, что у него за грёзы, но магия есть магия. В ней нет ничего чудовищного. Если бы он согласился поговорить...

— Он паниковал от одной мысли об этом. Дай ему время, Берилл. Это я посоветовала ему поехать в Ша'харар. Возможно, там он сможет понять свою силу. Но ты знаешь, почему он сразу не уехал? Не хотел оставлять тебя. И говорить с тобой боялся, но не решался уехать.

— Значит, это ты ему посоветовала.

— Здесь он начал сжигать самого себя, Берилл.

Жаркое закончилось, слуги принесли десерт, заставив прервать разговоры. За это время в мутной голове Берилла сложился четкий план. Едва за слугами закрылась дверь, он сказал:

— Я должен поехать в Ша'харар.

Он ожидал, что Яшма начнет отговаривать, возможно, напомнит о долге, но она снова мягко улыбнулась:

— Я ждала, когда ты это скажешь.

— Думаешь, мне тоже пойдет на пользу?

— Я займусь делами во дворце, Турмалин какое-то время поддержит порядок. Тебе стоит вернуться как можно быстрее, но да, я думаю, поездка в этот магический город пойдет на пользу и тебе, и брату. К тому же Агат упоминал о яде... если алхимик подготовила противоядие, прими его как можно быстрее.

Бериллу хотелось тут же вскочить и броситься к лошадям, но он понимал, что это плохая идея.

— Утром, — решил он.

После ужина Берилл сразу распорядился о том, чтобы его сопровождали несколько воинов, о припасах... он как раз собирался в свои покои и вспоминал, осталось ли еще снадобье Ашнары для сна.

От стены отделилась фигура и застыла перед принцем. Охрана тут же схватилась за оружие, но тень поклонилась.

Бериллу и самому на миг показалось, что это ходячий труп из его снов, он мог поклясться, что несколько мгновений видел отваливающиеся куски гниющей плоти. Но в глазах прояснилось, и тень обрела черты высокого мужчины со шрамом.

— Янвен, — сказал Берилл, узнавая главу шпионов.

— Ваше высочество. Принц Агат дал мне задание выяснить как можно больше о жрецах-эльхарах и пророчествах.

— Когда дал?

— Еще до отбытия экспедиции в Ша'харар. К сожалению, попасть во внутренние покои храма оказалось не так просто. Но мне удалось кое-что выяснить.

— Что именно?

Янвен замялся, и это удивило Берилла. Он не так часто общался со шпионом, но на робкого тот никак не походил.

— Ваше величество, у эльхаров есть бродяга, который сейчас выдает Истинные пророчества. Я думаю, вам стоит самому поговорить с ним.

Истинные пророчества. Можно поспорить, что именно этот бродяга вещает о принце-разрушителе.

— Говори, — резко приказал Берилл.

К его удивлению, Янвен не подчинился:

— Мои слова не будут ничего стоить. Вам нужно увидеть бродягу.

Что ж, Агат доверял Янвену, а Берилл подозревал, что у него всё равно возникнут проблемы со сном. Почему бы и не навестить в храм. Пусть думают, он возносит молитву о

здоровье императора.

Стоит только взять с собой охрану.

Бериллу четырнадцать. Он достаточно большой, чтобы сидеть за столом со взрослыми. Совсем скоро его собственный ритуал совершеннолетия, а для старшего брата Алмаза его уже провели.

Алмаз радостно улыбается на пиру. Он вообще удивительно гармонично смотрится на подобных мероприятиях. С легкостью говорит с министрами и поддерживает беседу с аристократами. Девушки улыбаются ему, а взрослые кивают. По крайней мере, именно так кажется Бериллу. Он сам будто бы необработанный кусок горной породы рядом с сияющим братом.

Берилл не имеет ничего против. В конце концов, таким и должен быть наследник, а его братьям следует оставаться верными и неамбициозными. При дворе рассказывали, как после восхождения на престол нынешнего императора его младшие братья погибли: один при вроде бы несчастном случае, а другого казнили, обвинив в измене.

Берилл читал об этом и сомневался, что всё было так просто. Его дяде не было смысла замысливать свержение императора, его никто не поддерживал. Агат согласился, а вот Алмаз резко возразил, что владыка не стал бы казнить без причины.

Украдкой Берилл смотрит на отца. Тот не улыбается, выглядит грозно, хотя и торжественно в богато украшенных одеждах. В его волосах заметен венец. Сегодняшний пир устраивают не просто так: при дворе это достаточно редкое явление, но сейчас заключили торговое соглашение с Эллемиром, так что скоро шерсть нанских коз будет доступна и в империи.

Алмаз заговорщически шепчет на ухо Бериллу:

— Десерт!

Он наклоняется так близко, что щеку Берилла царапает жесткий, расшитый бусинами воротник парадного камзола брата. Алмаз выпрямляется и улыбается, в этот момент не похожий на взрослого. Его лучистый взгляд будто бы вбирает роскошь, говор и музыку, царящие вокруг. Берилл верит, что отраженный от брата свет согревает и его.

Жаль только, Агат слишком маленький, ему пока нельзя присутствовать на пирах. Правда, он не такой, как Алмаз, ему не понравится. Хотя десерт он бы тоже оценил.

Слуги вносят блюда, на которых россыпь сахарных кубиков в пудре, тоненьких уложенных волокон с орехами, слоеных пирогов, сочащихся сиропом, леденцов из виноградного сока и тарелочек с яркими цукатами. У Берилла глаза загораются при виде этого изобилия, император явно не скупился, а повара постарались.

Но больше всего радуют уложенные рисовые шарики, внутри которых нежная начинка из мёда. Это блюдо пришло в империю с востока и готовилось довольно редко.

— Ого! — Алмаз совершенно неаристократично тычет брата локтем в бок. — Смотри-ка, твои любимые! А я думал, только жрецы знают, как ты любишь эти шарики.

Берилл надеется, что не краснеет. И правда, недавно в храме появилось несколько жрецов с востока, они готовили именно эту сладость, раздавая детям на службах. Берилл их просто обожал, как и Агат.

Но Агата здесь нет. Блюдо ставят перед Алмазом, и Берилл тут же тянется. К его

удивлению, брат тоже берет:

— Раз ты их так любишь, может, я чего не понимаю?

Он отправляет в рот сразу несколько шариков, а Берилл фыркает и откусывает собственный. Алмаз их не любит, но раз блюдо поставили перед ним... хотя на самом деле, перед Бериллом попросту нет места.

Алмаз съедает еще шарик, а Берилл успевает откусить половину второго, когда ощущает что-то странное. Зал как будто плывет, а звуки отдаляются. Становится очень жарко, и Берилл невольно тянется к вороту. Его будто обволакивает слабость, в которой вязнут все звуки — кроме хрипов. Медленно, тяжело Берилл поворачивает голову и видит Алмаза. Лицо брата побледнело, он пытается ослабить собственный ворот, а потом кричит, содрогаясь от боли.

Вокруг вскакивают люди, вроде бы звучат крики, но принцы будто отделены от остального мира. Звуки с трудом пробираются в сознание Берилла, он слышит только стоны Алмаза, видит, как бьется в конвульсиях его тело.

Атмосфера главного зала в храме всегда казалась Бериллу удушающей. Положение не спасали высокие потолки и большое пространство. Повсюду горели на алтарях свечи, аромат благовоний забивал нос.

Вокруг принца образовалось свободное место, охрана бдительно следила. Простые люди, пришедшие в храм, косились на Берилла, но опасались подходить ближе.

Из соседних помещений слышались песнопения.

Берилл с равнодушием мазал взглядом по алтарям, не желая сам ставить свечи. Если не задерживаться на каждом, казалось, что он посреди огня, почти как во сне. Сейчас это не вызывало особых эмоций. Наверное, если бы Берилл стоял в пожарище, он бы тоже не боялся этого. Он ощущал себя частью огня.

Он — это его сны, а его сны — это он.

Потерев глаза, Берилл подумал, что ему правда стоит вернуться в Ша'харар не только из-за Агата, но и ради противоядия. Голова болела так привычно, что он почти не замечал, грань между снами и реальностью совсем смазывалась.

— Ваше величество.

Подошедший лысый служка поклонился. На его ладонях виднелись оранжевые знаки.

— Первый среди эльхаров примет вас.

Берилл с трудом удержался от усмешки и кивнул. Попробовал бы жрец отказать наследному принцу, который почти император! Берилл молча пошел за жрецом, воины остались, но двое последовали за принцем. Он остановил их нетерпеливым взмахом руки. Эльхары не осмелятся напасть прямо в своей обители. А даже если и так... что с того?

Жрец вел длинными узкими коридорами, которые извивались, будто кишки в камне. Даже в подземном Ша'хараре не было такого гнетущего ощущения.

Наконец, коридор вынырнул в длинное помещение с нишами по одной стороне и алтарями по другой. Ниши закрывали плотные занавеси, а вот у ближайшего алтаря стоял сам На'лах Тарус, первый среди эльхаров. Шрам на щеке делал его мрачным, но Берилл заметил, что сегодня лысый жрец кажется спокойным.

Он стоял в свободных одеждах песчаного цвета, не торжественных, а обычных

жреческих. Фигуру окутывали жемчужные нити, на сложенных руках красовались чуть поблекшие оранжевые знаки.

— Мы подозревали, что вы придете, ваше высочество, — поклонился На'лах.

— Неужели? Вычислили, что к вам пробрался шпион?

— И это тоже. А еще то, что произошло с императором. Мы не знаем, начал ли действовать Разрушитель, но пророчества утверждают, что он проснулся.

— Я хочу видеть вашего провидца. Бывшего бродягу.

На'лах явно растерялся. Похоже, он не ожидал подобной просьбы, и она выбила почву у него из-под ног.

— Ваше высочество, не думаю...

— Отведи меня к провидцу. Это приказ. Осмелишься нарушить?

Сначала Бериллу показалось, На'лах именно это и сделает. Из оружия при Берилле оставался кинжал, когда-то подаренный Агатом, и он невольно к нему потянулся. На этот раз Берилл не собирался молча терпеть и уходить. Он выяснит всю правду, чего бы это ни стоило.

Плечи жреца опустились, он указал на одну из закрытых тканью ниш. Берилл хмыкнул:

— Вот и прекрасно. Вы хотели убить Агата, но больше этого не повторится. Никогда.

— Агата?

Что-то в голосе жреца заставило уже шагнувшего к нише Берилла замереть и развернуться. На'лах как-то грустно покачал головой:

— Мы хотели убить будущего Разрушителя. Верили, что можно остановить его до того, как проснется. Но мы никогда не желали причинить вред принцу Агату. Он должен был бы стать нашим императором.

Берилл с недоумением смотрел на жреца. Сказанное постепенно укладывалось в его голове. На'лах продолжил:

— Это всегда был ты, принц Берилл. Провидцы называли твое имя десять лет назад. Только ты ел рисовые шарики, а яд действовал быстро.... наша величайшая ошибка, что тогда пострадал принц Алмаз. Но пророчества стихли, мы полагали, что сумели такой высокой ценой избежать Разрушителя. Оказалось, нет.

Берилл смотрел на жреца во все глаза, но тот верил в то, что говорил. Он не врал. Да и Берилл... ему всегда казалось странным, почему Алмаза отравили именно таким блюдом. Просто ни у кого не возникало сомнений, что покушались на наследного принца. Кому мог понадобиться Берилл?

— Это всегда был ты, — тихо сказал На'лах. — Я чую кровь. Ты был рожден, чтобы проливать кровь, мальчик. Ты сожжешь империю.

Берилл отступил на шаг. То есть все безумные пророчества были о нем?

Агат пострадал из-за него? Алмаз умер... из-за него?

Берилл хотел прошептать «нет», но собственные губы не слушались. Казалось, огонь из снов обступает со всех сторон.

— Мы пытались предотвратить это, — сказал жрец, опуская глаза. — Но нельзя пойти против высших сил. Мы ничего не смогли. Пророчества утверждают, что принц Берилл станет разрушителем и безумным императором.

— Это ваш яд делает меня безумным!

Берилл крутанулся, желая убежать как можно дальше, скрыться и больше никогда не думать о том, что это из-за него пострадали оба брата. Он ведь так хотел их защитить! Всех.

С чего ему разрушать?

Каменные стены давили до духоты, до стиснутого дыхания. Берилл чувствовал не аромат благовоний, а запах гари. Он не был уверен, полыхает ли вокруг воображаемый пожар.

Или его собственный мир попросту рушится в огне.

Янвен, шпион, говорил о бродяжке-пророке. Берилл уцепился за спасительную мысль. Возможно, эти Истинные пророчества укрепят его распатывающийся мир. Решительно отдернув занавесь, Берилл увидел просторную нишу, в которой сидел человек в одежде жрецов. Он скрестил ноги и чуть покачивался. Рядом примостился служака с листьями, он вскочил, но не помешал и ничего не спросил.

Берилл опустил перед бродяжкой. В сидящей фигуре сквозило что-то знакомое. Что-то на границе узнавания.

Бродяжка открыл глаза и посмотрел на Берилла. Его борода казалась спутанной, но была короткой, так что легко представить без нее. Главное, взгляд был тем же самым. Когда-то в нем отражалось солнце и одаривало самого Берилла. Теперь теплились лишь огоньки жреческих свечей.

— Нет, — прошептал Берилл ошарашенно. — Это не можешь быть ты. Ты же умер.

Бродяга моргнул, но в его взгляде не возникло узнавания, только что-то вроде затаенного безумия. Может, он и смотрел в будущее, но точно не в настоящее или прошлое.

— Принц Алмаз выжил после той ночи, — негромко сказал На'лах за спиной. — Он обезумел, ничего не помнил, никого не узнавал. Мы забрали его в храм. Он много раз сбегал, его тянуло во дворец... но за все десять лет он так ничего и не вспомнил. Мы заботились о нем во искупление наших грехов. Отыскивали и возвращали.

— Почему отец... — голос Берилла сорвался. — Почему ни разу не говорил?

— Его величество ни разу не спрашивал о принце. Думаю, он списал его со счетов. Ему не был нужен безумный принц, который пускал слюни.

Берилл протянул руку, желая коснуться брата и с удивлением замечая, насколько он сам дрожит. Алмаз смотрел прямо на него, но явно не узнавал.

— Ты новый жрец? — добродушно спросил он. — Или ты принес еду?

— Вспомни меня, Алмаз. Ты мой брат.

Он нахмурился, потом его взгляд прояснился, и Берилл на миг обрадовался, но вместо узнавания Алмаз снова заговорил о пророчествах:

— Принц, который разрушит империю! Он уже здесь. Его надо остановить!

Рука Берилла упала, так и не коснувшись Алмаза. Берилл не имел права трогать брата. Не имел права осуждать отца. Потому что на самом деле всё произошло из-за него. Алмаз потерял рассудок... может, было бы милосерднее, если он правда умер. Агат тоже всегда без колебаний шел за Бериллом, и где он теперь?

Берилл снова видел перед собой живой разлагающийся труп, только теперь он принадлежал Алмазу. Брат смеялся безумным смехом, и это не было сном.

Берилл поднялся и решительно пошел из храма. Он отдал четкие указания, решив не дожидаться утра, и кто бы мог поспорить с принцем? Лошадей оседлали быстро, несколько воинов не задавали вопросов, подхватив седельные сумки.

Смерть Алмаза стала потрясением, а теперь оказалось, это он ее спровоцировал. Берилл так хотел защитить Агата, но отталкивал, только чтобы в итоге привести в Ша'харар — город, который разбудил магию.

Пришпоривая лошадь, Берилл знал, что ему нужно сделать. Действовать решительно, чтобы хоть что-то исправить, хоть кому-то помочь и защитить. Жрецами он займется позже, пусть пока заботятся об Алмазе.

Раз Ша'харар так повлиял на Агата, значит, нужно уничтожить город. Сжечь дотла.

Берилл скакал к Ша'харару и больше не задавался вопросами. Ему не мешала постоянная головная боль, пульсировавшая в висках. Он видел пылающие вокруг пустоши и не думал, настоящий ли это огонь.

Он сожжет всё, что мешает. Всё, что встанет на пути.

17. Агат

Агат проснулся с тяжелой головой и мутным воспоминанием, что именно видел во сне. Впрочем, ничего нового, реальность стала такой же ужасной.

Усевшись на кровати, Агат потер лицо, сбрасывая последние остатки сна. Тут, под землей, понятие дня и ночи смешалось, так что многие предпочитали спать не в комнатах Ша'харара, а во временном лагере наверху, около озера.

Агат не видел ничего ужасного в «каменной коробке», как о ней отзывались воины. Небольшая комната напоминала ему помещение в храме, правда, без украшений и мебели. Обтесанный каменный выступ представлял собой кровать, которая даже со спальником и настоящим одеялом казалась жесткой. Тишин предлагала принести хотя бы стул, но Агат отказался.

Он и отдельное помещение хотел только из опасений о своей странной силе. Во сне он точно не смог бы себя контролировать, если что.

Комнатка была совсем крохотной, поднявшись с кровати, Агат мог дотянуться рукой до запертой двери, подгнившей, деревянной, но всё равно неплохо сохранившейся. Ступни тут же начали подмерзать от земли, тело покрылось мурашками, и Агат быстро оделся.

Дверь комнаты выходила в коридор, который вел в главный зал. Каэр предположил, что здесь останавливались те, кто приезжал в Ша'харар, но по каким-то причинам не допускался дальше. Или им попросту было удобнее спать тут.

Стены главного зала мерцали светящимися прожилками, фонтан по центру негромко журчал. Около него толкалось несколько ученых, умываясь и бреясь. Чуть в стороне расположились женщины, обсуждавшие план на день за кашей. Каэр, конечно же, возмущался, что они превращают в кухню и столовую зал «былой мудрости, где читали книги», но после первого же завтрака, как рассказала Тишин, сменил гнев на милость.

Сама Тишин сегодня отвечала за раздачу еды. Около нее как раз стояли грезящие, но Кфар Шемета видно не было. Наверняка еще не проснулся, он любил засиживаться за исследованием залов допоздна, полностью игнорируя обычную смену дня и ночи.

Агат кивнул Тишин, но сначала тоже отправился к фонтану. Двое ученых не столько приводили себя в порядок, сколько спорили о плитке, которая украшала дно. Один был уверен, что она не носила декоративного характера, другой тыкал в какие-то облупившиеся кусочки и утверждал, что раньше ее покрывала небесно-голубая глазурь «для красоты».

Агат считал, что куда больше внимания привлекает стела в центре фонтана, испещренная символами и рисунками, но можно было не сомневаться, что ею тоже занимаются.

Благоговения перед принцем ученые не испытывали, поэтому только кивнули ему и продолжили спор. Агат усмехнулся и опустился у фонтана. Плеснул в лицо водой, поскреб начавшую отрастать щетину, но решил, что сегодня обойдется без бритвы.

Маги и ученые очень быстро нашли общий язык и единственные оставались в Ша'хараре постоянно, презрительно фыркая в сторону лагеря на поверхности. Они не хотели терять ни мгновения.

Каэр сидел за каменным столом, который раньше явно использовали для чтения. Изувеченной левой руки видно не было, рукав ненавязчиво заправлялся за пояс. Второй рукой Каэр проворно орудовал ложкой в миске, при этом умудряясь не отрываться от

разложенной перед ним бумаги. Мельком Агат заметил, что это похоже на карту.

Наверняка Каэр всю планировал работы на ближайшее время. Именно он координировал ученых и с ним же советовался Кфар Шемет о грезящих. Пусть у них разные способы и даже цели, но они работали сообща и если не помогали друг другу, то старались хотя бы не мешать.

Под бдительным взглядом Тишин слуга выдал Агату порцию каши. Принц рассеянно огляделся и направился к столу Ашнары. В отличие от Каэра, она не изучала документов и не имела такой привычки за завтраком. «Всему свое время», заявляла она. Кажется, чем занимается алхимик, оставалось тайной вообще для всех, хотя она порой присоединялась то к ученым, то к магам. Немногие знали, что с ней Каэр обсуждает всё обнаруженное. Если он руководил экспедицией в Ша'хараре, то именно Ашнара оставалась мозгом происходящего.

У нее единственной имелась собственная лаборатория: большое каменное помещение, в котором заменили сгнившую дверь. Никто не решался туда заходить, Ашнара настрого запретила даже слугам.

Именно там прятался Агат, когда только вернулся в Ша'харар. Рассказывал Ашнаре обо всем, что произошло. Она настаивала и на грезящих, хотя бы Кфар Шемете, но Агат наотрез отказывался. Ему казалось, маги и раньше-то его не жаловали, а теперь особенно.

Ашнара умела настаивать. К удивлению Агата, Кфар выслушал спокойно, задумчиво поглаживая подбородок, а потом выдал что-то вроде:

— Ну, это многое объясняет.

Агат искренне не понимал, что это может объяснить, но Кфар пожал плечами, не вдаваясь в подробности. Еще многое нужно изучить и, возможно, именно в Ша'хараре найдутся ответы.

— Твоя магия не похожа на грёзы, зато напоминает местную. Явно один источник. Мы нашли зал, который посвящен истории и магии, но нужна расшифровка.

Спокойствие грезящего и Ашнары повлияло на самого Агата. Он настоял на отдельной комнате, не отказался от новых успокоительных зелий и впервые с того дня у императора нормально спал.

Позже Ашнара как ни в чем не бывало заявила, что ему нужно установить с Каэром работу лагеря, а после присоединиться к грезящим и к ней в исследованиях. На организационные вопросы ушло несколько дней, но сегодня Агат мог наконец-то двигаться дальше.

Он уселся перед Ашнаркой и принялся за кашу, которая оказалась на удивление вкусной. В нее даже сушеные фрукты добавили! Конечно, не трапеза во дворце, но от одного воспоминания о дворце Агата начинало подташнивать.

— Как спалось? — спросила Ашнара.

Она успела одеться в плотное одеяние, под юбкой с длинным разрезом прятались традиционные имперские женские штаны. Волосы Ашнара заплела в косы и убрала, а на пальцах уже поблескивали кольца.

— Снилось, что магия убивает, — честно сказал Агат. — Мне с детства такое снилось. Очень редко. Думаешь, я видел будущее?

Ашнара выразительно подняла бровь:

— Ты знаешь, что я думаю об имперской любви к пророчествам. Ни одно из них не гарантия и не приговор. И даже вы верите, что даром пророчества обладают только определенные жрецы.

— Эльхары.

— Вот именно. Сны — это просто сны. Любой жрец тебе так скажет. Тут я с ними даже согласна.

Агат опустил глаза, продолжая орудовать ложкой. Всё так, он и сам прекрасно помнил эти простые истины. Поэтому никогда не придавал значения подобным видениям.

— Это не ты, это твой страх, — сказала Ашнара. — Ты видишь то, чего боишься. И в тебе, и в Берилле очень много страха.

Агат вздохнул:

— Я до сих пор не уверен, что стоило уезжать.

— Агат, ты помнишь, как приехал сюда? Загнал лошадей, чуть не потерялся, и большинство до сих пор не представляет, как ты добрался до Ша'харара без карты.

— Меня вела магия...

— Расскажи об этом своим воинам. Но ты помнишь? Ты двух слов связать не мог и только после чая наконец-то рассказал, что произошло. Поверь, в этом чае было достаточно успокаивающих трав. Вряд ли в таком состоянии ты мог помочь Бериллу хоть в чем-то. Тем более, на днях должна прибыть новая партия ученых. Они расскажут, что творится в Кахаре.

Агат кивнул. К сожалению, Ша'харар не был обычным городом, к которому постоянно курсировали гонцы. Путь в столицу только налаживался, поэтому не представлялось возможным быстро узнавать новости.

Новая экспедиция ученых должна прибыть на днях, Агат надеялся, они расскажут, что происходит в столице. Он не стал говорить Ашнаре, что планировал вернуться к Бериллу, захватив противоядие — оно как раз настоялось. Ашнара, конечно, фыркнет, что ему нужно остаться в Ша'хараре, но не будет возражать. Она больше него волновалась за Берилла.

— Ты нашла то, что искала? — перевел тему Агат.

Ашнара фыркнула:

— Да-да, разгадала все тайны Ша'харара, пока ты спал! Если ты о ключе, то нет, мы не продвинулись. Но я хочу, чтобы ты посмотрел.

— Ты знаешь древние языки, грезящие взаимодействуют с магией... я-то что могу?

— Ты лучше понимаешь Ша'харар.

Агат закатил глаза, но возражать не стал. Возможно, Ашнара правда так считала. А может, не хотела, чтобы он болтался без дела и слишком много думал.

Как бы то ни было, после завтрака Агат покорно последовал за Ашнарой вглубь ша'харарских залов, следуя за светящимися прожилками. Агат обратил внимание, что ученые тянулись в другие коридоры, видимо, здесь изучением занимались только грезящие и алхимик.

— Кстати, Тишлин решила отказаться от свадьбы, — как бы между прочим заметила Ашнара.

— А мне ты это зачем говоришь?

— Просто делюсь новостями. Она уже отправила письмо жениху, наверное, сейчас должен получить. Тишлин отлично тут справляется. Каэр тоже.

— Его руке явно лучше.

— Мне пришлось самой заняться этим. Пара настоек избавили от боли, а с учеными придут и новые лекарства из храма. Каэр на удивление быстро приспособился. О, мы пришли.

Агат ожидал очередной маленькой комнаты или, наоборот, огромного пространства, но

зал был... средним. И очень красивым. Округлым, древние как будто вообще избегали углов. Вдоль стен светящиеся колонны, искусно украшенные резьбой.

Потолок терялся во тьме, пол на удивление гладкий. А вот стены покрывали многочисленные мозаики и письма, но Агат быстро понял, в чем проблема. Он подошел к ближайшей и пригляделся.

Ее покрывали пятна, похожие на плесень. Агат аккуратно поскреб пальцем и понял, что это странное вещество, будто камень просочился вверх.

— Счищается? — спросил он.

Ашнара покачала головой:

— Я думаю, еще одна защита. Судя по карте, в этом зале хранится история магии древних, но они надежно скрыли ее. Даже письма видны таким образом, что нельзя прочесть полностью.

— И как это снять?

— Грезящие пробовали по-разному. Кфар допоздна сидит в этом зале, но, как видишь, без результата. Они думают, здесь важные нам ответы. Я согласна с ними.

— И что, счищать вручную?

— Есть риск повредить. Поэтому я хотела, чтобы посмотрел ты, Агат.

— Я?..

— Твоя магия резонирует с местной. Она уже сняла защиту со входа в город, может, сработает и здесь.

— Моя магия только разрушает! — резко заявил Агат.

Он даже отступил на шаг. Ашнара спокойно положила руку ему на плечо:

— Я знаю, Агат, ты не использовал силу с того дня. Но попробуй здесь. Я уверена, ничего твоя магия не разрушит. Она отзывается на желания.

— Да уж, — буркнул Агат. — Это я хотел разрушать.

— Ты хотел ответить. Защитить брата. В этих желаниях нет ничего плохого. Попробуй.

При одной мысли о том, чтобы вернуть ту магию, что-то внутри Агата замирало. Ашнара права, он боялся. Страх угнездился в нем, пустил корни и опоясал, как световые жилы местный камень.

Но Агат не желал всю жизнь бояться.

— Ты могла бы, — попросил он, — могла бы уйти?

— Не хочешь при мне?

— Я видел, что эта магия делает. Вдруг случайно заденет меня.

— О, поверь, у меня есть пара талисманов на этот случай! И Берилла же твоя сила не тронула. Ты этого не хотел.

Агат молчал. Ашнара кивнула:

— Ладно, если тебе так проще.

Оставшись в одиночестве в зале древних, Агат глубоко вздохнул. Он не очень понимал, что делать и уж точно не думал, что выйдет что-то путное. Но Ашнара попросила, и он должен хотя бы попытаться. Конечно, мелькнула мысль ничего не делать, но Агат быстро ее отбросил. Это трусливо и нечестно по отношению к Ашнаре. Она уже помогла ему. Он может хотя бы попытаться.

Прикрыв глаза, Агат позволил себе ощутить магию точно так же, как до этого чувствовал грёзы. Возможно, если б он никогда не имел с ним дела, это вызвало бы проблемы. Скорее всего, тогда он не смог бы так просто контролировать силу. Но принца с

детства обучал грезящие, он знал, как сосредоточиться и ощутить магию.

Она плескалась внутри него. Податливая и отзывчивая, какими никогда не были обычные грёзы. Казалось, эта магия просила, чтобы ее зачерпнули и использовали. Агат же умел направлять.

Он позволил магии течь сквозь себя, касаться стен зала, вибрировать в унисон с древними мотивами грёз, которые оказались вплетены в это место. Не открывая глаз, Агат знал, что странные наросты исчезают, уходят обратно в камень. И всё равно, открыв глаза, ахнул от неожиданности.

Мозаики сияли ровным белым светом, изображения казались яркими, а письмена рядом с ними четкими.

Некоторые грезящие, как и Ашнара, знали этот язык, но Агат его не изучал. Как-то попытался, но у него не оказалось ни малейших способностей. Да и желания особо не было, выучить язык Хор-Меневата представлялось куда полезнее.

Услышав голос Агата, или почувствовав магию, вернулась Ашнара. Ее глаза распахнулись, когда она увидела стены.

— Потрясающе! — выдохнула она.

— Что здесь написано?

Ашнара подошла к первой картине на левой стене. Она представляла собой огромную мозаику со множеством людей, ярких красок, странных инструментов. Агат предположил, что это и есть древние. Почти у каждого в руках горел огонек — считалось, едва ли не все древние обладали магическими силами.

Надпись тут была совсем короткой, и Ашнара быстро перевела ее:

— Бесстрашные дети, сломленные отроки, расскажите, что значит гореть.

Агат нахмурился. Красиво, конечно, но совершенно непонятно. Прежде чем перейти к следующей мозаике, Ашнара повернулась к нему, чтобы пояснить:

— Это о магии. На древнем языке «гореть» означает примерно то же, что «использовать магию». Почти все они горели.

Следующая мозаика показывала тех же людей, но яркие краски поблекли, а огней в руках почти не осталось. Тут надпись казалась подлиннее, но Ашнара справилась с ней быстро:

— Как вода уходит в песок, так и магия уходит в землю, когда исчезает.

Похоже, здесь Ашнара поняла не больше Агата, потому что перешла сразу к следующей мозаике. Никаких людей, только изображение морских волн и спирали, которая из них поднималась. Древние письмена занимали половину места, и Ашнара надолго замерла, пока читала их.

Скучающий Агат посмотрел несколько следующих мозаик, там не оказалось слов, зато красовались изображения деревьев и садов. На одном из последних фрагментов только слова, без картинки.

— Агат, — позвала Ашнара.

Она повернулась к нему с сияющими глазами, потом указала на письмена.

— Здесь говорится, что магия подобна волнам. Очень поэтично посреди пустошей, конечно. Так вот, магия уходит в землю и исчезает, чтобы спустя время возродиться с новой силой. Древние верили, что это постоянный и неминуемый процесс. Они открыли его, когда их собственная магия начала меркнуть. Они оказались не готовы, многие погибли при этом...

— Подожди, — перебил Агат. — Те самые древние? Хочешь сказать, они исчезли именно из-за того, что их магия угасала?

— Да. Их культура была построена на магии. Они верили, что ей на смену придет другая волна, но владеть ею смогут следующие поколения.

— Грёзы, — осенило Агата. — Их магия ушла и появилась наша.

— Да. Хотя мы свою называем грёзами только из-за того, что так звалась древняя. Но она была иной. Я думаю... думаю, именно поэтому сейчас слабеют грёзы и орихалк. Это следующий виток. Настал черед и нашей магии уменьшиться.

— И ей на смену придет иная?

— Не совсем. Тут говорится, что древние нашли способ выхода из этого цикла.

Ашнара прошла мимо изображений деревьев, скользнув по ним взглядом, остановилась перед последними письменами. Но и без них Агат уже начал понимать. Он это ощущал. Поднял руку и призвал грёзы — теперь они явились быстро, замерцали искрами у пальцев.

— Это не тюрьма, — прошептал Агат. — Это оранжерея! Древние запечатали город, но оставили здесь ростки магии.

— Да! — отозвалась Ашнара, не отрываясь от мозаики. — Они ушли, но в центре своих знаний, Ша'хараре, запечатали зерна магии. Сотни лет она росла и крепла, чтобы однажды быть выпущенной и напитать магию мира.

— А древние? Они все погибли?

— Нет. Те, кто выжил, ушли на восток. Я так понимаю на земли, которые мы зовем Дашнаданом. Там не поклонялись привычным богам и не было той магии, которая угасла. Поколения за поколениями древние жили там, но однажды должны были вернуться, чтобы освободить магию Ша'харара.

Ашнара обернулась к Агату:

— Неужели ты не понимаешь?

Он покачал головой. Пока не очень.

— Алхимики изучали дашнаданцев, — сказала Ашнара. — Ну, как могли. У них было несколько очень чувствительных к магии родов. Если верить этим письменам... двенадцать магических родов древних. Они продолжили существовать в Дашнадане. Я уверена, если изучить тебя и твою кровь, окажется, что ты один из их потомков. Возможно, именно поэтому твоя мать пришла в Шеленарскую империю. Если бы она осталась жива, то наверняка стала бы уговаривать императора отыскать Ша'харар. Или знала точно, где город! Она знала, что однажды кто-то из ее рода или других одиннадцати доберется до Ша'харара и откроет его.

— Чтобы выпустить ростки магии?

— Чтобы старая магия напитала новую! Процесс уже начался, когда мы открыли двери. Я уверена, очень скоро грёзы станут мощнее, чем раньше, а сила орихалка вернется. Наверняка начнут появляться и маги с новой силой. Вроде тебя.

— А раньше почему их не было?

— Не сомневаюсь, что последние несколько поколений были. Откуда мы знаем, сколько подобных тебе сгорело в своей магии? Потому что Ша'харар был закрыт. Потому что никто не добрался до него. Я уверена, местная магия созрела десятки лет назад!

Ашнара провела кончиками пальцев по письменам:

— Принц, который вернет древнюю магию.

Агат смотрел на Ашнару с удивлением, а она рассмеялась, едва ли не хлопая в ладоши.

— Ты не монстр, Агат! Ты чудо.

Он сидел в маленькой каменной комнатке и смотрел на свои руки.

Агат никак не мог поверить в то, что прочитала Ашнара. Она тут же потащила его в общий зал, где как раз завтракал Кфар Шемет. С восторгом начала ему рассказывать, Агат же пробормотал, что ему нужно к себе. К счастью, никто его не останавливал, и он улизнул от навязчивого внимания Ашнары. Он понимал ее возбуждение, алхимик, которая не только разгадала тайну исчезновения древних, но и пересмотрела фундаментальные законы магии.

Она полагала, если бы Ша'харар открыли раньше времени, ничего бы не произошло. Он остался мертвым даже с потомками тех самых дашнаданцев. Но когда магия созрела, то ждала только того, кто сможет открыть.

Ашнара даже считала, что Каэр не просто так нашел нужные ему упоминания и смог отыскать город. Скорее всего, те самые потомки двенадцати снабдили книги сведениями, по которым умные люди смогли бы отыскать город.

Возможно, несколько книг Каэра принесла в императорскую библиотеку даже мать Агата.

Он же пока не мог всего этого осознать. Это он-то, принц с проклятой кровью, открыл Ша'харар и вернул древнюю магию? Да, грезящие говорили, будто магия тут другая... возможно, теперь она просачивается сквозь землю обратно. Питает грёзы, орихалк.

Всё потому, что Агат оказался в нужном месте. Но разве он этого достоин? Только не он. Наверное, это чья-то дурная шутка.

В дверь его комнаты забарабанили, и Агат встrepенулся. В один шаг преодолел расстояние и открыл. На пороге стояла слуга, явно встревоженный.

— Ваше высочество! Там, наверху... прибыл принц Берилл. Он требует вас. И он... кажется, он не в себе.

Когда Агат выскочил из врат Ша'харара, он замер, неистово моргая и пытаясь привыкнуть к яркому солнечному свету. Как оказалось, день в подземных залах и день на пустоши очень отличались.

Рядом с озером в котловане меж холмов расположился временный лагерь экспедиции, который грозил стать постоянным. Между шатров развешивали сушиться белье, горели костры, здесь же готовили еду и жили все воины.

Сейчас они стояли нестройной толпой, явно не понимая, что им следует делать. Потому что перед воротами расхаживал Берилл. Его взмыленную загнанную лошадь держал чуть дальше конюх, сопровождавшие воины устало спешили.

Берилл казался полным энергии. Он метался из стороны в сторону, будто загнанный зверь. В одной руке держал кинжал, а в другой зачем-то факел.

Ашнара уже стояла тут и сразу перехватила жмурившегося Агата, сунув ему что-то в руки:

— Заставь его выпить.

Агат не смотрел, но на ощупь понял, что это пузырек с алхимическим зельем.

Противоядие. Рассеянно кивнув, Агат двинулся к брату. Тот его наконец-то заметил:

— Агат!

— Берилл, — осторожно сказал Агат, — ты вообще когда в последний раз спал?

Берилл и правда выглядел так, будто всю дорогу нещадно гнал. Глаза у него покраснели, одежда в небрежности и пыли.

— Ты здесь! — сказал Берилл. — Почему ты не поговорил со мной?

Агат растерялся. Он не думал, что первым делом Берилл будет спрашивать именно об этом. На виду у всех, перед воротами Ша'харара. Крепче сжав пузырьки, Агат ответил:

— Испугался. Я... — голос дрогнул, и он закончил тише, так, чтобы слышал только брат. — Я испугался, что не тот брат, который тебе нужен.

— Ерунда!

— Может, ты опустишь кинжал, и мы поговорим?

Берилл как будто с недоумением посмотрел на кинжал в руке, а потом сунул его в ножны. Возможно, он угрожал кому-то, кто подошел ближе и пытался вразумить.

И даже сейчас, в таких обстоятельствах, Агат не мог не испытать радость. Будучи не в себе, Берилл всё равно принимал его. Он тоже должен сделать для Берилла всё, что может.

— Ты знаешь, что Алмаз жив?

— Что?

Агат не успевал за скачущими мыслями Берилла. К тому же, что за ерунду он говорил?

— Берилл, Алмаз умер десять лет назад.

— Нет. Он сошел с ума от яда и отец сослал его в храм. Я видел Алмаза. Он не помнит ничего о себе.

Агат глянул на Ашнару, и она пожала плечами: значит, с морозником такое действительно возможно. Неожиданно Берилл хрипло рассмеялся и развел руками. В одной он по-прежнему держал факел.

— Он сошел с ума так, как сейчас схожу я! Один ты среди нас нормальный.

— Разрушитель.

— Вовсе нет! Жрецы заявили, что пророчества были обо мне. Так что из-за меня они случайно отравили Алмаза. Ранили тебя. А отец выбросил Алмаза, как мусор!

Агату стало не по себе. Если всё это правда, тогда понятно, почему Берилла совсем накрыло. Как говорила Ашнара, в них обоих слишком много страха.

— Но со мной всё в порядке, Берилл. Смотри, и я, и Ашнара здесь. Всё хорошо. Опусть факел, давай сядем, и ты спокойно расскажешь.

— Сначала уничтожу Ша'харар.

— Что? Зачем?

— Это то, что я могу делать. И разве не должен разрушать? Ха! Смотри, Агат, тут уже повсюду огонь. Вокруг меня огонь. Это пламя!

Берилл взмахнул факелом, но пока не двигался с места. Его взгляд лихорадочно бегал.

— Ша'харар причина всех бед. Его знания не принесут ничего, кроме новой боли. Я сожгу его!

Берилл с удивительной прытью двинулся вперед, и Агат отчаянно пошел ему наперерез, вставая перед воротами города:

— Ты рехнулся? Там же люди! Хочешь, чтобы они пострадали?

Это немного отрезвило Берилла, он замер и тряхнул головой, шепча что-то без слов. Агат понял, что это единственное слово — «огонь».

— Послушай, Берилл...

— Ша'харар разбудил в тебе ту силу, от которой ты мучаешься. Его надо сжечь!

— Да это моя сила!

Агат снова попытался перехватить Берилла и зашипел, когда факел неловко мазнул по плечу. Особой боли Агат не ощутил, зато рукав рубашки тут же обуглился. Наверняка кожа пойдет волдырями.

Агат ухватился за руку и посмотрел на Берилла:

— Это моя сила! Город тут ни при чем. Хочешь и меня сжечь?

Берилл дрогнул. Он во все глаза смотрел на плечо Агата. Ошарашенно опустил руку с факелом. Рядом тут же оказалась Ашнара, ловко перехватывая. Она легонько погладила Берилла по спине, вполголоса говоря о том, что всё хорошо. Берилл растерянно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Агата:

— Я всегда хотел защищать... почему каждый раз выходит иначе? Из-за того, что я разрушитель?

— А ты хочешь им быть? — спросил Агат. — Или ты хочешь быть собой? Наследным принцем, моим братом, возлюбленным Ашнары. Предсказания всего лишь предлагают путь. Каким ты хочешь идти?

Агат протянул руку с пузырьком, не сомневаясь, что Берилл поймет, что это такое. Тот смотрел несколько долгих мгновений, а потом решительно взял и залпом проглотил. Закашлялся. Перевел дыхание.

— Вот и прекрасно, — проворковала Ашнара, продолжая гладить Берилла по спине. — Пойдем-ка, тебе надо отдохнуть, а противоядию подействовать. А тебе, Агат, стоит обработать ожог.

Ашнара вертела в руках письмо от Круга алхимиков и едва заметно улыбалась. Услышав, как зашевелился Берилл, она обернулась.

Во временном лагере Ша'харара, конечно, не было дворцовых удобств. Ашнара и принц устроились в повозке алхимика, куда никто не решался заглядывать. Берилл приподнялся среди одеял и сонно посмотрел на Ашнару:

— Иди сюда.

Ашнара притворно закатила глаза:

— Мой принц, ты слишком ненасытен!

— Эй, я имел в виду, расскажи, что говорит Круг. Но ход твоих мыслей мне тоже нравится.

Ашнара скользнула в постель и удобно устроилась в объятиях Берилла. Она до сих пор каждый день проверяла его кровь, но алхимия показывала, что следов яда больше не осталось.

Агат наверняка однажды проговорится, из чего было сделано то зелье, но Ашнара сообщать об этом не собиралась, сколько бы ни спрашивал Берилл.

— Ну, я заявила, что хочу связать свою жизнь с принцем, как думаешь, что сказал Круг?

— Ты слишком довольна.

— Ввиду важности моих исследований в Ша'хараре, они готовы пойти на исключение из правил и позволить.

— Важности исследований?

— Да-да, не хотят терять здесь своего человека. Как я и думала. Хотя попозже мне всё равно придется отправиться в небольшое путешествие. Хочу попытаться лично убедить их, что пора пересматривать правила. Надеюсь, к тому моменту я найду в Ша'хараре то, что ищу.

Берилл не скрывал чего хотел, первым предложил, но не давил на Ашнару и сказал, что примет любое ее решение. Поэтому Ашнара написала в Круг, готовая покинуть его, если придется. Никто ведь не запретит ей использовать то, что уже есть у нее в голове? И не выгонит из Ша'харара. Тут не алхимики правят.

В городе Ашнара надеялась отыскать сведенья о том, как можно обратить действие алхимии. Снова стать обычной смертной.

— Древние наверняка знали, — сказала она. — Алхимики многое взяли из их книг. А если нет... уверена, Агат сможет выжечь это из меня. Он и твой яд со временем смог бы.

— Только этого времени не было. И Агат придет в ужас от одной мысли.

— Ты же его брат! Вот и поработай, всели в него немного уверенности в себе.

— Он и так неплохо справляется.

— Ох, Берилл, такое не исчезает за один день!

— Дар'тар. Мое имя души Дар'тар. Можно просто Дар.

Повернувшись, Ашнара серьезно посмотрела ему в глаза и торжественно кивнула:

— Я ценю это, Дар.

— Хорошо, что я не стал разрушителем.

Ашнара фыркнула и вернулась в уютное кольцо рук Берилла. Она не придавала значения всяческим пророчествам, но знала, что это важно для имперцев. К тому же, не

могла не признать, что пророчества не брались из воздуха и всё-таки имели под собой основу.

— Возможно, твои братья всегда были твоим спасением. — негромко сказала Ашнара. — Слишком похожие на матерей, они не дали тебе вырасти копией отца.

Много позже Берилл всё-таки выбрался из повозки Ашнары, привел себя в порядок и отправился на поиски брата. В лагерь прибыли еще ученые, так что вокруг царила веселая суета: разбирали привезенные вещи, новички жаждали тут же бежать во врата Ша'харара. Откуда-то потянуло ароматом еды.

У озера виднелась фигурка одного из грезящих. Берилл не вникал в детали, но знал, что они используют орихалк, чтобы замерять грёзы. Они подтверждали, что магия и правда будто просачивается из Ша'харара и питает всё вокруг.

Каэр отыскал карты, и теперь уже Бериллу как временному владыке империи предстояло решить, как организовать туда экспедиции и что делать с теми запечатанными городами, что на территории других государств. Ашнара утверждала, они все должны быть раскрыты. Древним оранжереям нужно выпустить ростки, чтобы магия по всему миру зацвела новыми красками.

Агат сидел за повозками и шатрами, чуть в стороне. Прямо на земле, скрестив ноги и закрыв глаза. Он явно ощущал магию, и Берилл замер, не зная, стоит ли мешать. Видимо, Агат услышал его, потому что открыл глаза и громко проворчал:

— Да иди уже сюда!

Берилл приблизился и уселся рядом. Впереди расстилалось озеро, где-то в вышине прокричал парящий ястреб.

— Мне нужно вернуться в столицу, — сказал Берилл. — Дела.

— А ты думаешь, почему я так старательно тут сижу? Вообще-то пытаюсь расширить поток магии. Чтобы тоже на время всё тут оставить и поехать с тобой.

— О, ты не говорил, что планируешь.

— Алмаз и мой брат. Я хочу его увидеть.

— Он... уже не тот.

— Не говори как император! — внезапно вспыхнул Агат. — Ты же не отказался от мысли забрать его во дворец?

— Конечно. Там его дом. Он стремился к нему. Может, что-то вспомнит... может, снадобья Ашнары или твоя сила поможет.

Агат фыркнул:

— Моя сила пока только свет включает.

— Я знаю, что ты можешь больше. И ты это знаешь.

— Да... я чувствую магию как грёзы, но она отзывчивая. Кажется, стоит направить — и всё будет! Это моя сущность. Часть меня. Просто я не привык себе доверять.

— Это ничего, Шиан. Я в тебя верю. И я рядом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net